

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА :
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

№ 11–12 2012 (ноябрь–декабрь)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной
ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Редакционный совет

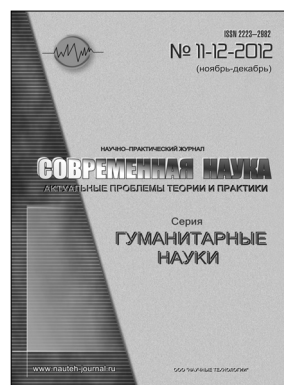
- В.Л. Степанов** – д.и.н., профессор, Институт экономики РАН
Ю.Б. Миндлин – к.э.н., доцент, Финансовый университет при
 Правительстве РФ
Э.Н. Алиева – д.ф.н., профессор, Московский институт
 экономических преобразований
А.А. Белик – д. филос.н., профессор, Институт этнологии и
 антропологии РАН
М.В. Михайлова – д.ф.н., профессор, МГУ им. М.В.Ломоносова
Я.М. Нейматов – д.п.н., профессор, Фонд развития
 инновационных технологий РФ
Н.О. Осипова – д.ф.н., профессор, Московский гуманитарный
 университет
В.В. Петрусинский – д.п.н., профессор, Российская Академия
 народного хозяйства и государственной службы при
 Президенте РФ
Г.М. Пономарева – д.филос.н., профессор, МГУ им.
 М.В.Ломоносова
Н.Л. Пушкарева – д.и.н., профессор, Институт этнологии и
 антропологии РАН
А.И. Савостьянов – д.п.н., профессор, Московский
 педагогический государственный университет
А.Е. Чирикова – д.соц.н., Институт социологии РАН
В.Н. Шаленко – д.соц.н., профессор Российского
 государственного социального университета
Н.А. Шведова – д.полит.н., профессор, Институт США и Канады
 РАН
С.А. Экштут – д.филос.н., профессор, Институт всеобщей
 истории РАН

Издатель: Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва,
Волгоградский пр–т, 116–1–10
Тел./факс: 8(495) 755–1913
E–mail: redaktor@nauteh–journal.ru
Http: //www.nauteh–journal.ru
Http: //www.vipstd.ru/nauteh

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в
сфере массовых коммуникаций, связи
и охраны культурного наследия.
Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77–44913 от 04.05.2011 г.

Scientific and practical journal

В НОМЕРЕ:

КУЛЬТУРОЛОГИЯ, ПЕДАГОГИКА,
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ ДО 1917 ГОДА,
ИСТОРИЯ СССР, ЗАРУБЕЖНАЯ ИСТОРИЯ,
ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ
И ИНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ
ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ

Журнал издается с 2011 года

Редакция:

Главный редактор
В.Л. Степанов

Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин

Верстка
VIP Studio ИНФО (www.vipstd.ru)

Подписной индекс издания
в каталоге агентства «Почта России» – 80015

В течение года можно произвести
подписку на журнал непосредственно в редакции.

Авторы статей
несут полную ответственность за точность
приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука: Актуальные проблемы
теории и практики» обязательна.

Журнал отпечатан в типографии

ООО «КОПИ–ПРИНТ»
тел./факс: (495) 973–8296

Подписано в печать 22.12.2012г.
Формат 84x108 1/16
Печать цифровая

Заказ № 0000
Тираж 2000 экз.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

- С.В. Корольков** – Традиции и регионально-национальные особенности прикладного искусства Ямало-Ненецкого автономного округа
S. Korolkov – Traditions and regional-national features arts of the Yamal-Nenets Autonomous District 3

ПЕДАГОГИКА

- Е.П. Максачук** – Когнитивный компонент в системе спортивного воспитания
E. Maksachuk – Cognitive component in the sports education ... 6
- Д.Н. Григорьев** – Воспитание толерантности в многонациональной среде
D. Grigoriev – Teaching tolerance in multicultural environment ... 8

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ ДО 1917 ГОДА

- Р.Р. Аминов** – Изучение Стрелецкого восстания 1682 года в отечественной исторической литературе
R. Aminov – Archer's study uprising in 1682 in the national historical literature 10
- М.А. Выборнова** – К вопросу о земских лечебных учреждениях Самарской губернии в конце XIX века
M. Vybornova – On the zemstvo hospitals Samara at the end of XIX century 13
- А.И. Языкова** – Научные публикации Петра Михайловича Языкова в "Горном журнале"
A. Yazykova – Scientific publications Pyotr Mikhailovich Yazykov in "Mining Journal" 16

ИСТОРИЯ СССР

- Р.А. Бадиков** – Оборона Псковского укрепленного района (1941 г.): постановка проблемы
R. Badikov – The defense of the fortified region of Pskov (1941): Problem 18
- А.С. Позднякова** – Судебная практика Вятского губернского революционного трибунала по делам о должностных преступлениях в 1918 г.
A. Pozdnyakova – The jurisprudence of the Vyatka province revolutionary tribunal in cases of misconduct in 1918 21
- В.В. Крючков** – Противоречия социально-экономического развития Куйбышевской области в период 1985-1991 гг.
V. Kryuchkov – The contradictions of the socio-economic development of the Kuibyshev region during 1985-1991's. 24

ЗАРУБЕЖНАЯ ИСТОРИЯ

- Е.П. Барина** – Дворянская семья Наумовых в эмиграции
E. Varinova – Naumova noble family in exile 33

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

- Г.М. Ипполитов** – Еще раз о феномене советской историографии
G. Ippolitov – Once again, the phenomenon of Soviet history ... 38
- Е.Ю. Бобкова** – Актуальные проблемы изучения отражения политического воспитания личного состава Красной Армии в межвоенный период в отечественной историографической науке
E. Bobkova – Actual problems of studying the reflection of the political indoctrination of the Red Army in the interwar period in the national historiography Science 43
- А.Г. Самойленко** – И.С. Орлай и распространение исторических знаний в России в начале XIX в.
A. Samoilenko – I.S. Orlay and the dissemination of historical knowledge in Russia in the early XIX century. 48
- Е.Я. Щербак** – Проблемы изучения морально-психологических аспектов воспитания личного состава ВС СССР: историографический обзор отечественных монографических и диссертационных исследований
E. Shcherbakova – Problems of the study of moral and psychological aspects of training of personnel of the Armed Forces of the USSR: historiographical review of national monographs and dissertations 52

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ

- В.Ю. Васецкая** – К вопросу о роли генерала М.В. Алексеева в формировании Добровольческой армии (ноябрь 1917 – февраль 1918)
V. Vasetskaya – The role of General MV Alexeyev in formation of the Volunteer Army (November 1917 – February 1918) 55
- Н.В. Костин** – Ликвидация безграмотности как основополагающий фактор укрепления воинской дисциплины в рядах Красной Армии в 1920-х гг.
N. Kostin – Elimination of illiteracy as a fundamental factor in the strengthening of military discipline in the ranks of the Red Army in 1920. 58
- В.А. Семькин** – Из истории строительства политорганов и организаций РКП (Б) в Красной Армии в годы гражданской войны (1918 – 1920 гг.)
V. Semykin – From the history of the construction of the political agencies and organizations of the RCP (B) in the Red Army during the Civil War (1918 – 1920) 66
- О.И. Чижиковский** – Партийно-политическая работа в Красной Армии в годы гражданской войны в России
O. Chizhakovsky – Party-political work in the Red Army during the Russian Civil War 71

ИНФОРМАЦИЯ

- Требования к оформлению рукописей статей, направляемых для публикации в журнале 74

ТРАДИЦИИ И РЕГИОНАЛЬНО-НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРИКЛАДНОГО ИСКУССТВА ЯМАЛО-НЕНЕЦКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА

TRADITIONS AND REGIONAL-NATIONAL FEATURES ARTS OF THE YAMAL-NENETS AUTONOMOUS DISTRICT

S. Korolkov

Applicant at KSU them. Nekrasov

Annotation

In this article as an example of the cultural heritage of the Yamal highlighted the problem of identifying regional and national characteristics and traditions and crafts.

Keywords: arts and crafts of the North, applied research kusstvo Yamal, crafts heritage, traditions, crafts Yamal.

Корольков Сергей Владимирович
Соискатель при КГУ им. Некрасова,
Преподаватель ГОУ СПО ЯНАО
"Ямальский многопрофильный колледж"

Аннотация

В статье на примере культурного наследия народов Ямала освещается проблема выявления регионально-национальных особенностей и традиций прикладного искусства.

Ключевые слова:

Прикладное искусство народов Севера, прикладное искусство Ямала, прикладное наследие, традиции прикладного искусства Ямала.

Народное искусство, прикладное творчество народов различных регионов – это истоки русского искусства. Это богатая многовековая бытовая культура различных народов, которые стремились свою повседневную жизнь окружить красотой, и тогда эстетические представления совершенно естественно переплетались с этическими, нравственными идеалами. Несмотря на эти факторы, традиционное прикладное искусство как объект научного изучения представляет собой редкое явление в современных исследованиях. Незначительное количество специалистов в этой области, отсутствие изданий и издательств, публикующих научные статьи и монографии по народному искусству ввиду отсутствия финансирования, и ряд других факторов социально-экономического и социокультурного характера отрицательно сказываются на современном состоянии изучения столь значимого явления отечественной региональной и национальной, а также мировой художественной культуры.

Вместе с тем объективно в сегодняшнем социуме присутствует потребность в искусствоведческих изысканиях и разработке ряда важнейших проблем традиционного прикладного искусства, имеющих философский, культурологический, историко-художественный и социологический характер. Среди многих прочих вопросов требует более глубокого изучения проблема выявления регионально-национальных особенностей и традиций прикладного искусства различных народов, населяющих регионы России. Решение этой проблемы существенно затруднено географическими факторами, исторически

сложившимся недостаточно внимательным отношением нашего государства к прикладному наследию и пониманию сущности его сохранения на протяжении многих последних веков.

Необходимо подчеркнуть, что среди специалистов-искусствоведов достаточно долго бытовало неправильное, на наш взгляд, мнение о прикладном искусстве. Считалось, что прикладное искусство не является искусством в собственном смысле слова, а представляет собой ремесленную практическую деятельность, потому что мастера прикладного искусства создают новые предметы, а не изображения предметов. Однако при этом признавался очевидный факт, состоящий в том, что прикладное искусство является сущностным выражением бытия, эмоций, чувств и мыслей отдельного мастера и коллективным созданием и отражением бытия народа его времени в целом [1, с.12].

На наш взгляд, создавая художественные, следовательно, и действенные предметы, традиционное прикладное искусство формирует новую художественную, эстетически осмысленную среду. Невозможно не признать художественно-воспитательное значение традиционного прикладного искусства, отрицать в нем образность, не считать его искусством в собственном смысле слова. Такая точка зрения приводит к непониманию значения искусства в области материальной культуры. Народное искусство на протяжении многих веков имело в качестве одной из основных коммуникативную функцию, оно служит средством передачи общественно важной информа-

ции и тем самым активно способствует развитию духовной жизни социума [2, с.61]. В современном мире значение традиционного прикладного искусства неизмеримо возросло. Оно вооружает человека теми знаниями, умениями, представлениями, которые помогают ему сохранить себя как биологическое и социальное родовое существо, как творческую личность, обладающую высокими моральными качествами, жизнестойкостью, добротой, человеколюбием, занимающую активную жизненную позицию и умеющую пластично вписываться в современное экономическое и социокультурное пространство.

Мастера традиционного прикладного искусства не просто создавали предметный мир, в котором живет человек. Самое особое свойство творчества художника народного искусства заключается в том, что оно заставляет особенно выразительно выражать скрытые в предметах материальной культуры сущностные силы человека и эпохи. Тем самым оно сознательно и усиленно влияет на формирование личности, пользующейся этими предметами и живущей среди них. Из этого следует, что всякое произведение традиционного прикладного искусства является образом человеческих чувств, желаний, стремлений, мыслей, скрытых в соответствующих предметах. Наличие неразрывных связей художественного творчества со всеми иными аспектами народной жизни является той питательной средой, которая позволила в народном прикладном искусстве разных эпох и народов России вновь и вновь воспроизводить с необходимой степенью древнейшие жизненности, общие для всего человечества художественные формы и принципы [1, с.23].

Традиционное прикладное народное искусство представляет собой сложный и многогранный социокультурный феномен, обладающий все более возрастающим воздействием на различные стороны жизни общества. Оно всегда открывало и продолжает открывать пути экспериментальной деятельности в самых разных сферах человеческой деятельности: педагогике, экономике, искусстве, рекламе, социологии, культурологии, социально-культурной деятельности и т.д. Традиционное прикладное искусство многогранно и многоаспектно. Его исследователи неоднократно подчеркивали универсальный характер народного искусства как социокультурного феномена.

Национальное прикладное искусство Ямало–Ненецкого автономного округа имеет вековые традиции и истоки, которые связаны с жизнедеятельностью коренных народов Севера, издавна проживающих на этой территории: ненцев, ханты, селькупов, коми–зырян, северных татар [3, с.16]. В силу территориальной протяженности Ямало–Ненецкого автономного округа, захватывающего арктическое побережье, тундру, лесотундру, приуральскую и таежные зоны, каждая территория имеет свои особенности, отразившиеся в видах прикладного творчества и использовании тех или иных материалов.

Так, в зоне арктического побережья, частично в Тазовском и Ямальском районах, кроме материалов, связанных с оленеводством (мех, кожа, замша, рог оленя) большое применение в прикладном искусстве нашли материалы, связанные с промыслом на морского зверя (клык моржа, шкура нерпы). В таежной зоне (Надымский, Красноселькупский, Пурувский, Шурышкарский районы) для прикладных целей активно использовались дерево, береста, травы, корневища. Широко применялись шкурки мелких пушных зверей (белка, горностай, бурундук), а также шкурки дичи, рыбы (налима, осетра). На сегодняшний день среди основных видов традиционных народных художественных промыслов и ремесел Ямала можно назвать следующие:

- ◆ пошив национальной одежды, обуви народов;
- ◆ художественная обработка кости, бивня мамонта, оленьего и лосиного рога;
- ◆ создание художественных изделий из меха, кожи, сукна и бисера (обрядовые и праздничные изделия);
- ◆ резьба по дереву;
- ◆ художественная обработка бересты
- ◆ художественная обработка металла [3, с.45].

Одним из оригинальных традиционных видов северного народного прикладного искусства является шитье и украшение одежды, обуви и головных уборов. Веками отработанное мастерство первичной обработки меха, выделки шкур, кожи, умение окрашивать мех и замшу в различные цвета бережно хранят и современные мастера художественной обработки меха и кожи. Для изготовления художественных меховых изделий применяется мех оленя, лося, нерпы, собаки, лисицы, песца, белки, бобра. Потребность в удобной и очень теплой одежде у народов Ямала исторически диктовалась природными условиями. Меховая одежда совершенствовалась веками. В связи с этим сформировались отличительные особенности меховой одежды народов региона: монументальность, строгость, тонкое чувство цвета, гармоничное сочетание оттенков меха и отделочных материалов – сукна или ровдуги (замши из оленей или лосиной шкуры).

Еще один из крайне выразительных видов прикладного творчества народов Севера – это искусство изготовления украшений из бисера. Большого расцвета изготовление бисерных бус и украшений достигло в конце XIX – начале XX в.в. Свою меховую одежду женщины Севера издавна декорировали костяными шарами, цилиндрическими трубками и другими мелкими изделиями (округлой формы и т.д.), колорируя их различными цветовыми оттенками. С появлением на Севере скупщиков пушнины в регионе распространилось бисероплетение, которое как вид прикладного искусства тщательно совершенствовалось. Нужно заметить, что далеко не всякий бисер подходил к суровым северным условиям региона. В частности, стеклянный бисер лопался и опадал. Поэтому ввиду при-

родных условий распространение на Севере стал приобретать бисер из других материалов – кости, рогов, металла, дерева и т.д. Рисунки для бисерных украшений северные мастера изобретали сами или заимствовали их из тканых или вышитых узоров. Наиболее распространенные бисерные орнаменты представляют собой простейшие квадраты, треугольники, кресты, шашки, арки и т.д. Ассортимент подобных изделий в прикладном искусстве региона, как показывают наши исследования, достаточно широк: это подвески к женским головным уборам, пояса, небольшие салфетки, кошельки, браслеты и другие украшения. Их непередаваемый колорит и этничность позволяют им и по настоящий момент выглядеть эффектно, современно и изящно как истинным предметам искусства. Изготовленные мастерами прошлого украшения прекрасно сочетались с одеждой наших предшественников, и сочетаются с одеждой современников, дополняя и украшая ее.

Косторезное мастерство, издавна широко распространенное в Ямало–Ненецком округе, является одним из древнейших видов деятельности человека, и на протяжении веков изделия этого промысла имели разное значение: от элементарных предметов быта и орудий труда до высокохудожественных произведений искусства, предметов и атрибутов роскоши. Традиционность, этнографическое своеобразие как отличительные особенности промысла являются наиболее привлекательными сторонами скульптурных композиций, представляющих образцы регионального прикладного искусства. Нерасторжимое единство человека с природой в большой мере обуславливает особую свежесть ямальского искусства в данной области. Поэтому сегодня мы являемся свидетелями рождения традиций творчества целого ряда самобытных ямальских мастеров (Л.К.Агичева, Г.Е.Аюпова,

О.В.Балашова, Г.В.Бадритдинова, В.А.Косинцев, Н.М.Кощелева, Э.Г.Кунина, С.В.Ледков, С.А.Лугинин, Е.Ю.Маклакова, Г.Н.Максимова, Л.М.Пуйко, Я.Я.Салиндер, А.М.Сязи, Н.С.Талигина, Г.Е.Хартаганов, Н.Г.Ширалиева, А.Л.Юхлымова, В.Ф.Ядне). Основанное на древних традициях, обновленное современной жизнью, искусство ямальских мастеров имеет большую художественную ценность и потенциал развития.

Важно подчеркнуть, что среди приоритетных направлений общественного развития народов ЯНАО сегодня в качестве ключевых позиций на региональном, в том числе программно–законодательном уровне [5], выделяются такие задачи, как сохранение, распространение и развитие национальной культуры и прикладного наследия, что позволяет воспитывать современное и будущее поколение в духе уважения к своему краю и его традициям, уважения прав и свобод, национального своеобразия различных народов региона, формирования целостного миропонимания и культурного мировоззрения, развития культуры межэтнических отношений и взаимодействий. Эти задачи, как уже подчеркивалось, не выполнимы без дальнейшей интеграции традиционного прикладного наследия в современную культуру и прикладное искусство, создания гармоничного синтеза данных направлений. Происходящие сегодня в регионе процессы, направленные на сохранение, глубокое научное исследование и возрождение регионального прикладного искусства с целью его продолжающейся трансляции в современную культуру свидетельствуют об истинном понимании глубокой роли традиционной народной культуры, его большом социально–эстетическом значении в жизни общества, в решении проблемы оптимального использования ручного творческого труда в современную эпоху.

ЛИТЕРАТУРА

1. Некрасова М.А. Современное народное искусство: связь времен. М.: изд-во "Искусство", 2001. 140 с.
2. Михайлов Б.Б. Социологическая проблематика в искусствознании // Вопросы искусствознания. Вып. 1. М., 1998. 270 с.
3. Коренные малочисленные народы севера Ямала: попул. очерк : [кн.–альбом]/ Под ред. Вэлло Л.П.; фот. и авт. текста Морозов Ю.А. СПб. : Русская коллекция, 2005. 73 с.
4. Декоративно–прикладное искусство Русского Севера и финно–угорских народов/ Сост.: Опрышко Г.В., Феклистова Л.Ю. Салехард: Северное издательство, 2008. 126 с.
5. Окружная долгосрочная целевая программа "Культура Ямала (2011 – 2015 годы)" (Утверждена постановлением Правительства Ямало–Ненецкого автономного округа №960–п от 20 декабря 2011 г.

КОГНИТИВНЫЙ КОМПОНЕНТ В СИСТЕМЕ СПОРТИВНОГО ВОСПИТАНИЯ

THE COGNITIVE COMPONENT IN THE SPORTS EDUCATION

E. Maksachuk

Moscow State Academy of Physical Culture and Sports

Annotation

At present the system of additional education is becoming increasingly important. Children's and youth sports schools in their efforts to solve important social task, preparing not only the sports reserve, but also helping to create a harmoniously developed personality. Of course, to enrich the knowledge of young athletes in the activities they choose to. In this paper we propose to consider a few areas that could play an important role in sports education.

Keywords: young athletes, Olympic education, anti-doping education, valeological education, self.

Максачук Екатерина Павловна

К.пед.н., Московская государственная академия физической культуры и спорта, Московская область, Люберецкий район

Аннотация

В настоящее время система дополнительного образования приобретает все большее значение. Детско-юношеские спортивные школы в своей деятельности решают важнейшую социальную задачу, подготавливая не только спортивный резерв, но и способствуя формированию гармонически развитой личности. Конечно же, обогащать юных спортсменов знаниями в области деятельности, которую они выбрали, необходимо. В данной статье предлагается рассмотреть несколько направлений, которые призваны сыграть важную роль в процессе спортивного воспитания.

Ключевые слова:

Юные спортсмены, олимпийское образование, антидопинговое образование, валеологическое образование, самообразование.

Детско-юношеские спортивные школы являются важным звеном социализации юных спортсменов. Несмотря на то, что роль когнитивного компонента в спортивном воспитании имеет огромное значение, часто ее недооценивают. Как следствие – недостаточность знаний в области спортивной деятельности. Но с этим необходимо бороться.

Поэтому, в когнитивный компонент спортивного воспитания следует включить следующие разделы:

- ◆ олимпийское образование;
- ◆ антидопинговое образование;
- ◆ валеологическое образование;
- ◆ основы спортивно-профессионального образования;
- ◆ самообразование.

Целью олимпийского образования является приобщение детей и молодежи к идеалам и ценностям олимпизма, ценностями которого являются: социальные характеристики идеала всестороннего развития гармонической личности, патриотизма в спорте, требования отказа от расовой, политической, религиозной и иной дискриминации, стремление к самовыражению, самоутверждению, самосовершенствованию во имя интересов общества в целом и каждой личности в отдельности средствами спорта. В плане образовательном эта педагогическая деятельность предполагает формирование и совершенствование следующих знаний:

1) об олимпийских играх и олимпийском движении, их истории, целях, задачах, об основных идеалах и ценностях олимпизма (в том числе о принципах "Фэйр плей", идеале гармонично развитого олимпийского атлета и др.);

2) о спорте, его разновидностях, о средствах и методах спортивной подготовки, обеспечивающих высокие достижения в спорте;

3) о гуманистическом, социально-культурном потенциале спорта, о его роли в здоровом образе жизни человека, о его месте в системе средств, обеспечивающих физическую культуру личности, а также о заключенных в нем возможностях для позитивного воздействия на нравственную, эстетическую, коммуникативную, экологическую культуру человека, на его интеллектуальные, творческие и другие способности, о путях реализации этих возможностей.

Антидопинговое образование ставит своей целью пропагандировать здоровье, справедливость и равенство для всех спортсменов. Допинг в корне противоречит духу спорта. Антидопинговые правила, так же, как и правила соревнований, являются спортивными правилами, которые должны неукоснительно соблюдаться.

Валеологическое образование дает расширение и углубление знаний о культуре здоровья на основе личностно-ориентированного обучения с позиции профессиональной деятельности. Результат валеологического образования определяется, с одной стороны, уровнем теор-

ретических знаний об основах здоровья и здорового образа жизни, а с другой, что особенно актуально, – наличием валеологической культуры, которая позволяет самому человеку занять активную позицию в отношении сохранения и укрепления собственного здоровья, использовать доступные методы и средства его контроля и коррекции для развития своих потенциальных возможностей.

Конечно же, необходимо сообщать юным спортсменам теоретический материал относительно спортивной деятельности, вида спорта, который он выбрал, причем информация должна быть изложена в соответствии с возрастом занимающегося.

Здесь должны быть следующие разделы:

- ◆ понятие о физических качествах;
- ◆ понятие о средствах и методах развития физических качеств;
- ◆ основы знаний о правилах соревнований по избранному виду спорта.

Самообразование как процесс овладения знаниями тесно связано с самовоспитанием и считается его составной частью. Для решения поставленной перед собой задачи используются различные пути, в том числе и самостоятельный поиск знаний путем чтения дополнительной литературы. Поэтому в процессе самовоспитания у юных спортсменов развивается умение самостоятельно организовать свою деятельность по приобретению новых знаний.

Критерии сформированности культуры самообразования определяются исходя из понимания культуры самообразования как единства знаний, креативных, операциональных и рефлексивных умений. В соответствии с

этим выделяется следующая система критериев и показателей культуры самообразования личности спортсмена.

1. Ценностное отношение к самообразовательной деятельности, проявляющееся через совокупность следующих показателей: действия по выбору ценностей и реализация их в качестве личных целей познавательной деятельности; осознание ценности самообразования; увлеченность познавательной деятельностью.

2. Стиль мышления, выражающийся в следующих показателях: осознание необходимости подхода к изучению вопроса; способность к синтезу знаний.

3. Технологическая готовность к самообразовательной деятельности, имеющая следующие показатели: осознание системы принципов, способов организации и построения самостоятельной познавательной деятельности; умение и навыки использования методов и приемов активизации познавательной деятельности; соблюдение принципов и методов организации учебно-познавательной деятельности.

4. Творческая активность личности спортсмена, которую можно выразить через: уровень самостоятельности и независимости в выборе изучаемых вопросов; ориентированность в различных областях знаний; способности осмысливать и трансформировать ситуацию в целях самообразования.

Только уделяя внимание всем компонентам спортивного воспитания мы можем сформировать личность юного спортсмена гармонически развитой, а следовательно социально целостной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Запесоцкий А. Образование: философия, культурология, политика.– Москва "Наука", 2002
2. Лубышева Л.И. Физическая и спортивная культура: содержание, взаимосвязи, диссоциации// Теория и практика физической культуры, 2002.– №3.– с.11–14
3. Рыбаков В.В., Федоров А.И. Спортивная культура в контексте проблем современного общества// Детский тренер, №3, 2005
4. Салов, В.Ю. "Непрерывное физкультурное образование": проблемы и перспективы /В.Ю. Салов //Материалы Первого международного конгресса "Термины и понятия в сфере физической культуры". – СПб., 2007. – С. 340–341.
5. Суслев Ф.П. Детско-юношеский спорт// Физическая культура .Детский тренер, №3, 2008.

© Е.П. Максачук, (Kate-Maksachuk@yandex.ru), Журнал «Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики».

ВОСПИТАНИЕ ТОЛЕРАНТНОСТИ В МНОГОНАЦИОНАЛЬНОЙ СРЕДЕ

TEACH TOLERANCE IN A MULTICULTURAL ENVIRONMENT

D. Grigoriev

PhD student, Department of pedagogy, in ROSZDRAV
"Novgorod State University of Yaroslav the wise"

Annotation

The paper reveals the importance of education of tolerance in a multi-cultural environment. The various techniques promote tolerance and multi-culturalism. The possible methods of teachers in this area.

Keywords: tolerance, polyethnicity, multicultural education, socio-cultural community.

Григорьев Дмитрий Николаевич

Аспирант, ГОУ ВПО

"Новгородский государственный
университет им. Ярослава Мудрого"

Аннотация

В статье раскрывается актуальность воспитания толерантности в многонациональной среде. Анализируются различные методики воспитания толерантности и поликультурности. Определены возможные методы работы педагогов в данном направлении.

Ключевые слова:

Толерантность, полиэтничность, поликультурное воспитание, социокультурные общности.

Мир становится теснее и начинает претерпевать фундаментальные изменения в процессе развития. В связи с этим сформировались новые требования к системе образования и воспитания учащихся, перед образованием встала важнейшая задача создания условий для обучения основным знаниям и навыкам, необходимым для совместной жизни. Проблема приобретает особую актуальность в условиях поликультурности, где общество диктует насущную потребность в утверждении культурного плюрализма средствами поликультурного образования. Понимание многообразия мира предполагает наличие внутренней толерантной позиции человека. В связи с этим значимым становится поиск путей, методов, технологий по созданию условий для воспитания ценностного сознания школьников и использование в этих целях потенциала средств образования толерантности и непосредственно толерантных начал.

Воспитание толерантности в многонациональной среде играет особую роль, будучи педагогическим императивом и условием выживания многополярных полиэтничных сообществ, механизмом, с помощью которого возможна эмоциональная, психологическая, духовная консолидация многонациональных социумов. Этим объясняются усилия, которые предпринимаются в поликультурных и полиэтничных обществах для формирования высокой толерантности.

С начала XXI в. в России выполнялись федеральная и региональные программы, исследовательские проекты Академии образования по изучению и внедрению воспитания толерантности в поликультурной и полиэтничной

школе. Обостренное внимание государства и педагогического сообщества к проблеме толерантности вполне объяснимо, поскольку ее решение для многонациональной школы выступает одним из системообразующих в поликультурном воспитании. Толерантность рассматривается центральным компонентом поликультурализма и отражает общечеловеческое через особые отличия людей [6, с. 85].

Начальные методики воспитания толерантности сравнительно несложны. Для поощрения толерантности учителю порой надо совсем немного – дать ученикам совет: молчи, не обращай внимания, терпи, не пререкайся, мысленно scomандуй себе: не волнуйся, переведи беседу на другую тему... Однако для систематического воспитания толерантности такие эпизодические приемы не достаточны. Необходим кропотливый и постоянный тренинг этнокультурной толерантности.

Воспитание толерантности, понимаемой как терпимость в отношении иных культур и этносов – лишь нижняя ступенька одной из целей поликультурного воспитания. За воспитанием терпимости должны следовать понимание, уважение и, наконец, активное сотрудничество. Действуя в таком направлении, российские педагоги выявили многозначность толерантного воспитания в поликультурной среде. Это такие учёные, как С.К. Бондырева и Д.В. Колесов [1], В.Ю. Зорин [3], В.С. Собкин [4]. Они сформулировали ряд педагогических дефиниций этого феномена, в частности, миролюбивость, уважение к другим языкам и тем, кто на них говорит, терпимость к этническим, религиозным, политическим, конфессиональным разли-

чиям, деликатное отношение к представителям всех этнокультурных групп, признание возможности равноправного существования "другого". Среди основных направлений воспитания толерантности выделяется формирование готовности быть открытым для понимания многообразия культур и истории других народов.

Учеными выявлены определенные тендерные различия среди школьников при проявлении толерантности: наибольшую склонность к ней проявляют школьницы-подростки. Отмечена также возрастная динамика движения подростков к приятию толерантности.

Для поликультурного воспитания неприемлема идея абсолютной толерантности. Эта идея не только невозможна, но и социально опасна, поскольку предполагает воспитание предельного конформизма или готовности поступиться принципами толерантности. Между тем, у подростков надо воспитывать активное неприятие социальной несправедливости, ксенофобии и национализма.

Основным показателем успешности поликультурного воспитания является открытость личности иным этнокультурным ценностям, что означает, в первую очередь, уважительное отношение к людям другого образа жизни и поведения, видение в культурном многообразии источник общественного блага, готовность участвовать в решении межкультурных конфликтов.

Дж. Бэнкс выделяет четыре группы результатов, которые обеспечивает поликультурная педагогика:

- ◆ равные возможности обучения;
- ◆ осведомленность о многообразии культур;
- ◆ поликультурность программ обучения;
- ◆ вхождение в социум на равных, независимо от этнической принадлежности [5, с. 16].

В мировой науке проведены перспективные исследования по определению критериев эффективности поликультурного воспитания. Можно сослаться в этой связи на сформулированные американским ученым К. Грантом уровни приобретаемой в результате образования поликультурной воспитанности (компетенции).

Методики выявления результатов и эффективности поликультурного воспитания формулируют и отечественные ученые. Предложена многоэтапная диагностика:

- ◆ **первый этап** – опросы, анкетирование, рейтинговые оценки, наблюдения;
- ◆ **второй этап** – тестирование, проигрывание проблемных ситуаций;
- ◆ **третий этап** – самооценка, анализ деятельности;
- ◆ **четвертый этап** – выделение индикаторов–показателей деятельности личности в многонациональном социуме.

Любопытный эксперимент по апробации показателей, уровней и оценки результатов поликультурного воспитания провёл В.А. Ершов [2, с. 108–115]. Показателями педагогической эффективности служили знания о поликультурной среде, эмоциональное отношение к реалиям и представителям поликультурного социума, поведение в нем. Были сформулированы три уровня поликультурной воспитанности учащихся: высокий, средний, низкий, а также способы измерения этих уровней. Например, на высоком уровне знания о поликультурной среде должны носить глубокий характер, эмоциональная оценка иной культуры исходить из рационального, критического подхода, нормы поведения базироваться на ценностях взаимного уважения. На низком уровне знания о поликультурном мире отсутствуют, наличествует преимущественно эмоционально–отрицательное восприятие иных социокультурных общностей, в поведении проявляются националистические тенденции.

"Замеры" успешности поликультурного воспитания могут быть сделаны по степени освоения гуманистических ценностей, осознания самобытности различных культур, осмысления общности культур, воспитания уважения к родной, общенациональной и мировой культурам, наличию навыков и умений межкультурного и межнационального общения. Подобное измерение осуществляется при использовании традиционной системы оценки знаний, а также посредством психологического мониторинга с помощью бесед, интервьюирования, анкетирования, изучения продуктов творчества учащихся, анализа конкретных педагогических и жизненных ситуаций, рейтинга и т.д.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондырева С.К., Колесов Д.В. Толерантность. Введение в проблему. – М.: МПСИ; МОДЭК, 2011. – 240 с.
2. Ершов В.А. Поликультурное образование в системе общеобразовательной подготовки учащихся средней школы: дис. канд. пед. наук. – М., 2000. – 185 с.
3. Зорин В.Ю. Национальная политика в России: история, проблемы, перспективы. – М.: ИСПИ, 2002. – 284 с.
4. Собкин В.С. Толерантность в подростковой и молодёжной среде. Труды по социологии образования. – М.: центр социологии и образования РАО, 2004. – 223 с.
5. Banks J. Multiethnic Education: Theory and Practice. Boston, 1981.
6. Lee J., Warner R.L. Multiculturalism and Multicultural Education in USA: Theory and Pedagogy // Public Policy and Politics in Sakhalin, Russia and Oregon, Oregon State University, 2004, p. 155.

ИЗУЧЕНИЕ СТРЕЛЕЦКОГО ВОССТАНИЯ 1682 года В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

STUDYING OF STRELETSKY REVOLT OF 1682 IN DOMESTIC HISTORICAL LITERATURE

R. Aminov

History institute of S.Mardzhani AN RT, Kazan

International scientific-practical conference "Development of national historical science in the XXI century", Moscow, December 21, 2012.

aminov@mail.ru

Аминов Рустем Равилевич

Институт истории

им.Ш. Марджани

АН РТ, Казань

Материалы международной научно-практической конференции "Развитие отечественной исторической науки в XXI веке", г.Москва, 21 декабря 2012 года.

Стрелецкое восстание 1682 года – это крупное антиправительственное выступление стрельцов и солдат Москвы, поддержанных частью горожан и крестьян окрестных сёл.

Стрелецкие выступления называют в отечественной историографии и Стрелецким восстанием [4, 185], и Стрелецким движением [3, 37], и Московским восстанием [1, 131], и Стрелецким бунтом [7, 225]. Это свидетельствует о неоднозначности выступления стрельцов и необходимости изучения истории стрелецкого восстания. Однако на сегодняшний момент в историографии нет целостного представления о подходах историков к сущности Стрелецкого восстания 1682 года.

Отечественные учёные XIX века видели различные причины и предпосылки Стрелецкого бунта 1682 года. И.И. Голиков считает причиной восстания политические действия Софьи против Нарышкиных, направленные на захват власти. Н.Г. Устрялов же зачинщиками восстания называет сторонников Софьи, а именно Александра Милославского и Петра Толстого.

С.М. Соловьёв считает причиной восстания интриги Софьи и её действия, направленные против Нарышкиных с целью захвата власти. Костомаров писал, что трудно было оспорить Софье законность царствования Петра, царского сына, избранного волею земли, нарушение народной воли могло совершиться только путём бунта, и для этого в Москве нашёлся готовый, горячий материал. Таким образом, Костомаров также как и Соловьёв считает Софью причастной к началу восстания.

Н.Я. Аристов считает причиной Стрелецкого восстания 1682 г. недовольство народа и, в частности, стрель-

цов своим положением, и поддерживает точку зрения большинства историков о том, что причиной восстания 1682 года послужила классовая борьба. А.Г. Брикнер причину Стрелецкого восстания не раскрывает. Более того, исследователь не только не указывает дату подачи стрельцами челобитной, но и вовсе не говорит о ней; возможно, это вызвано тем, что Брикнер считал причиной восстания не тяжёлое положение стрельцов, а интриги внутри двора.

Е.Г. Белов отмечает, что действия царевны Софьи против Нарышкиных не могли явиться причиной стрелецких волнений 1682 г.

На развитие событий Стрелецкого восстания 1682 г. отечественные исследователи XIX в. смотрели по-разному. Так, И.И. Голиков приводит лишь список погибших, а подробности того, кто и каким образом умер от рук стрельцов, в работе Голикова отсутствуют. Н.Г. Устрялов пишет об убийстве стрельцами Аверкия Кирилова, дотора Гадена, Ивана Языкова [11, 36–37]. Н.И. Костомаров в описании многих событий не солидарен с С.М. Соловьёвым так, например Костомаров упоминает о смерти стрелецкого начальника Горюшкина и Юренева о смерти которых, не говорят, Соловьёв Брикнер и Аристов. Кроме того Костомаров в своём труде умалчивает о списке жертв стрельцов, Также он не указывает, в отличие от Соловьёва на то что Хованский делал знаки чтоб стрельцы бросились на Матвеева, этот факт также не указан в работах Брикнера и Аристова. Но в то же время Костомаров как и Соловьёв напоминает о том, что именно 15 мая был убит царевич Дмитрий (сын Ивана Грозного), а также об убийстве Даниэля Гадена Костомаров пишет: 17 мая, "Рано утром, в Немецкой слободе поймали в одежде нищего и в лаптях несчастного Даниэля. Даниэля повели

в застенках, пытали, а потом рассекли на части" [7, 222].

С Костомаровым в вопросе о смерти и даты смерти Гадена солидарны Соловьёв и Аристов, Брикнер указывает только на мучительную смерть Гадена.

Аристов в отличие Соловьёва, Костомарова и Брикнера, утверждает что "Уже 16 мая Софья пыталась образумить стрельцов и говорила строго, чтобы они, помня крестное целование, так к ним в дом их государев не приходили с невежеством".

А.Г. Брикнер в своей работе не указывает много важных сведений, например таких что "Хованский делал стрельцам знаки, чтоб они бросились на Матвеева" [10, 261]. Этот факт также отсутствует у Костомарова и у Аристова.

Также учёный, в отличие от Соловьёва, Костомарова и Аристова, не указывает на тот факт, что царевна Софья и Марфа Матвеевна (вдова царя Фёдора Алексеевича), просили стрельцов не убивать фон Гадена. Соловьёв и Брикнер указывают в своих работах на то, что по просьбе некоторых бояр, опасавшихся гнева черни, а также царевны Софьи, Иван Нарышкин был отдан на растерзание. Об этом событии не говорят Костомаров и Аристов.

При анализе трудов исследователей XIX в. выясняется, что они не сходятся во мнении относительно того, когда убили стрельцы во время восстания.

Так, например, Брикнер не описывает в своём труде убийство стрельцами Ф.П. Салтыкова, а также убийство Аверкия Кириллова, об убийстве которого упоминает Аристов, а также об убийстве в первый день бунта Горюшкина и Юренева, о чём сообщает Костомаров.

Но, несмотря на все недостатки работы Брикнера он сообщает, что мятежники действовали, очевидно, по предварительно составленному плану, руководствуясь списком жертв, на котором было обозначено не менее 46 лиц" [5, 49]. Здесь стоит обратить внимание на то, что Брикнер даёт определённое количество жертв в отличие от Н.Я. Аристова, С.М. Соловьёв открывает для читателя фамилии жертв, но не указывает их количество, Н.И. Костомаров утверждает, что количество жертв было около 40.

Соловьёв подробнейшим образом описывает события, связанные с требованиями стрельцов после бунта. А именно то что стрельцы потребовали, чтобы на Красной площади установили столб и чтоб на нём были написаны имена "всех этих злодеев и вины их, за что побиты"; а также, чтобы их никто бунтовщиками и изменниками не называл. Эти сведения отсутствуют в работах Брикнера, Костомарова и Аристова.

Е.А. Белов в своей статье уделяет большое внимание взаимосвязи восстания мая 1682 г. в Москве и событий 1689 (попытка Софьи произвести переворот, после которой её заточили в Новодевичий монастырь) и 1698 гг.

Отечественные учёные XX в. так же, как и исследова-

тели XIX в., по-разному объясняли причины и предпосылки Стрелецкого восстания 1682 г. М.М. Богословский считал причиной восстания интриги Софьи. С.К. Богоявленский видел причины восстания в тяжёлом положении стрельцов. Богоявленский не указывал на то, что И.А. Хованский вызвал эти волнения, но отмечал, что Хованский мог содействовать тому, что движение стрельцов приняло политический характер. С.К. Богоявленский придерживался той точки зрения, что волнения не были вызваны интригами Софьи.

Л.В. Черепнин причиной Стрелецкого восстания считал недовольство стрельцов притеснениями и злоупотреблениями своих полковников [8, 19]. Также он указал, что стрельцы вмешались в дворцовую борьбу ради улучшения своего положения.

А.А. Новосельский считал, что анализ списка лиц, на которых в первую очередь обрушилась ярость стрельцов, позволяет заключить, что значительное место в стрелецком списке жертв занимали личные недруги Хованского и его семья и что список был составлен, вероятно, не без его участия [9, 327]. Поэтому Новосельский главным зачинщиком восстания считает И.А. Хованского, а не царевну Софью.

В.И. Буганов, в значительной степени основываясь на труде Сильвестра Медведева "Созерцание краткое", полагал, что предпосылками восстания являлось недовольство широких кругов населения ("людей"): "Обвинения на неправды и обиды "всюду не точию в мужех, но и в жёнах словеса от обид и в неполучении правных дел всюду происходили". Таким образом, по Буганову, недовольство вызывала широко распространившаяся система взяточничества, несправедного суда, всяких насилий и притеснений, особенно засилье временщиков, вообще всяких "великих", "начальных" людей, то есть правящей верхушки государства [6, 87–88].

По А.П. Богданову же, стрельцы подняли восстание с целью не допустить боярского правления ввиду того, что малолетний Пётр был не в состоянии руководить государством [2, 22].

Ход и итоги стрелецкого восстания 1682 года были рассмотрены отечественными историками XX в. в различной степени. Так, труд М.М. Богословского, являясь публикацией материалов о правлении Петра Великого, не содержит достаточно материала для исследования Стрелецкого восстания 1682 г. Например, у Богословского не отмечен факт смерти доктора Гадена (это отмечено в работах С.К. Богоявленского, В.И. Буганова и А.П. Богданова).

С.К. Богоявленский упоминает об убийстве Аверкия Кириллова, Салтыковых, Нарышкина, А.С. Матвеева, затрагивает в своей работе проблему списка жертв и приходит к выводу, что он был заранее продуман стрельцами. В этом с ним солидарен В.И. Буганов.

Иную точку зрения на вопрос участия простого народа имеет В.И. Буганов который, ссылаясь на официальные правительственные документы (грамоты о сборе ратных людей для борьбы с восставшими, об окончании восстания) подтверждают известия об участии "народа" в событиях середины мая: стрельцы и солдаты "приходили на наш государский дом... бестудством и безстрашием с народом и со всяким ружьём", а Хованского и А. Юдина "с товарищи" казнили 17 сентября не только за "их многое воровство" и за "измену", но и "за возмущение в народе" (или: "возмущение народа") [6, 148]. Так же следует упомянуть, что Буганов ссылаясь на разрядную записку "Смутное время" приводит список жертв"[6, 150]. Таким образом, Буганов считает, что у стрельцов был заранее составлен список людей, которых они желали убить.

Л.В. Черепнин рассматривал в основном взаимосвязь Стрелецкого бунта 1682 года с другими восстаниями, выступлениями, происходившими в одно время или после стрелецкого восстания 1682 года в частности с восстанием на Дону, возглавленное сначала атаманом Ильей Ивановым, а затем Иваном Терским, а также с выступлением в Москве в 1682 году боярских холопов, которые громили приказы и уничтожали документы, фиксировавшие холопью несвободу [9, 20].

А.А. Новосельский в "Очерках истории СССР. Период феодализма. XVII век", вследствие обобщающего характера труда, подробно не описывает Стрелецкое восстание 1682 г., но и не оставляет без внимания вопрос о связи стрельцов с другими слоями населения. Исследователь приходит к выводу о том, что Стрелецкое восстание не имело внутренней связи с интересами трудящихся классов и не было антифеодальным движением. Таким образом, вывод А.А. Новосельского по этому вопросу со-

впадает с положениями, выдвинутыми С.К. Богоявленским, Богоявленский сообщает о том что "Московские крестьяне не могли принимать участия в стрелецком восстании, так как их в городе было мало и у них со стрельцами не было ни каких точек соприкосновения" [4, 202].

Богоявленский утверждает, что стрельцы были одиноки, "и только отдельные лица из разных слоёв посадского населения примкнули к ним.

Работа В.И. Буганова "Московские восстания конца XVII века" стоит особняком в ряду других и выделяется тем, что в ней рассмотрены все вопросы, связанные со Стрелецким восстанием 1682 г., а также тем, что В.И. Буганов использовал в своём труде наибольшее количество источников.

А.П. Богданов по вопросу о списке жертв восстания солидарен с С.К. Богоявленским и В.И. Бугановым и считает, что этот список был продуман заранее [1, 139].

Таким образом, Стрелецкое восстание 1682 г. в отечественной историографии XX века изучено довольно подробно. События Стрелецкого восстания 1682 года изучались отечественными историками XIX и XX века, как в общих, так и в специальных работах, но, несмотря на хорошую изученность данной тематики, целостного подхода и фундаментального труда об истории Стрелецкого восстания 1682 года на сегодняшний день нет. Также следует сказать что и по сей день отечественные историки спорят о причинах и предпосылках восстания, его особенностях у каждого из них как видно из данной статьи свои точки зрения на каждый из аспектов и нюансов восстания стрельцов в Москве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богданов А.П. Начало московского восстания 1682 г. в современных летописных сочинениях / А.П. Богданов // Летописи и хроники. Сб. статей. – 1984. – С. 131–147.
2. Богданов А.П. Царевна Софья и Пётр. Драма Софии. / А.П. Богданов. – М., Вече. 2008. – 352 с.
3. Богословский М.М. Пётр I. Материалы для биографии / М.М. Богословский. – М.: ОГИЗ, 1940. – 435 с.
4. Богоявленский С.К. Хованщина / С.К. Богоявленский // Исторические записки. – 1941. – Т. 10 – С. 180–221.
5. Брикнер А.Г. История Петра Великого / А.Г. Брикнер. – М: Фирма СТД, 2007. – 640 с.
6. Буганов В.И. Московские восстания конца XVII века / В.И. Буганов. – М: Современник, 1969. – 442 с.
7. Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях её главнейших деятелей / Н.И. Костомаров. – М: Эксмо, 1998. – Т. III. – 1300 с.
8. Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII век / Под ред. А.А. Новосельского. – М: Издательство Академии Наук СССР, 1955. – 383 с.
9. Памятники русского права. Выпуск седьмой. Памятники права периода создания абсолютной монархии. Вторая половина XVII века / Под редакцией Л.В. Черепнина. – М: Государственное издательство юридической литературы, 1963. – 510 с.
10. Соловьёв С.М. Сочинения. Книга VII. История России с древнейших времён Т. 13 / С.М. Соловьёв. – М: Эксмо, 1991. – 428 с.
11. Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого / Н.Г. Устрялов. – СПб., – 1858 – 1864. – 400 с.

К ВОПРОСУ О ЗЕМСКИХ ЛЕЧЕБНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX века (на материалах Николаевского и Новоузенского уездов)

ON MEDICAL INSTITUTIONS ZEMSKY
SAMARA PROVINCE IN THE LATE XIX
century (for materials Nicholas and
Novouzensk County)

M. Vybornova

Ph.D., Volga State Social Humanitarian Academy, Samara,
associate professor of Russian history and archeology

International scientific-practical conference "Development of national
historical science in the XXI century", Moscow, December 21, 2012.

vybmariya@mail.ru

Выборнова Мария Александровна

К.и.н., доцент кафедры
отечественной истории и археологии
Поволжская государственная
социально-гуманитарная академия,
Самара

Материалы международной научно-практической конферен-
ции "Развитие отечественной исторической науки в XXI веке",
г.Москва, 21 декабря 2012 года.

Во второй половине XIX века в Самарской губернии начинается процесс формирования и становления структуры медицинских учреждений. В северных, центральных и южных уездах обширной территории губернии эти процессы протекали с местными особенностями.

Система организации медицинской помощи в Николаевском уезде на четырёх участках была стационарная, в остальных – смешанная. Уезд был разделен на 12 медицинских участков в 1887 году.

На территории Николаевского медицинского участка располагалась Николаевская больница, помещавшаяся в двух деревянных одноэтажных бараках (мужское и женское отделения). Для летнего помещения больных имелся еще дощатый барак с земляным усыпанным песком полом, без потолка с одной верхней крышей. В нем отделены помещения для сифилитиков, амбулатория и ожидальня. Оба зимние помещения были устроены по одному общему плану: в мужском отделении 6 палат, 2 из них для сифилитиков, приемная комната для амбулаторных (она же и операционная), и комната для дежурного фельдшера, ожидальня располагалась в небольшой передней. Непосредственно к больнице примыкала ванная комната и ретирадное место, последнее отделено от больницы небольшим теплым коридором. Нечистоты удалялись при помощи сменных ящиков [2; 2–4]. Женское отделение – флигель – в нем три палаты (одна для сифилитиков) и комната для осмотра приходящих. Отопление обоих зда-

ний осуществлялось голландками, вентиляторы – круглые (Сан-Галли) в печах и стенах. В одной самой большой палате устроен камин. Стены больницы заштукатурены и выбелены, в мужском отделении снизу до половины покрыты масляной краской. Кроватей в мужском отделении было 30, а в женском 15. Мужское отделение – было довольно ветхое, а женское – капитально ремонтировалось, поэтому было достаточно прочным. При больнице квартиры для персонала не было [2; 7–10].

Балаковский медицинский участок располагал Балаковский больницей. Она находилась в большом наемном деревянном доме с просторным двором и садом. Дом разделен был на две половины: мужскую и женскую, в каждой по две комнаты, из них по одной для сифилитиков. В особой деревянной пристройке находилась аптека, амбулатория и ожидальня. Данная пристройка была отделена от больничного помещения капитальной стеной, и вход для амбулаторных больных был отдельным. В этой же пристройке располагалась кухня. Отдельного кабинета для врача не было. [3; 2–4].

Об организации медицинской помощи в Липовском участке сведений крайне мало, т.к. там находился лишь небольшой приемный покой, который располагался в деревянном флигеле. Он был разделен перегородкой на 2 комнаты (мужскую и женскую). В небольшой передней помещалась аптека и амбулатория [3; 6].

Больше-Глушицкий медицинский участок был обра-

зован в 1888 году. В с. Большая Глушица была больница на 10 кроватей, при ней врач, фельдшер и фельдшерица-акушерка. Большеглушицкая лечебница располагалась в собственном земском здании, в одноэтажном деревянном доме. Помещение для больных состояло из четырех комнат, разделенных внутренним коридором. Две большие палаты, в которых размещалось по три кровати. В двух меньших по две кровати. Отхожие места были в холодных сенях, система удаления нечистот – выгребная. При лечебнице была приемная для амбулаторных больных вместе с аптекой и ожидальня. Через сени находилась кухня. Во дворе больницы стояла баня. Отделенная капитальной стеной от здания больницы располагалась квартира для фельдшера [3; 8–11].

В 1887 и 1888 гг. были образованы соответственно Берёзовский и Богородский медицинские участки. В центральных сёлах этих участков располагались больницы на 4 кровати каждая.

Седьмой участок Екатеринштадтский был образован в 1887 году. В с. Екатеринштадте больница на 10 кроватей и в 30 верстах фельдшерских пункт. Екатеринштадтская больница помещалась в наемном одноэтажном деревянном, обложенном камнем доме. В нем была большая передняя, из которой был ход во все комнаты. Особая палата имела только для сифилитиков. Особых изоляционных зимних или общих летних палат не было. Амбулатория размещалась в одном здании с больницей, и передняя служила ожидальней. Кабинет врача и аптека помещались в одной комнате. При больнице в отдельном помещении жил фельдшер [3; 15].

Марьевский участок образован в 1887 году. В с. Марьевке больница на 4 кровати [3; 16]. Мокшанский образован в 1887 году. В с. Мокше больница на 4 кровати [3; 17]. Перелюбский образован в 1887 году. В с. Перелюбе больница на 4 кровати [2; 12].

Десятый участок Пестровский образован в 1884 году. В с. Пестровке больница на 4 кровати. Пестровская лечебница, переименованная в 1887 году в приемный покой на 4 кровати, переведена обществом в помещение из 2 небольших комнат, аптеки и небольшой амбулатории [3; 19].

Двенадцатый участок Рахмановский образован в 1887 году. В с. Рахмановке больница на 4 кровати. Медицинский персонал при всех участках состоял из врача, фельдшера, фельдшерицы-акушерки или акушерки [2; 14].

Что касается помещений в остальных семи пунктах, то можно ограничиться их общей характеристикой. Все они помещались в крестьянских деревянных домах. Перегородкой разделены на две комнаты, для мужчин и женщин. В передней стоял шкаф и стол – здесь располагалась ап-

тека и амбулатория. Ожидальня перемещалась в холодные сени. Зимой больные ожидали приема в кухне, где жил служитель приемного покоя [3; 15–21].

В Николаевском уезде лечебные заведения были трех разрядов: городская больница на 40 кроватей, 3 сельских лечебницы (в селах Балакове, Большой Глушице, Екатеринштадте) по 10 кроватей и 8 приемных покоев по 4 кровати в каждом, в селах Липовке, Березовом, Пестровке, Рахмановке, Марьевке, Перелюбе, Мокше, Богородском. Фельдшерских пунктов было два: Панинский в немецких колониях и фельдшерско-акушерский в с. Николаевске Липовского участка. Родильных приютов не было. Акушерских пунктов не было. Случаи акушерской практики между крестьянским населением ограничивались преимущественно неправильными родами. Чаще всего врачу приходилось иметь дело с поворотом плода при неправильном положении, с извлечением задержанного последа и послеродовыми заболеваниями.

В лечебницы уезда принимались без различия все больные местные и иногородние по усмотрению врачей. Насильственных мер к привлечению в лечебницы сифилитиков и других заразных больных не практиковалось. Обязательному лечению подлежали проститутки, новобранцы, лица, присылаемые на испытание судебными властями и полицией. В приемные покои принимались больные с острыми формами, требующие немедленной помощи. В больницах больным давалось полное содержание, в приемных покоях пациенты должны были иметь свое белье.

При городской больнице было три бесплатных койки для бедных больных. Со всех остальных пациентов взималась плата за коечное лечение в размере 20 копеек в сутки [3; 15].

Во всех участках с больницами Новоузенского уезда система организации медицинской помощи была стационарная. В тех участках, где имелись только приемные покои или амбулатории, система была разъездная. Уезд был разделен на 12 участков, с местом жительства врача в каждом. Покровский участок, образован в 1865 году. В слободе Покровской больница на 30 кроватей зимой и на 40 кроватей летом. При ней врач, два фельдшера, фельдшерица-акушерка, фельдшер-оспопрививатель [1; 3–5]. О других участках сведений нет.

Все лечебные заведения ранее помещались в частных наемных домах, мало приспособленных для данной цели. В каждой больнице было по две низких и тесных, без всякой вентиляции, палаты – мужской и женской. Больные с заразными заболеваниями лежали в одной палате с остальными, поэтому нередкими были случаи заражения острыми инфекционными болезнями в самой лечебнице. Об устройстве лечебных заведений имеются подробные сведения о Новоузенской и Покровской больни-

цах [3; 6].

Новоузенская больница помещалась в частном наемном доме. В доме были сделаны некоторые улучшения, но проблема плохой вентиляции, недостаток света и воздуха, холодное отхожее место по-прежнему оставались. С 1884 года земство по ходатайству врачей устроило свои помещения для больниц. Первой была построена больница в с. Март на 25 кроватей, с центральным коридором, с квартирой для врача и фельдшера. В 1885–1886 гг. были выстроены две деревянные больницы в с. Ровном и слободе Покровской, с боковым и центральным коридором соответственно. Новые больницы относительно размещения больных, по высоте здания, количеству и размерам окон были удовлетворительны. Однако, проблема вентиляции так и не была решена. Что немаловажно амбулатории в этих больницах были отделены от палат. Кроме Покровской, имеющей отдельные бараки, в остальных для заразных больных были только отдельные палаты. Особых помещений для рожениц не было [3; 7–8].

Покровская больница на 30–40 кроватей помещалась в деревянном одноэтажном здании, была открыта в

1886 году. Система постройки централь–коридорная. Лечебных палат было шесть. На каждую кровать около 30 кубических аршинов воздуха. Во дворе больницы находилось два барака (летний и зимний) для заразных больных. Летний барак на 6 кроватей – от земства, зимний на 12 кроватей, построен обществом, но содержался также земством. Для сифилитиков обоего пола в главном здании особые палаты. В больнице имелся ватерклозет. Нечистоты собирались в выложенной кирпичом и зацементированной яме, из которой вывозились один раз в месяц. Аптека, кабинет врача, ожидальня были отделены от палат поперечным коридором с двумя капитальными стенами. Здание больницы было выкрашено изнутри масляной краской. На территории больницы был дом врача и флигель фельдшера. При больнице была усыпальница. С каждого коечного больного из своего или другого уездов взималось по 20 копеек в сутки.

В 1885 году коечное лечение сделали бесплатным, но, найдя данный порядок невыгодным, земство вновь ввело оплату. Зато амбулаторные больные все без исключения получали совет и медикаменты бесплатно [1; 10–12].

ЛИТЕРАТУРА

1. Обзор земско–медицинской деятельности Новоузенского уезда за 1901–1904 гг. Слобода Покровская, 1904.
2. Годовой обзор Николаевского уезда за 1911 год. Николаевск, 1912.
3. Годовой обзор Николаевского уезда за 1913 год. Николаевск, 1914.

© М.А. Выборнова, (vybmariya@mail.ru), Журнал «Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики».

НАУЧНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ ПЕТРА МИХАЙЛОВИЧА ЯЗЫКОВА В "ГОРНОМ ЖУРНАЛЕ"

SCIENTIFIC PUBLICATIONS
PETER M. YAZYKOV
IN "MINING JOURNAL"

A. Yazykova

Post-graduate student of World History
and Archaeology PGSGA, Samara

International scientific-practical conference "Development of national
historical science in the XXI century", Moscow, December 21, 2012.

YazykovaAl@yandex.ru

Языкова Анастасия Игоревна

Аспирантка кафедры

Отечественной истории и археологии

ПГСГА, г. Самара

Материалы международной научно-практической конференции "Развитие отечественной исторической науки в XXI веке", г. Москва, 21 декабря 2012 года.

Рост машиностроения, паровой энергетики, металлургии, строительство железных дорог, расширение капиталистической торговли и связанного с ней денежного обращения колоссально в конце XVIII века увеличили спрос на самые разнообразные продукты горного дела. Металлургия в связи с переводом доменного процесса на минеральное топливо требовала огромных количеств железной руды и каменного угля.

Рост потребления металлов требовал развития горно-перерабатывающей промышленности. Для освоения и усовершенствования горной техники необходимы были специальные кадры, а также соответствующие учебники и книги по горному делу. Ценнейший источник по истории горной науки и техники – один из первых технических журналов в мире – "Горный журнал". Он сыграл выдающуюся роль в развитии всего горного дела. Инициатива его издания принадлежит воспитанникам Петербургского кадетского корпуса, учрежденному по инициативе и ходатайству рудопромышленников, русским ученым – Д.С.Соколову, П.П.Аносову, В.В.Любарскому и др. [1, с. 25].

Большинство статей, печатавшихся в "Горном журнале", стояли на высоком научном уровне, многие из них принадлежали выдающимся ученым России и иностранным деятелям науки и техники и охватывали многочисленные области естествознания и техники, относящиеся к горному делу. Их содержание отражает расширение знаний по горной науке, развитие оригинальной отечественной горнотехнической мысли.

На страницах "Горного журнала" освещались различные вопросы, связанные с техническим и хозяйственным состоянием горных предприятий, результаты исследований природных минеральных ресурсов отдельных районов нашей страны, состояние горной техники в России и за рубежом, критика и библиография отечественной и иностранной горно-технической литературы [2, с. 126–128].

Первый номер "Горного журнала" вышел в свет в 1825 году. Полное первоначальное его название – "Гор-

ный журнал или собрание сведений о Горном и Соляном деле, с присовокуплением новых открытий по наукам, к сему предмету относящимся". Уже в первый год своего издания он имел свыше 1000 подписчиков; за первые 25 лет существования было выпущено 288 томов, содержащих 3056 статей общим объемом 23000 печатных листов. Среди них есть работы крупных ученых и инженеров П.Аносова, Н.Кокшарова, К.Кулибина и многих других. В числе печатавшихся в журнале авторов, и Симбирский дворянин, палеонтолог, геолог, меценат и общественный деятель Петр Михайлович Языков [3, с. 9].

Насколько серьезное отношение было к содержанию печатавшихся статей в этом журнале говорит документ, опубликованный в первом его номере под названием "Подробная записка, поднесенная на Высочайшее благоусмотрение Министром Финансов, о составлении Ученого Комитета по Горной и Соляной части, и об издании Горного Журнала". Из нее следует, что при Горном кадетском корпусе и под его председательством был создан Ученый Комитет по Горной и Соляной части, представляющий собой, в современном понимании, издательство. Для руководства издательством министром финансов утверждались члены Комитета, из числа которых назначались редакторы по каждому разделу журнала, а для важнейших – особые редакторы.

В документе обозначены десять разделов из которых и должен состоять "Горный журнал": минералогия, химия, горное дело, заводское дело, монетное дело, соляное дело, всеобщая горная и соляная библиография, горные и соляные законоположения, библиографические известия и некрология, смесь [4, с. 5–7]. С течением времени разделы претерпели некоторые изменения.

Необходимо отметить ту большую роль, которая отводилась редакторам "Горного журнала". В их обязанности вменялось составлять статьи, рассматривать предварительно и вносить в Комитет со своим мнением сочинения, поступающие из Других мест, делать в них исправления по замечаниям Комитета, наблюдать, "чтобы Журнал имел всегда потребные с целью издания сообразные ма-

териалы".

Учитывая, какую серьезную и квалифицированную цензуру проходили статьи, печатавшиеся в "Горном журнале", можно судить о степени их достоверности и высоком научном уровне.

Языков провел детальное изучение слоев юрского и мелового периодов, опубликовав в 1832 году в Горном журнале две статьи: "Краткое обозрение мелового образования Симбирской губернии" и "Об открытии ископаемых остатков Ихтиозавра близ города Симбирска".

Обе статьи представляют собой исключительную научную значимость. Например, в статье "Об открытии ископаемых остатков Ихтиозавра близ города Симбирска" Петр пишет: "...Осматривая берег реки Волги от города Симбирска вверх по течению оной еще в 1829 году заметил я, против выселка Поливны, отстоящего от Симбирска в 66 верстах, на выходах пластов, ежегодно затопляемых разливом вод, отломки ископаемых костей, которые надлежало относить к костям больших ящеричных животных. В 1830 году я открыл против помянутого выселка три позвонка, которые по всем признакам надлежит отнести к остову Ихтиозавра значительной вышины. Позвонки сии имеют вид весьма низких цилиндров: поперечник их простирается до 36 линий. А ось до 12 линий. Цвет имеют темно-бурый, а так как мы заметили, что позвонки сии исторгнуты были водою из породы мягкой, то и заключаем окончательно, что останки Ихтиозавра вымыты водою из глины, которую мы назвали Безсоновскою, и которая составляет первое образование собственно Юрской почвы Симбирской губернии.

Дальнейшие изыскания проложат нам путь к открытию более значительных останков Ихтиозавра и животных ему сожителствующим, довольствуясь на первый случай убеждением, что теперь не остается никаких сомнений, что Ихтиозавр существовал и в древнем вместилище вод, заключавшихся в пределах России; и некогда браздил поверхность вод с другими ящеричными животными, населяя оное аммонитами, белемнитами, гриффа-тами и бесчисленным множеством других моллюсков, которыми изобиловали воды сего древнего Средиземного моря" [5, с. 181–192] – что в корне меняет представления палеонтологов того времени о среде обитания ихтиозавров, и территориальной заселенности этими древними рептилиями.

Во второй своей статье "Краткое обозрение мелового образования Симбирской губернии", опубликованной в

"Горном журнале" в том же году, Петр Михайлович впервые в русской геологической литературе употребил названия: головоногие, брюхоногие, плеченогие (теперь тип брахиоподы) и пластинкожаберные (теперь пластинчатожаберные) [6, с. 155–192]. Эти термины применяются в настоящее время для обозначения классов моллюсков. Кроме того, исследования Петра Языкова наглядно продемонстрировали преимущество палеонтологического метода в стратиграфии, заложили начало современной биостратиграфии, основная задача которой, разработка шкал относительно возраста слоев (разной детальности и масштаба, в частности зональных).

В этой же статье Пётр Языков по окаменелостям параллелизовал разновозрастные пласты с синхронными образованиями Западной Европы. Стратиграфические исследования Петра Михайловича Языкова подвели прочную научную базу для геологического картирования территории Европейской России, о чем свидетельствуют опубликованные в "Горном журнале" геологические карты.

Оценивая значение "Горного журнала" для истории горной науки и техники, можно утверждать, что он блестяще справился с теми задачами, которые были перед ним поставлены – распространяя знания в данной области, пропагандировал новые технические идеи, передавал отечественный и иностранный опыт и служил трибуной передовой горно-технической мысли. Он был также настольной книгой для студентов Горного института и инженеров-производственников.

Нельзя не вспомнить слова, сказанные более чем полтора века назад ЕВ.Карнеевым при открытии "Горного журнала" и обращенные к нам, к потомкам: "Кто знает? Может быть, издание Горного журнала, нами начатое, составит эпоху в Российской Горной Истории: может быть он послужит к важным и благоуспешным по сей части переманам. Но если бы сего и не случилось: то награда наша в том, что мы не тщетно станем трудиться, что цель будем иметь свещенную; пользу отечества, просвещение современников и благодарность потомства" [2, с. 131].

И действительно "Горный журнал" вписал одну из самых ярких страниц в историю науки и техники, освещая прекрасный, яркий путь развития одной из передовой областей знания – горную науку. А также открыл научному сообществу имена ученых, чьи труды перевернули представление об устоявшихся знаниях и внесли значительные перемены в науку XIX века.

ЛИТЕРАТУРА

1. Висковатов А. Краткая история Первого кадетского корпуса. СПб, 1832.
2. Гуриков В.В. Развитие обогащения полезных ископаемых в системе горных наук в России: исторический аспект: Дис. ... канд. технич. наук. Москва. 2005. С. 196.
3. Трофимов Ж. Горный инженер Петр Языков. // Мономах. – 2006. – №2.
4. Подробная записка, поднесенная на Высочайшее благоусмотрение Министром Финансов, о составлении Ученого Комитета по Горной и Соляной части, и об издании Горного Журнала. // Горный журнал. – 1825. – №1.
5. Языков П.М. Об открытии ископаемых остатков ихтиозавра близ города Симбирска. // Горный журнал. – 1832. – №2.
6. Языков П.М. Краткое обозрение мелового образования Симбирской губернии. // Горный журнал. – 1832. – №5.

ОБОРОНА ПСКОВСКОГО УКРЕПЛЕННОГО РАЙОНА (1941 г.): ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

DEFENCE PSKOV FORTIFIED AREA (1941): PROBLEM

R. Badikov

Management Science and Innovation FGBOU VPO
"Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts", Chelyabinsk

International scientific-practical conference "Development of national
historical science in the XXI century", Moscow, December 21, 2012.

badikov.roman@gmail.com

Бадиков Роман Андреевич

Управление науки и инноваций
ФГБОУ ВПО "Челябинская государственная
академия культуры и искусств", г. Челябинск

Материалы международной научно-практической конферен-
ции "Развитие отечественной исторической науки в XXI веке",
г. Москва, 21 декабря 2012 года.

Одним из противоречивых и малоисследованных эпизодов начального периода Великой Отечественной войны является оборона войсками Северо-Западного фронта рубежа Псковского укрепленного района, представляющая собой органическую и, по существу, финальную часть Прибалтийской стратегической оборонительной операции 1941 года.

Боевые действия на линии Псковского укрепленного района имеют исключительное значение в контексте противостояния СССР и III Рейха. На начало июля 1941 г. Псковский укрепленный район рассматривался советским военным и политическим руководством в качестве единственного полноценного оборонительного рубежа на пути немецкой группы армий "Север", стремительно выдвигавшейся к Ленинграду, ключевому политическому, военному и промышленному центру государства. Оборона укрепленного района открывала последнюю к этому времени возможность предотвратить прорыв немецких частей из Прибалтики на ленинградское направление, и остановить противника на дальних подступах к Ленинграду. Подобная возможность не была и, как показывает исследование, во многом не могла быть реализована. Боевые действия на линии укрепленного района завершились крупным поражением сил Красной Армии, что, в свою очередь, предопределило дальнейшее негативное развитие событий на всем северо-западном секторе советско-германского фронта и поставило военное и политическое руководство СССР перед лицом очевидной угрозы выхода сил немецкой группы армий "Север" непосредственно к Ленинграду. Таким образом, падение Псковского укрепленного района и последующий выход немецких войск за линию реки Великая приблизили "час трагедии Ленинграда" [цит. по: 19, с. 126], став отправной точкой и одной из ключевых предпосылок крупней-

шего сражения Великой Отечественной войны – Битвы за Ленинград 1941–1944 гг.

Комплекс вопросов, связанных с боевыми действиями на рубеже Псковского укрепленного района, длительное время оставался за пределами интересов российского научного сообщества. В некоторой мере проблема находит отражение в работах Я. Н. Альмухамедова [2], В. А. Анфилова [3], В. Гончарова [6], Е. Дриг [7], М. Коломиец [14], Б. Н. Петрова [16], В. Д. Шерстнева [25], а также в трудах зарубежных исследователей П. Кареля [13], В. Пауля [27], Э. Рауса [17], В. Хаупта [22], Р. Штовеса [26].

Анализ источников (около 140 позиций), имеющих отношение к Прибалтийской стратегической оборонительной операции 1941 г. и близким к ней военно-историческим проблемам позволяет установить, что боевые действия на рубеже Псковского укрепленного района в большинстве своем рассматриваются как часть более масштабных операций Красной Армии [10, с. 36; 15, с. 36–39], как локальный эпизод истории определенной воинской части или соединения [8, с. 9–10], как событие в биографии исторической личности – участника [12, с. 4–7; 20, с. 41–42] или свидетеля [18, с. 32–33] боевых действий.

До настоящего времени оборона Псковского укрепленного района как самостоятельная военно-историческая проблема не получила должного научного оформления и не рассматривается в позиции независимого объекта исследования. Вследствие этого становится затруднительной сама идентификация боевых действий на линии укрепленного района как совокупности взаимосвязанных событий. На первый план здесь выходит вопрос установления соответствия либо несоответствия опреде-

ленных эпизодов научно слабо структурированной Прибалтийской стратегической оборонительной операции и связанных с ней явлений комплексу боевых действий на линии Псковского укрепленного района, т.е. фактически вопрос установления содержания последнего. Важно отметить, что достаточно широкий круг работ [9, с. 203–228; 11, с. 114–115], в той или иной степени затрагивающих оборону укрепленного района, отражают основное ее содержание с невольным смещением событийных акцентов. Так, действия частей Красной Армии при непосредственной обороне укрепленного района в основном не затрагиваются, а общая схема изложения строится сквозь призму боев в районе городов Остров и Псков, которые являются, в сущности, только отдельными звеньями в единой цепи рассматриваемых событий. Таким образом, основная содержательная нагрузка переносится к вторичным, хотя и значимым, эпизодам боевых действий, которым ошибочно придается статус ведущих. Другой, в целом схожей тенденцией является рассмотрение частных эпизодов обороны укрепленного района, например, упоминаемых выше боев в районе городов Остров и Псков, в "изолированном" ключе, вне общего контекста событий [3, с. 84–91; 4, с. 39]. Подобные противоречия не могут способствовать формированию адекватного взгляда на содержание проблемы.

В связи с изложенным выше возникает необходимость дать достаточно точное определение совокупности событий, связанных с обороной укрепленного района. Данная задача может быть решена путем введения в историографию начального периода Великой Отечественной войны понятия "Оборона Псковского укрепленного района (1941 г.)", выступающего для обозначения боевых действий сил Красной Армии на рубеже Псковского укрепленного района в рамках Прибалтийской стратегической оборонительной операции 1941 г.

Предлагается следующее определение понятия:

Оборона Псковского укрепленного района (1941 г.) – боевые действия сил советского Северо–Западного фронта (Псковский укрепленный район, 41–й стрелковый корпус, 1–й механизированный корпус и др. части), проведенные 3–9 июля 1941 г. на территории современной Псковской области Российской Федерации с целью сорвать, опираясь на оборонительный рубеж Псковского укрепленного района, продвижение сил немецкой группы армий "Север" из Прибалтики в район Ленинграда и предотвратить их прорыв на ленинградское направление; часть Прибалтийской стратегической оборонительной операции 1941 г. В результате обороны Псковского укрепленного района войска Северо–Западного фронта потерпели поражение, отступили на глубину до 85 км, утратив перспективный оборонительный рубеж. Немецкие войска вышли на ближние подступы к Ленинграду, создав предпосылки для его дальнейшего блокирования. Формулировка цели обороны Псковского укрепленного района предлагается на основании аналитического исследования оперативных документов Ставки Главного Коман-

дования, Генерального штаба Красной Армии и полевого управления Северо–Западного фронта, относящихся к периоду июня–июля 1941 г.

По итогам исследования хода боевых действий длительность боевых действий устанавливается на уровне шести суток (3–9 июля 1941 г.), что составляет 1/3 продолжительности Прибалтийской стратегической оборонительной операции. Нижняя временная граница операции – 3 июля, день выхода частей XLI моторизованного армейского корпуса группы армий "Север" к передовым позициям частей 41–го стрелкового корпуса Северо–Западного фронта. Верхняя временная граница – 9 июля, день отхода советских частей, задействованных в обороне укрепленного района, от линии реки Великая на лужское и гдовское направления.

Общая хронология операции делится на следующие этапы:

1–й этап – отражение наступления немецких 1–й танковой дивизии и 36–й моторизованной пехотной дивизии на островском направлении (3–4 июля 1941 г.);

2–й этап – падение южного сектора Островского укрепленного района (5–6 июля 1941 г.);

3–й этап – сражение за город Остров (5–7 июля 1941 г.);

4–й этап – прорыв на псковском направлении частей немецкого XLI моторизованного армейского корпуса (7–8 июля 1941 г.);

5–й этап – отступление советского 41–го стрелкового корпуса с линии барьерного рубежа реки Великая (9 июля 1941 г.).

Приведенная автором периодизация не претендует на исключительную полноту и подлежит обоснованной корректировке в зависимости от появления новой информации.

Территориальные границы боевых действий предлагается ограничить площадью соответствующего боевого оперирования советских и немецких частей, задействованных в операции в рамках ее текущих хронологических границ, т.е. установить в данном качестве территорию Островского, Палкинского и Псковского районов Ленинградской области РСФСР (по состоянию на январь 1941 год) [1, с. 67–70]. В современных границах территория относится к Островскому, Палкинскому и Псковскому муниципальным районам Псковской области Российской Федерации.

Ключевым результатом обороны Псковского укрепленного района явилось, как отмечалось ранее, крупное поражение сил Красной Армии, нашедшее выражение в следующих основных проявлениях:

◆ Отступление войск Северо–Западного фронта в восточном и северо–восточном направлениях на глубину до 80–85 км к моменту окончания боевых действий;

◆ Полная утрата боеспособности частями 41-го стрелкового корпуса, 1-го механизированного корпуса Северо-Западного фронта и оперативно подчиненными им частями, выразившаяся в нарушении управления войсками, значительных потерях в личном составе и выходе из строя свыше 50 % материальной части артиллерии, танков и др. средств;

◆ Потеря полевых и долговременных фортификационных сооружений Псковского укрепленного района, частью – в результате боевых действий (южный сектор Островского укрепленного района), частью – вследствие вынужденного отхода (северный сектор Островского укрепленного района, Псковский укрепленный район);

◆ Репрессии в отношении командного и начальствующего состава 41-го стрелкового корпуса Северо-Западного фронта по итогам боевых действий. Командир корпуса генерал-майор И. С. Кособуцкий решением Военной коллегии Верховного Суда СССР от 26 июля 1941

г. приговорен на основании ст. 193–17 п. "б" УК РСФСР к 10 годам исправительно-трудовых работ [5, с. 289; 21]. Командир 118-й стрелковой дивизии корпуса генерал-майор Н. М. Гловацкий соответствующим решением коллегии приговорен на основании ст. 193–20 п. "б" УК РСФСР к высшей мере наказания – расстрелу. [21; 24]. Начальник инженерной службы корпуса майор А. А. Голловлев на основании приказа по войскам Северо-Западного фронта № 024 от 16 июля 1941 г. расстрелян "за трусость и паникерство" [23].

В заключение, необходимо отметить, что исследование совокупности событий, связанных с обороной Псковского укрепленного района во многом остается актуальной задачей современной историографии начального периода Великой Отечественной войны. Обозначенная в данной статье проблема, бесспорно, требует дальнейшего уточнения и последующего развернутого анализа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Административно-территориальное деление союзных республик СССР на 1 января 1941 г. – 3-е изд., доп. – М.: Изд-во "Ведомостей Верх. Совета СССР", 1941. – 490 с.
2. Альмухамедов, Я. Н. Бои на рубеже реки Великой // Псков в годы Великой Отечественной войны: сб. очерков / Сост. Я. Н. Альмухамедов. – Л.: Лениздат, 1981. – С. 19–37.
3. Анфилов, В. А. Начало Великой Отечественной войны: военно-исторический очерк. – М.: Воениздат, 1962. – 224 с.
4. Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: история Великой Победы. – М.: Animi Fortitudo, 2005. – 736 с.
5. Великая Отечественная: Комкоры. Военный биографический словарь: в 2 т. – М.; Жуковский: Кучково поле, 2006. – Т. 1. – 672 с.
6. Гончаров, В. От Двинска до Пскова // Трагедия 1941-го. Причины катастрофы: сб. ст. / Ред.-сост. Г. Пернавский. – М.: Яуза; Эксмо, 2008. – С. 286–372.
7. Дриг, Е. Механизированные корпуса РККА в бою. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: Транзиткнига, 2005. – 830 с.
8. Жилин, С. Н. Под гвардейским знаменем: о боевом пути 24-й гв. Евпаторийской стр. дивизии. – 2-е изд., доп. – Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1980. – 270 с.
9. Исаев, А. В. Иной 1941. От границы до Ленинграда. – М.: Яуза; Эксмо, 2011. – 416 с.
10. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг.: в 6 т. – М.: Воениздат, 1961. – Т. 2. – 682 с.
11. История Прибалтийского военного округа / Отв. ред. М. Т. Иванов. – Рига: штаб и полит. упр. ПрибВО, 1968. – 460 с.
12. Канонюк, В. И. В составе 111-й стрелковой в боях за Ленинград. – Л., 1979. – 25 с. (Машинописная рукопись из личного архива Бадикова Р. А.).
13. Карель, П. Восточный фронт: в 2 кн. – М.: Эксмо, 2008. – Кн. 1. Гитлер идет на Восток. От "Барбароссы" до Сталинграда 1941–1943. – 720 с.
14. Коломиец, М. Бои в Прибалтике (22 июня – 10 июля 1941 г.) // Серия "Фронтальная иллюстрация". – 2002. – № 5. – 83 с.
15. Ланнуа, Ф. де. Битва за Ленинград. 1941. 22 июня – 31 декабря. – М.: Эксмо, 2009. – 184 с.
16. Петров, Б. Н. Как был оставлен Псков. // Военно-исторический журнал. – 1993. – № 6. – С. 17–20.
17. Раус, Э. Танковые сражения на Восточном фронте. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2005. – 523 с.
18. Рогинский, С. В. Из воспоминаний о действиях 111-й стрелковой дивизии // Военно-исторический журнал. – 1959. – № 7. – С. 32–39.
19. Скрытая правда войны: 1941 год. Неизвестные документы. – М.: Русская книга, 1992. – 348 с.
20. Смирнов, И. И. Из записок полкового разведчика // Ветеран: сб. / Сост. Н. В. Масолов. – Л.: Лениздат, 1984. – Вып. 3. – С. 40–48.
21. Справка Центрального архива Федеральной службы безопасности России № 10/А–Б–66 от 05.02.2010 г. (Из личного архива Бадикова Р. А.).
22. Хаупт, В. Сражения группы армий "Север". Взгляд офицера вермахта. – М.: Яуза, Эксмо, 2006. – 448 с.
23. ЦАМО РФ. Ф. 58. Оп. 818883. Д. 652. Л. 195.
24. ЦАМО РФ. Ф. 58. Оп. 818883. Д. 774. Л. 146.
25. Шерстнев, В. Д. Трагедия сорок первого. Документы и размышления. – Смоленск: Русич, 2005. – 528 с.
26. Stoves, R. Die 1. Panzerdivision 1935–1945. Chronik einer der drei Stamm-Divisionen der deutschen Panzerwaffe. – Bad Nauheim: Verlag Hans-Henning Podzun, 1962. – 882 p.
27. Paul, W. Brennpunkte. Eine Geschichte der 6. Panzerdivision (1. leichte). 1937 – 1945. – Osnabruck: Biblio-Verlag, 1984. – 560 p.

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА ВЯТСКОГО ГУБЕРНСКОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ТРИБУНАЛА ПО ДЕЛАМ О ДОЛЖНОСТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ В 1918 г.*

* Статья выполнена при поддержке федеральной целевой программы
"Научные и научно-педагогические кадры инновационной России" (соглашение № 14.132.21.1025)

PRACTICE VYATSKOE PROVINCIAL REVOLUTIONARY TRIBUNAL FOR CASES OF CRIMES IN 1918

A. Pozdnyakova

Graduate student of Russian history,
Vyatka State University of Humanities, Kirov

International scientific-practical conference "Development of national
historical science in the XXI century", Moscow, December 21, 2012.

Chai89@bk.ru

Позднякова Анастасия Сергеевна
Аспирант кафедры отечественной истории,
Вятский государственный гуманитарный
университет, г. Киров

Материалы международной научно-практической конферен-
ции "Развитие отечественной исторической науки в XXI веке",
г. Москва, 21 декабря 2012 года.

Коррупция как негативное социальное явление сопровождало российское государство издавна. Приход к власти большевиков не искоренил данный порок: хищения и взятки с самых первых дней стали своеобразным атрибутом деятельности отдельных представителей советской власти. В этой связи на специально учрежденные по всей стране для борьбы с контрреволюционными проявлениями судебные органы – революционные трибуналы была возложена функция пресечения должностных преступлений советских работников. Губернский трибунал был создан и начал работу в Вятке в начале января 1918 г. Анализ доступных для рассмотрения материалов его деятельности свидетельствует о том, что первые выявленные факты превышения должностными лицами в Вятке своих полномочий имели место с самых первых дней установления советской власти в регионе.

Несомненный интерес представляют материалы нескольких расследований злоупотреблений руководящих сотрудников советских органов. Так, представитель 8 роты 106 пехотного запасного полка в Вятском Совете Рабочих и Солдатских депутатов Владимир Никанорович Ларионов (предположительно из нижних чинов указанной воинской части, малограмотный, дополнительные персональные данные в деле отсутствуют), назначенный 6 декабря 1917 г. председателем вятского уголовного отделения, успел проработать на этой должности лишь до 20 декабря 1917 г. [1]. В этот период Ларионов "...постоянно

приставал с нахальными предложениями к арестованным женщинам, приводил с собой массу женщин, с которыми засиживался допоздна, а потом оставался с ними на ночь" [2], поощрял избивание арестованных, присваивал конфискованные у них деньги и ценные вещи. В ряде случаев Ларионов позволял себе поступки совершенно возмутительного свойства, – "... находясь в нижнем белье в своём кабинете требовал доставить [к нему] арестованную Плотникову для допроса" [2]. Кроме того, Ларионов совершенно не занимался ведением текущего делопроизводства во вверенном ему отделении: не осуществлялась регистрация происшествий и преступлений, не велась опись вещественных доказательств с мест преступлений, отсутствовал реестр арестованных лиц, учёт изъятых у них вещей и ценностей. В ходе следствия предъявленное Ларионову обвинение "в злоупотреблениях по службе и должности" было доказано показаниями свидетелей и признанием самого обвиняемого. При этом Ларионов частично оправдывал свое поведение тем, что ему ранее никто не объяснил, как вести делопроизводство. Судебное заседание по данному делу состоялось 27 июля 1918 г., на котором губернский ревтрибунал вынес приговор о расстреле виновного лица [3].

К такой же мере наказания был приговорен милиционер станции Лянгасово, Спиридонов Николай Тимофеевич (24 лет, уроженец Костромской губернии), который, находясь ежедневно в нетрезвом состоянии, "...устраивал дебоши на станции и в близлежащих деревнях" [4]. Так,

28 мая 1918 года им был задержан рабочий станции, который отказался предъявить свой документ. Под угрозой расстрела Спиридонов стал требовать у задержанного "...один пуд муки и четыре пуда картошек" [5]. В тот же день обвиняемый задержал на станции двух австрийцев, у которых незаконно изъял музыкальный инструмент – скрипку. В ходе следствия выяснилось, что милиционер неоднократно проводил обыски в соседних деревнях с целью поиска для себя кумышки (разновидность самона) и продовольствия. Несмотря на вынесение судом приговора о расстреле, приведён в исполнение он не был в связи с тем, что трибунал принял во внимание социальное происхождение Спиридонова (бедняк) и заменил высшую меру наказания на десять лет общественно-принудительных работ при Вятском Исправительном рабочем доме [5].

Примечательно, что и это наказание Спиридонов в полной мере не отбыл – 15 ноября 1919 г. он был амнистирован в связи с празднованием второй годовщины Октябрьской революции [6].

Обращают на себя внимание факты совершения должностных преступлений в составе организованной группы. В начале июля 1918 г. Революционным трибуналом Вятки было возбуждено дело в отношении представителей администрации г. Слободского [7]. В качестве обвиняемых по делу проходили председатель городского исполкома А. С. Запольский, начальник слободского отделения народной милиции А. В. Черных, казначей слободской кассы М. П. Драничников, народный комиссар по управлению слободским уездом И. И. Деришев, комиссар труда М. Н. Алпатов, комиссар здравоохранения И. И. Зорин, городской врач В. А. Сухих.

Практически одновременно было возбуждено дело в отношении членов продовольственного отдела слободского исполкома. По итогам судебного разбирательства Запольский был обвинён "помимо пьянства в умышленном расхищении вина, реквизированного у торговцев и бывшего на учёте Исполнительного Комитета", "...превышении и злоупотреблении властью, вручённой ему революционным народом и выразившейся в незаконном и в неурочное время взимании контрибуции [чрезвычайный налог, облагаемый классово чуждые революционным массам слои населения] в Ильинской волости, Слободском уезде" [8]. Начальнику милиции Черных вменялось совместное с Запольским, Зориным и Сухих расхищение реквизированных вин, а также разбойные нападения с целью завладения чужим имуществом, ("похищение принадлежавшего торговцу Гурину табаку под угрозой оружия"), хулиганство ("пьяный дебош") [9]. В действиях Драничникова выявлены факты растраты, в соучастии бухгалтер Чупракова, вверенных ему денежных сумм и служебный подлог (составление подложного требования на муку). Было также установлено, что в "расхищении реквизированного вина и пьянстве Запольского и Черных дея-

тельное участие принимали комиссары Деришев и Алпатов" [10]. Последний, однако, этим не ограничился и "стараясь внести ещё одну лепту в организационную работу власти и не имея не то никаких полномочий, обложил местные слободские монастыри сбором в пользу красноармейцев, благодаря чему получилась масса незаслуженного недовольства и нарекания на Советскую власть" [11]. Деришев, в свою очередь, был также обвинён в присвоении и растрате денежных средств, полученных при взимании "налога за собак, принадлежащих гражданам города Слободского" (действия обоих квалифицированы как "преступное превышение власти") [12].

Суд по данному делу состоялся 3 октября 1918 г., в приговоре было особо отмечено, что "в обстановке гражданской войны, когда за каждым шагом ответственных представителей советской власти следят многочисленные враги, дабы использовать их ошибки в целях агитации и возбуждении масс против власти рабочих и крестьян – преступления по должности и хулиганские выходки ответственных советских работников заслуживают строжайшей кары. Но принимая во внимание, что обвиняемые вышли из рядов рабочих и крестьян, интеллектуально мало развиты, что их работа протекала в напряженной атмосфере вражды окружающего кулацкого населения и в обстановке общей разрухи и признавая эти обстоятельства смягчающими вину обвиняемых", суд вынес решение: Черных приговорен к бессрочным принудительным работам (22.11.1918г. по амнистии срок сокращен до трех лет), Зорин и Алпатов к пяти и трем годам принудительных работ соответственно (22.11.1918г. оба амнистированы) [13]. Драничникову запрещено занимать общественные должности в течение пяти лет, Запольскому высказано общественное порицание (примечателен тот факт, что последний с сентября 1918 г. работал следователем в трибунале, вынесшем приговор по данному делу).

В целом, в течение всего 1918 года революционным трибуналом Вятки было рассмотрено 45 дел по должностным преступлениям. При этом только по 11 делам были вынесены обвинительные приговоры, остальные были прекращены за недоказанностью или по амнистии. Из 11 дел: один был приговорен к расстрелу, девяттеро к срокам заключения от 6 месяцев до 12 лет с применением общественно-принудительных работ, одно лицо – к штрафу. Примечательно, что все лица, приговоренные к лишению свободы с применением общественно-принудительных работ, были амнистированы в конце ноября 1918 г.

Анализ рассмотренных материалов свидетельствует о том, что, для деятельности революционного трибунала Вятки в 1918 году были характерны следующие черты:

1. Несмотря на то, что ревтрибунал был создан изначально как орудие борьбы с контрреволюционными

проявлениями, фактически в первой половине рассматриваемого периода он функционировал как суд общей юрисдикции, что объяснялось отсутствием такового в городе и малой активностью антибольшевистских элементов;

2. Несмотря на введение военного положения на территории губернии отношение власти к выходцам из своих рядов было выражено либеральным: в большинстве случаев лица, совершившие неоднократные преступления, которые оценивались как действия дискредитирующие, советскую власть, получали лишь символическое наказание. Вместе с тем с началом летом 1918 года гражданской войны происходит некоторое ужесточение применяемых трибуналом санкций в отношении виновных в должностных преступлениях (выносятся един-

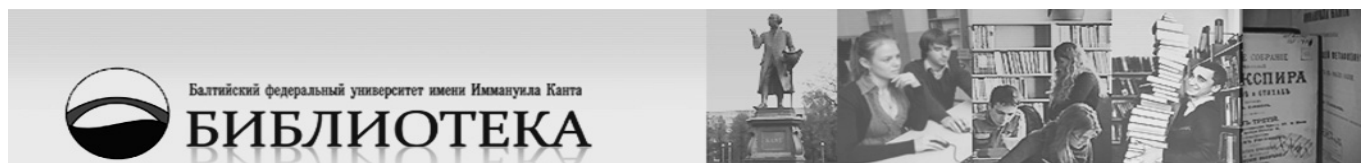
ственный в этом году "расстрельный" приговор). В дальнейшем в связи с эскалацией военных действий в стране, возникновением феномена "кадрового голода" в советских партийных органах лица, признанные виновными в превышении властных полномочий, подвергались в скорейшем времени (ноябрь, декабрь 1918 года) амнистированию;

3. Действия привлечённых трибуналом к ответственности советских работников характеризовались их низким уровнем личной и правовой культуры. Кроме того, в подавляющем большинстве случаев совершение должностных преступлений сопровождалось употреблением спиртных напитков, что в свою очередь влекло за собой соответствующего рода проступки (хулиганство, половая разнузданность и пр.).

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Кировской области (далее ГАКО), Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 279. Л. 1.
2. ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 279. Л. 1об.
3. ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 279. Л. 34.
4. ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 428. Л. 1а.
5. ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 428. Л. 76.
6. ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 428. Л. 84.
7. Слободской – уездный город, с населением в 1913 г. около 11 тыс. человек.
8. ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 594. Л. 1об.
9. ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 594. Л. 3.
10. ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 594. Л. 3 об.
11. ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 594. Л. 4.
12. ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 594. Л. 5.
13. ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 594. Л. 342.

© А.С. Позднякова, (Chai89@bk.ru), Журнал «Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики»,

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИНСТИТУТ БИЗНЕС-ОБРАЗОВАНИЯ

негосударственное образовательное учреждение высшего профессионального образования

Традиции. Инновации. Успех!

И И МИБО

ПРОТИВОРЕЧИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ КУЙБЫШЕВСКОЙ ОБЛАСТИ В ПЕРИОД 1985–1991 гг.

INTERFERENCE WITH SOCIO-ECONOMIC
DEVELOPMENT KUIBYSHEV REGION DUR-
ING 1985–1991's.

V. Kryuchkov
Director of "Plan B", Samara

International scientific-practical conference "Development of national
historical science in the XXI century", Moscow, December 21, 2012.

Valera874@mail.ru

Крючков Валерий Валерьевич
Директор ООО "План Б",
Самара

Материалы международной научно-практической конферен-
ции "Развитие отечественной исторической науки в XXI веке",
г. Москва, 21 декабря 2012 года.

Конкретно-историческое изучение развития рос-
сийского общества в период с 1985 по 1991 гг.
еще только начинается, и этот период остается
практически неизученным с научных, а не публицистиче-
ских позиций.

Изучение социально-экономического развития Рос-
сийской Федерации представлено в настоящее время
работами по проблеме в целом или ее содержательным
аспектом. Процессы, протекавшие в 1985–1991 гг. в
отдельных регионах РФ, в том числе и Куйбышевской об-
ласти еще не стали предметом специального исследова-
ния.

Предметом исследования в данной работе избирает-
ся изучение противоречий социально-экономического
развития Куйбышевской области в 1985–1991 годы.

Цель исследования – сформировать научно-истори-
ческую картину знаний социально-экономического раз-
вития в Куйбышевской области в 1985–1991 гг.,
вскрыть причины, характер, направление и значение со-
циально-экономических преобразований.

Теоретико-методологической основой исследования
является системный подход, позволяющий рассмотреть
исторический процесс одновременно в его целостности,
многосторонности и развитии[1].

Корпус источников состоит в первую очередь из ар-
хивных материалов Фонд 656 ГАСПИСО – Куйбышев-
ский областной комитет КПСС. А также из группы опуб-
ликованных источников: официальных постановлений,
решений, инструкций законодательных и исполнительных
органов советской власти, касающихся социально-эко-

номического развития Куйбышевской области.

В качестве исторических источников используются
также материалы центральных и региональных газет и
журналов за 1985–1991 гг. На страницах которых опуб-
ликованы специальные и публицистические материалы и
интервью, содержащие как обобщающий материал, так и
конкретные примеры.

Промышленность Куйбышевской области как и со-
стояние всей советской экономики в середине 80-х гг.
продолжает оставаться дискуссионным вопросом. По
мнению С.Н. Максимова к середине 80-х гг., перегру-
женная устаревшими средствами производства и ли-
шённая внутренних стимулов к развитию, экономика не-
уклонно скатывалась к кризису[2]. И.Я. Фраянов же по-
лагает, что кризиса и последующего резкого спада про-
изводства в 90-е гг. можно было избежать.

На апрельском (1985 г.) пленуме ЦК КПСС было кон-
статировано нарастание "неблагоприятных тенденций" в
экономическом развитии и поставлена проблема "уско-
рения социально-экономического прогресса". По мне-
нию М.С. Горбачева единственный путь решения этой за-
дачи – "существенный рост производительности труда
посредством внедрения прогрессивного оборудования,
автоматики" [3]. Для этого декларировалась программа
"ускорения" темпов роста машиностроительных отраслей
в 1,5–2 раза, и достижение ими мирового уровня уже в
начале 90-х годов[4].

К 1985 году Куйбышевская область представляла
собой один из наиболее развитых в промышленном отно-
шении регионов страны. К середине 1980-х гг. Куйбы-
шевские ученые – экономисты оценивали уровень эко-

номического развития области в 1,5 раза превышающей общесоюзный[5]. В ней располагалось 360 промышленных предприятий, более 40 производственных объединений. Здесь были крупные предприятия машиностроительной и металлургической областей, нефтедобыча и нефтепереработка, заметные научно-технические достижения в работе мощного аэрокосмического комплекса. Область была "закрытой", что означало наличие стратегически важных военных производств[6].

Однако, в 1985 году на бюро Куйбышевского обкома КПСС отмечались также и недостатки в развитии экономики – старение основных производственных фондов промышленности области. В парке металлообрабатывающего оборудования скопилось около 60% станков в "возрасте" от 10 до 20 лет и выше, в машиностроительных предприятиях медленно обновлялись основные фонды, и механизировался ручной труд[7].

Последовавшая в мае 1985 г., антиалкогольная кампания М.С. Горбачева, охарактеризованная в последствии как социально-тупиковая и экономически опасная, принесла первые крупные потери для госбюджета. В Куйбышевской же области товарная масса для покрытия выбывших объемов производства винно-водочной продукции также не прибавилась[8].

В производстве повсеместно стала вводиться госприемка, после которой возвраты готовой продукции на предприятиях Куйбышевской области, достигали порой 80–90%[9]. Предпринятые массивные денежные, в том числе валютные вливания в машиностроение не дали эффекта, но зато серьезно увеличили денежную массу в руках населения и обострили товарный голод[10].

Закон о государственном предприятии (июнь 1987 г.), предоставивший широкие права руководителям и коллективам госпредприятий, на практике привёл к быстрой потере управляемости в народном хозяйстве, к разбалансированию основных макроэкономических пропорций[11]. Самостоятельность предприятий в отсутствие конкурентной среды и жёсткое бюджетное ограничение не привело к повышению эффективности их деятельности. "Совершенствование хозяйственного механизма", достигшее пика в 1988 г., привело к перераспределению хозяйственных прав в пользу менеджмента и трудовых коллективов госпредприятий, что перечеркнуло осуществление структурного манёвра в пользу машиностроения и стимулировало рост требований потребления в ущерб инвестициям.

На XIX партконференции Горбачев уже открыто озвучил мысль о необходимости исключения партийных органов из хозяйственного управления, лишения их государственных функций и закреплении последних исключительно за Советами. Однако ослабление политического контроля обернулось потерей управляемости в народном хозяйстве[12].

Распорядителями ресурсов, при разрушении вертикальных связей оставались органы отраслевого управления. Используя эти возможности давления они инициировали трансформацию вертикальных структур в горизонтально-вертикальные. Шло преобразование отраслевых министерств, ведомств, главков в концерны, ассоциации, акционерные общества, т.е. структуры, которые, как предполагалось, должны устойчиво функционировать в условиях рынка. Изменяя статус и формы контроля над экономикой, бюрократический аппарат управления, стал силой, заинтересованной в продолжении "вползания" в рынок[13].

До начала 1991 года в области 150 предприятий имели экономические контакты с зарубежными фирмами, где продукции вывозилось в полтора раза больше, чем ввозилось в область. При этом в 1989–90 годах в облизполком поступило 30% валюты от предприятий, а самый крупный держатель валюты – "АвтоВАЗ" – не перечислил в бюджет ни рубля[14].

Конверсия стала испытанием для Куйбышевской области. 40% от общего объема выпускаемых товаров народного потребления (без учета ВАЗа и легкой промышленности) давал оборонный комплекс[15]. Кроме того, конверсия началась при действующем пятилетнем плане в условиях перехода на новые формы хозяйствования. Из-за финансовых и организационных трудностей конверсии только за 1988 год с заводов уволилось около шести тыс. человек. Председатель облизполкома В.А. Тархов публично признавал, что оборонщики, без льгот сами ничего не сделают[16]. В начале 1990 года объем выпускаемой продукции в ВПК составлял одну четверть от общеобластной. На практике к 1990 году, не получающие ресурсы централизованно, предприятия решали проблемы снабжения бартером, либо покупкой по договорным ценам. Куйбышевская область, где в основном располагалась промышленность группы А, была лишена возможности использовать натуральный обмен[17]. Эти противоречия вели к ухудшению экономических показателей государственной промышленности Куйбышевской области.

Таким образом, в Куйбышевской области, несмотря на острые экономические противоречия, вызванные политикой перестройки, только лишь к концу 80-х гг. намечилось сокращение производства в государственной промышленности.

В сельском хозяйстве Куйбышевской области в середине 80-х гг., как и в стране в это время, ставка делалась на крупные агрокомплексы и агропромышленные объединения. Область представляет собой зону рискованного земледелия. За годы советской власти на 164 тысячах га были построены оросительные системы. В среднем в середине 80-х гг. по области урожайность зерновых составляла 20 центнеров с гектара. Государственные планы по заготовке зерна и мяса область выполняла, под-

Таблица 1

Основные показатели развития промышленности Куйбышевской области в 1985-1991 гг.[18]

	1985	1986	1987	1988	1989	1990	1991
Число предприятий и производств	3039	3023	2992	2899	2850	2515	2877
Среднесписочная численность промышленно-производственного персонала, тыс. человек	653,0	652,4	644,6	632,1	605,6	590,0	572,6
Уровень рентабельности, процентов	10,7	10,6	10,9	12,0	11,2	9,9	-

Таблица 2

Снижение темпов роста производства, средств производства и производства предметов потребления в Куйбышевской области в 1985-1991 гг. (в%)[19]

	Вся промышленность	Из нее:	
		группа "А"	группа "Б"
XI пятилетка			
В среднем за год	103	102	103
1985 к 1980	114	113	118
XII пятилетка			
В среднем за год	102	100,5	105
1990 к 1985	110	102	130
1986	104	104	104
1987	103	101	108
1988	102	100,7	106
1989	100,0	98	104
1990	100,2	98	106
1991	94,0	90,0	99,0

солнечника, овощей сдавала меньше запланированного[20].

В Куйбышевской области один работник сельскохозяйственного производства должен был прокормить 25 человек[22].

В мае 1985 года на Бюро Куйбышевского обкома КПСС отмечалось, что уровень производства и качества сельскохозяйственной продукции не всегда соответ-

ствовал требованиям и заданиям Продовольственной программы, дальнейшего развития требовали вопросы механизации технологических процессов, значительная часть работ в земледелии и животноводстве выполнялась с применением ручного труда, отставало развитие материальной базы ремонта, эксплуатации и хранения техники[23]. В 1985 году дотация из централизованных фондов составила мяса 34,4 тысячи тонн, 16% объема потребления, молочных продуктов – 131,3 тысячи тонн, 12%. При этом душевое потребление составило 64 кг.,

Таблица 3

Число колхозов и совхозов в Куйбышевской области в 1985-1991 гг. [21]

	1985	1986	1987	1988	1989	1990	1991
Колхозов	273	273	274	283	295	300	30
Совхозов	133	133	135	136	137	139	137

Таблица 4

Производство основных продуктов животноводства[26]

	1985	1985	1985	1985	1985	1985
В хозяйствах всех категорий						
Мясо в живом весе тыс. тонн	264,0	275,1	304,5	322,2	340,0	347,6
Молоко тыс. тонн	985,2	1034,2	1053,3	1038,1	1082,9	1103,8
Яйца млн. штук	944,1	983,0	1045,4	1072,8	1083,5	1044,3
Шерсть (в физическом весе) тонн	3129	3203	3409	3052	3169	3190
В колхозах, совхозах и других сельскохозяйственных предприятиях						
Мясо в живом весе тыс. тонн	198,0	209,8	235,5	252,6	270,4	275,1
Молоко тыс. тонн	721,8	774,8	794,9	780,9	810,5	820,4
Яйца млн. штук	728,0	766,8	806,6	831,9	830,5	791,5
Шерсть (в физическом весе) тонн	2421	2371	2467	2261	2360	2372

молокопродуктов – 326 кг., яиц – 287 штук, что ниже нормы. 40 из 47 спецхозов и комплексов не освоили проектные мощности по продуктивности и объему производства свинины. Только по этим хозяйствам недополучено более 8,5 тысяч тонн мяса. В области было 65% низкопродуктивных и убыточных сельских хозяйств[24].

Академик ВАСХНИЛ В.А. Тихонов указывал, что при увеличении производства продукции, росте доходов сумма долгов государству практически не уменьшается, многие колхозы еще больше нищают, села разоряются, – из-за, прежде всего, неэквивалентного обмена между городом и селом[25].

В 1988 году секретарем обкома КПСС В.Г. Афониним сообщалось о снижении в области темпов производства продукции сельского хозяйства. Подчеркивалось, что агропром уязв в реорганизациях и уже не оказывал существенного

влияния на внедрение новых форм хозяйствования, развитие интегральных процессов[27]. Заведующий аграрным отделом обкома КПСС Е. Чичев сообщал, что на протяжении 10 лет по вопросам увеличения говядины, свинины, баранины и мяса птицы принимались решения обкома КПСС и облисполкома, но они, как правило, не подкреплялись материальными и финансовыми ресурсами, целенаправленной организационно-хозяйственной работой и остались невыполненными. План производства овощей за 1986–1989 годы выполнен на 65%. На городского жителя производилось только половина нормы овощей защищенного грунта, в овощехранилища закладывалось 12% к потребности. Производство овощей было связано с большими затратами ручного труда[28].

В 1990 году область продолжала получать из других областей 26,7 тыс. тонн мяса и до 90 тыс. тонн молока. В

Таблица 5

Продукция сельского хозяйства Куйбышевской области[33]
(в хозяйствах всех категорий; в сопоставимых ценах на 1983 г.; млн. рублей)

	Продукция сельского хозяйства	В том числе	
		Растениеводства	Животноводства
1985	1924,5	735,6	1188,9
1986	2132,7	894,6	1238,1
1987	1918,9	649,0	1269,9
1988	1898,0	620,4	1277,6
1989	2145,7	788,1	1357,6
1990	2100,8	745,9	1354,9
1991	1948,3	695,8	1252,5

1989 году прибавка сельскохозяйственной продукции составила 10%, а по стране – лишь 1%, но дотация государства области была снижена на 1/3. Кроме того, основная прибавка продовольствия падает на прирост населения[29]. 3 августа 1990 года не обмолоченные гектары хлеба попали под затяжные дожди в области было принято решение о чрезвычайном положении в результате потери выращенной продукции составили 30–35%[30]. В 1990 году наблюдался ажиотажный спрос, возникающий по всей стране из-за ожидаемого роста цен – полки были пусты[31]. Начались сбои в реализации продуктов по талонам, т.к. была нарушена дисциплина поставок продуктов из других регионов, и от собственного агропромышленного комплекса, где за пятилетку, поголовье крупного рогатого скота было сокращено на 100 тысяч голов, дойное стадо – на 22 тысячи[32].

В целом производство сельско-хозяйственной продукции, несмотря на неблагоприятные 1987–1988 гг., и дезорганизующее влияние перестроечных процессов показало незначительный рост объемов производства по сравнению с 1985 г.

В развитии предпринимательской деятельности в экономике Куйбышевской области в 1985–1991 гг. представляется целесообразным рассмотреть:

1) усиление элементов хозрасчета в государственной промышленности;

2) развитие кооперативного движения в сфере услуг и производстве товаров народного потребления;

3) тенденции развития предпринимательства в сельском хозяйстве.

Усиление элементов хозрасчета в государственной промышленности.

На пленуме ЦК КПСС 1986 г. была объявлена задача осуществления последовательного перехода от административных приемов руководства в народном хозяйстве к экономическим методам. Для решения этой задачи предполагалась необходимость перевода объединений и предприятий на хозрасчет, самокупаемость и самофинансирование[34].

В Куйбышевской области интенсивный переход предприятий на работу в условиях самофинансирования и самокупаемости начался в 1987 году. В 1988 году в новых условиях действовало уже 198 предприятий, их доля в общем объеме промышленного производства составила 69%. А с 1 января 1989 года переход осуществили все производственные объединения. Подавляющее большинство из них отдали предпочтение первой модели хозрасчета и лишь 6 предприятий стали осваивать вторую модель, при которой каждое подразделение могло формировать хозрасчетный доход, а отстающие предприятия лишались возможности существовать за счет передовых. Процесс перехода на аренду начался в области в 1989 году. 47% предприятий увеличили свою прибыль. Каждое 4-е предприятие добилось увеличения спроса на выпускаемую продукцию у оптового покупателя и на потребительском рынке. 40% предприятий сохранили сверхурочные работы и непроизводительные потери рабочего времени, треть – увеличила объем производства. Вместе с тем ежемесячно каждое 3–4-е предприятие не дотягивало даже до уровня производства соответствующего периода прошлого года. В основном это отставание можно отнести на счет предприятий, работающих по 1-ой хозрасчетной модели. В 1989 году затра-

ты сырья и материалов на каждый рубль товарной продукции возросли на каждом 3-ем предприятии. Одновременно рост заработной платы опережал повышение производительности труда – в целом по промышленности в три раза. По предприятиям, работающим в условиях нормативного распределения прибыли, – в 4,3 раза. По второй модели хозрасчета – в два раза. И лишь на арендных предприятиях рост производительности труда на 1,2% пункта опережал рост зарплаты[35]. Летом 1991 г. 27 предприятий области работали в условиях арендных отношений. Удельный вес их продукции в промышленности области составлял 4,4%. Ее прирост за полугодие – 0,8%[36].

Переход на хозрасчетные отношения по предложенной схеме привел к резкой финансовой дестабилизации экономики области – рост заработной платы в 3–4 превышал рост производительности труда, что порождало кризис товарооборота в Куйбышевской области. Перевод предприятий на арендные отношения привел к резкому падению темпов роста и объемов производства на них. В целом с 1987 г. началось постоянное сокращение темпов роста промышленного производства в Куйбышевской области в результате хозяйственной реформы 1987 г., которое с 1988 г. перешло в падение объемов производства в тяжелой промышленности, а с 1991 г. – и в легкой промышленности.

Развитие предпринимательской кооперации в сфере производства товаров народного потребления и услуг.

В 1985 году число лиц, занимающихся индивидуальной трудовой деятельностью, составляло только 464 человека. Их деятельность не считалась кооперативной. По инициативе партийных органов с 1987 г. началась поддержка создания кооперативов и любых форм предпринимательства, обосновываемого общественными потребностями при замалчивании фактов найма рабочей силы и распределении прибыли в личных целях кооператоров. Начался бурный рост числа кооперативов и объема их продукции и услуг. В 1987 г. в области было создано 262 кооператива. За 1987 год они произвели продукции на 4 млн. 36 тысяч рублей (по другим данным на 10 млн. рублей[37]), за 1988 год – 63,8 млн. рублей. А в первом полугодии 89-го года, уже 112,9 млн. рублей. Услуги населению в 1987 году кооперативами составили 87% от собственного общего объема, в 1988 году – уже 55%, а в конце 1989 года на них приходится лишь 22%[38]. При этом предприятия расплачивались за услуги по безналичному расчету, а кооператоры эти средства превращали в наличные в основном для оплаты труда. Вместо наполнения рынка товарами, кооперативы наводняли его денежной массой, а покрывать ее, соответственно, надлежало государству[39].

На начальном этапе кооперативное движение зако-

нодательно не регламентировалось[40]. 26 мая 1988 г. по инициативе ЦК КПСС был принят закон "О кооперации в СССР", который создал законодательные условия для формирования и развития частнопредпринимательской деятельности. Летом 1988 года заместитель председателя облисполкома В.С. Романов отмечал, что в Куйбышевской области создано 680 кооперативов, явно не хватает кооперативов по переработке вторичного сырья и промышленных отходов, строительно-ремонтных, транспортных, исходя из чего городским службам следует активнее включаться в работу, привлекая горожан к созданию кооперативов при своих предприятиях[41]. Благодаря чему, на начало 1989 года в кооперативах области уже было охвачено 7855 человек. Из них 5601 – изготавливали товары народного потребления. За предыдущий 1988 год они продали населению продукции и оказали услуг на сумму около 10 млн. рублей. В бюджеты городов и районов поступило 860 тысяч рублей подоходного налога и платы за патент[42]. В целом кооперация не оказывала существенного воздействия на насыщение потребительского рынка. Причиной указывалось то, что хотя большинство кооперативов – производители, однако значительная часть их продукции предназначена была не населению, а различным организациям и предприятиям, работать по заказу которых, кооператорам было более выгодно. Основная доля прироста кооперативной продукции и услуг получена была не за счет создания новых производств, а за счет преобразования государственных предприятий и организаций в кооперативные. Наблюдалось своеобразное замещение госсектора кооперативным при незначительном увеличении объема произведенной продукции и услуг[43].

По размаху развития кооперативной и индивидуальной форм трудовой деятельности Куйбышевская область к концу 1989 года уже занимала третье место в республике, те же из них, что напрямую были завязаны с производством, имели следующую особенность: возглавляли их, как правило, руководящие работники объединения. Используя помещение, оборудование, расходуя энергетические ресурсы объединения, кооперативы не возмещали предприятию эти расходы. Все сырье приобреталось здесь же, в том числе строго фондируемые материалы. Рабочим предприятия поручалось изготовление основы, которая затем использовалась в кооперативной деятельности, работы эти оплачивались также из средств предприятия[44].

В 1990 году кооперативы реализовали товаров и оказали услуг на общую сумму 890 миллионов рублей отчисления в местный бюджет составил 52 миллиона рублей. Рост объема производства по сравнению с 1988 годом – в 18 раз. В 1990 году кооперативы получили в банках 405 млн. рублей, а сдали наличными всего 31 млн., или всего 8% от суммы полученных[45]. Активная работа в развитии частно-предпринимательской деятельности Куйбышевского комсомола подтверждается превраще-

нием зональной комсомольской школы кадров для райкомов и горкомов ВЛКСМ всего Среднего Поволжья, решением Самарского обкома Российского союза молодежи осенью 1991 года в школу международного бизнеса и предпринимательства[46].

На 1 января 1991 года было зарегистрировано свыше трех с половиной тысяч кооперативов. Наибольшее количество кооперативов создано в городах области – 88% общего числа. Признанными лидерами здесь являлись Самара – 1760 и Тольятти – 900. В кооперативах области работали на тот период свыше 101 тысячи человек, из них непосредственно членов кооператива – 74 тысячи. 24 апреля 1991 года состоялся учредительный съезд кооператоров и предпринимателей Самарской области, на котором был создан Союз кооператоров и свободных предпринимателей Самарской области, избран совет союза и президент[47].

Кооперация стала существенным экономическим и социальным фактором. Решающую роль в ее возрождении и укреплении сыграли областные органы КПСС и ВЛКСМ.

Тенденции развития предпринимательства в сельском хозяйстве.

По инициативе КПСС в целях интенсификации сельскохозяйственного производства путем хозрасчетных отношений в ноябре – феврале 1985 года началась подготовка к внедрению "Коллективного подряда на селе" [48]. С 1 января 1986 года ЦК КПСС и Совет Министров СССР разрешил провести экономический эксперимент в Кинельском районе Куйбышевской области по расширению хозяйственной самостоятельности и переводу сельскохозяйственных предприятий на самоокупаемость[49]. А уже в конце в 1987 г. Бюро обкома КПСС постановило: потребовать от райкомов, райисполкомов, агропромышленного комитета области принятия мер по широкому распространению опыта работы Кинельского района, несмотря на трудности и ошибки, выявленные в ходе этого эксперимента. Обком КПСС исходил из требований ЦК КПСС о необходимости осуществления перевода всех колхозов, совхозов, предприятий и других организаций АПК на полный хозрасчет и самофинансирование в течение 1988–1989 г.г., а в 1988 году завершения перевода всех производственных подразделений на подрядные формы организации труда[50]. В 1989 году уже более 70% колхозов и совхозов области применяли различные формы арендных отношений. Всего же арендными коллективами было произведено 17% продукции сельского хозяйства, или в 3 раза больше, чем в 1988 году. В этих коллективах на каждого работающего произведено продукции в 1,7 раза больше, чем в среднем по области. У них отмечалось выше урожайность полей и продуктивность скота, меньше затраты и выше качество

продукции[51].

Что касается изменения организационной структуры сельского хозяйства, то во второй половине 80-х гг. она характеризуется возникновением принципиально новых форм: за 3–4 года возникло более десятка новых организационных структур сельскохозяйственного производства – от крупномасштабных форм (таких, как производственные и научно-производственные системы, агросоюзы, агроконсорциумы) до мелких и даже мельчайших (таких, как подрядные и арендные звенья и коллективы, индивидуальные и семейные крестьянские хозяйства и др.).

Допущение аренды в сельском хозяйстве страны (с мая 1988 г.) привело к появлению первых советских фермеров и к принципиально новым кооперативным формам на базе аренды земли у местных Советов. Коопхозы получали права юридического лица, свой счет в банке и обладали полной хозяйственной самостоятельностью. Первые коопхозы были созданы в 1987–1988 гг.

Возникновение агрофирм в сельском хозяйстве не было связано с ломкой сложившейся ранее структуры традиционных типов хозяйств. Дело свелось к тому, что несколько бывших высокоразвитых колхозов и совхозов приобрели независимость от ведомственных управляющих структур АПК, право свободного ценообразования на конечную продукцию (за пределами госзаказа), право создания своей сети реализации продукции и т.д.[52].

В Законе СССР о собственности (6 марта 1990 г.), речь шла лишь о правах в связи с землепользованием, землевладением – временным или постоянным, при создании частного крестьянского хозяйства. Закрепленное в законе право выхода крестьянина из колхоза со своим земельным наделом и паем, давало возможность организации крестьянского фермерского хозяйства. Вместе с тем, четкого механизма действия не было. Для защиты интересов свободных предпринимателей в сельском хозяйстве появились и особые организации. АККОР – ассоциация крестьянских хозяйств и сельскохозяйственных кооперативов России создана в январе 1990 г. В противовес в июне 1990 г. создан Крестьянский Союз СССР, объединяющий руководителей колхозов, совхозов и вышестоящих работников аппарата управления в АПК[53].

В 1989–1990 гг. сохранялись традиционные методы государственного планирования из-за отсутствия реальных изменений в базовых отношениях собственности на уровне производителей продукции АПК. Колхозы и совхозы не являлись фактически владельцами произведенной ими продукции, т.к. почти все распорядительные права были сохранены за ведомственными организациями управления АПК. В свою очередь новые субъекты права –

фермеры, арендаторы, кооператоры – в большинстве случаев не могли еще быть по-настоящему независимыми, поскольку и земля, и материально-технические ресурсы, и налаженные каналы снабжения и сбыта продукции имелись лишь в колхозах и совхозах[54].

На начало 1991 года, занимая 2% пашни, индивидуальный сектор давал 22% общего объема сельскохозяйственного производства[55]. Отмечался рост крестьянских хозяйств. К середине 1990 года их было около 500, в марте 1991 года насчитывалось 10.000 заявлений на выход их колхоза[56]. Летом 1991 года в Самарской области было 519 крестьянских (фермерских) хозяйств, в которых около 18 тыс. гектаров земли[57].

В результате инициированных КПСС реформ колхозно-совхозный строй в 1987–1990 гг. распадался, однако, сохраняя за собой доминирующее положение и все еще обеспечивал рост сельскохозяйственного производства.

Подводя итоги данного исследования, можно сделать выводы, что в развитии государственной промышленности и сельского хозяйства Куйбышевской области в 1985–1991 гг. не отмечается кризиса как устойчивого падения объемов производства. Лишь в 1990 г. объем производства в тяжелой промышленности в области отмечается падение на 10% и в легкой на 1% под воздействием, прежде всего государственной политики "перестройки" в экономике, ориентированной на формирование предпринимательского сектора; кризисные явления промышленности отмечались в сокращении числа про-

мышленных предприятий, последовательном сокращении числа работающих в промышленности, сокращении на 2% лишь в 1989 г. объемов производства в тяжелой промышленности Куйбышевской области, незначительном сокращении рентабельности в промышленности с 12% в 1988 г. до 9,9% в 1990 г.; в сельском хозяйстве Куйбышевской области в период 1985–1990 гг. отмечается значительный рост производства в ведущих отраслях: мяса с 264 тыс. т. до 347,6 тыс. т.; молока с 985 тыс. т. до 1104 тыс. т.; яйца с 944 млн. штук до 11044 млн. штук; политика развития предпринимательства в промышленности проявлялась в развитии хозрасчетных и арендных отношений в государственной промышленности, что приводило с одной стороны к повышению производственной активности, а с другой стороны к перетеканию рабочей силы и капитала в частнопредпринимательский сектор, образовавшийся с 1987 г. в виде кооперации в производстве товаров народного потребления и услуг; с 1987 г. под влиянием решений центральных партийных органов КПСС начала осуществляться политика активного формирования предпринимательского сектора в форме кооперативов, объем производства которых вырос в Куйбышевской области с 4 млн. руб. в 1987 до 890 млн. руб. в 1990 г. Развитие кооперации в Куйбышевской области вышло по показателям на третье место в РСФСР; в сельском хозяйстве проведение политики на развитие предпринимательской деятельности активно шло в форме усиления хозрасчетных отношений, развитие арендного подряда на селе, формирование с конца 80-х гг. полностью самостоятельных, основанных на групповой собственности аграрных фирм.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Абдурахманов Н.И. Роль системно-структурного подхода в исследовании исторического процесса // Диалектика исторического процесса. Ташкент, 1989. С. 120–127; Овшинов А.Н. Методологические предпосылки системного подхода к социальному познанию / Калм. гос. ун-т. Элиста, 1991. 17 с. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 44784 от 18.06.91; Проблемы методологии истории // Новая и новейшая история. М., 1996. № 6. С. 60–75
- [2] Максимов С.Н. Перестройка и проблемы хозяйственных реформ. СПб. 1992. Санкт-Петербургский университет. С. 141; Согрин В.В. Политическая история современной России, 1985–1994 от Горбачева до Ельцина. М. 1984. С. 5; Мау В.А. Экономика и власть: Политическая история экономической реформы в России 1985–1994. М. Дело Лтд, 1995. С. 6.
- [3] Материалы Пленума ЦК КПСС. 23 апреля 1985 г. М., 1985. С. 7–8.; Мау В.А. Экономика и власть: Политическая история экономической реформы в России 1985–1994. М. Дело Лтд, 1995. С. 6.; Горбачёв М.С. Избранные речи и статьи. М. 1987. Т. 2. С. 147.
- [4] Мау В.А. Экономика и власть: Политическая история экономической реформы в России 1985–1994. М. Дело Лтд, 1995. С. 7.
- [5] Итоги выполнения государственного плана экономического и социального развития Куйбышевской области за 1986 г. // Волжская коммуна. 1987. 12 января.
- [6] Самарская газета. 1994. 1 февраля.; 12-ой пятилетке – уверенный старт: К итогам работы промышленности в г. Куйбышеве за 1985 год // Волжская заря. 1986. 30 января.; Рабочий ритм пятилетки // Волжская коммуна. 1985. 1 августа.; Воробьев А. Как прожили год // Деловой мир. 1994. 18 февраля.
- [7] ГАСПИСО. Ф. 656. Оп. 189. Д. 3. Л. 95–96.; Волжская коммуна. 1987. 12 января.; Мау В.А. Экономика и власть: Политическая история экономической реформы в России 1985–1994. М. Дело Лтд, 1995. С. 7.; ГАСПИСО. Ф. 656. Оп. 189. Д. 42. Л. 51.; ГАСПИСО Ф. 656. Оп. 195. Д. 47. Л. 49–50.; Волжская коммуна. 1988. 8 января.
- [8] ГАСПИСО Ф. 656, О. 197, Д. 45. Л. 6.
- [9] ГАСПИСО. Ф. 656. Оп. 195. Д. 41. Л. 14.
- [10] Мау В.А. Экономика и власть: Политическая история экономической реформы в России 1985–1994. – М. Дело Лтд, 1995 с. 15; Согрин В.В. Политическая история современной России, 1985–1994 от Горбачева до Ельцина. М. 1984. С. 14.
- [11] Мау В.А. Экономика и власть: Политическая история экономической реформы в России 1985–1994. – М. Дело Лтд, 1995 с. 17.
- [12] Согрин В.В. Политическая история современной России, 1985–1994 от Горбачева до Ельцина. М. 1984. С. 41.

- [13] Максимов С.Н. Перестройка и проблемы хозяйственных реформ. СПб. 1992. Санкт-Петербургский университет. С. 156–157.
- [14] Волжская коммуна. 1990. 19 октября.
- [15] Волжская коммуна. 1989. 20 октября.
- [16] Волжская заря. 1990. 5 мая; Самарские известия. 1990.
- [17] Народное хозяйство Самарской области в 1986–1990 гг. Самара, 1992. С. 6; Волжская коммуна. 1989. 23 сентября.; Там же. С. 19; ГАСПИСО. Ф. 656. Оп. 197. Д. 2. Л. 14.
- [18] Народное хозяйство Самарской области в 1986–1990 гг. Самара, 1992. С. 152.
- [19] Народное хозяйство Самарской области в 1986–1990 гг. Самара, 1992. С. 150.
- [20] На старте пятилетки: об итогах работы промышленности и сельского хозяйства области за 1–е полугодие 1986 года // Агитатор и политик. 1986. № 15. С. 25–29.
- [21] Народное хозяйство Самарской области в 1986–1990 гг. Самара, 1992. С. 183.
- [22] Волжская коммуна. 1990. 13 мая.
- [23] ГАСПИСО. Ф. 656. Оп. 189. Д. 3. Л. 96.
- [24] ГАСПИСО. Ф. 656. Оп. 192. Д. 13. Л. 12, л. 33.
- [25] Волжская коммуна. 1990. 23 февраля.
- [26] Народное хозяйство Самарской области в 1991 г. Самара, 1992. С. 149.
- [27] ГАСПИСО. Ф. 656. Оп. 195. Д. 223. Л. 2, л. 33.
- [28] ГАСПИСО. Ф. 656. Оп. 197. Д. 342. Л. 165–169.
- [29] Волжская коммуна. 1990. 13 мая.
- [30] Волжская коммуна. 1990. 28 августа.
- [31] Самарские известия. 1990. 22 дек.
- [32] Волжская коммуна. 1991. 9 февраля; Там же. 22 февраля.
- [33] Народное хозяйство Самарской области в 1986–1990 гг. Самара, 1992. С. 183.
- [34] ГАСПИСО. Ф. 656. Оп. 192. Д. 15. Л. 32.
- [35] Волжская коммуна. 1990. 2 сентября.; ГАСПИСО. Ф. 656. Оп. 197. Д. 2. Л. 41.
- [36] Самарские известия. 1991. 26 июля.
- [37] Волжская коммуна. 1988. 11 февраля; Волжская коммуна. 1989. 10 февраля.
- [38] Волжская коммуна. 1989. 31 августа; Волжская коммуна. 1989. 10 декабря; Волжская коммуна. 1989. 25 августа.
- [39] Волжская коммуна. 1989. 10 декабря.
- [40] Волжская заря. 1989. 18 сентября
- [41] Волжская заря. 1988. 18 августа.
- [42] Волжская коммуна. 1989. 10 февраля.
- [43] Волжская заря. 1989. 23 мая.; Экономическая газета. 1988. № 18.
- [44] Волжская заря. 1989. 18 сентября.
- [45] Самарские известия. 1991. 13 мая.
- [46] Советская Россия. 1991. 30 ноября.
- [47] Волжская коммуна. 1991. 11 мая.
- [48] ГАСПИСО. Ф. 656. Оп. 189. Д. 42. Л. 7.
- [49] ГАСПИСО. Ф. 656. Оп. 189. Д. 42. Л. 28.
- [50] ГАСПИСО. Ф. 656. Оп. 195. Д. 124. Л. 7.
- [51] Волжская коммуна. 1990. 13 мая.
- [52] Мынкин И.Н. Аграрный сектор экономики СССР: состояние и пути перестройки. М., МГУ, 1991. С. 21–37.
- [53] Там же. С. 37.
- [54] Там же. С. 76.
- [55] Волжская коммуна. 1991. 9 февраля.
- [56] Самарские известия. 1991. 6 марта.
- [57] Самарские известия. 1991. 26 июля.

ДВОРЯНСКАЯ СЕМЬЯ НАУМОВЫХ В ЭМИГРАЦИИ

NAUMOVA NOBLE FAMILY IN EXILE

E. Barinova

Doctor of Historical Sciences, Samara Institute (branch) RGTEU

International scientific-practical conference "Development of national historical science in the XXI century", Moscow, December 21, 2012.

barinova@mail.ru

Баринова Екатерина Петровна
Доктор исторических наук, профессор,
Самарский институт (филиал) РГТЭУ

Материалы международной научно-практической конференции "Развитие отечественной исторической науки в XXI веке", г. Москва, 21 декабря 2012 года.

Судьба дворянской семьи в эмиграции чаще всего была трагичной. Эмигранты оказались вырваны из привычного мира российской действительности, пережили потерю близких, родных, друзей, экономического благополучия и социальной стабильности. Особенно тяжело было сохранять жизненную мотивацию эмигрантам из военной среды и политической элиты, поскольку на протяжении многих лет они занимали ведущие посты в управлении страны.

Социальное мироощущение человека оторванного от родины приходило в глубокий диссонанс с психологией и самосознанием. Привычка ощущать себя частью коллектива, управлять и быть управляемым, потребность в строгой регламентации повседневной жизни и одновременно осознание важности своего дела для государства – весь этот комплекс мироощущений был разрушен эмиграцией. Среди психологических факторов, оказывавших наибольшее воздействие на сознание и духовный мир русских эмигрантов, были чувство утраты и тоски по родине, социальная не востребованность личности в чужом обществе

На формирование личности сильное влияние оказывают условия, в которых она развивается и формируется. Это семья, друзья, ближайшее окружение, характер полученного образования. Как правило, уже на этом этапе человек проявляет нестандартные качества своей личности. В этой связи интересна жизнь и судьба отдельной дворянской семьи, вырванной из контекста привычной ситуации.

Александр Николаевич Наумов (1868–1950) был типичным представителем поместного дворянства из среды которого "рекрутировались" чиновники на высшие государственные должности – губернаторы и министры

Российской империи. Он являлся современником и участником реформ и революций начала XX века. Интересна и поучительна служебная карьера А.Н. Наумова, его роль в работе властных структур, в том числе в Государственном Совете и Совете Министров. В его мировоззрении и деятельности органично сочетались идеи либерализма и стойкого приверженца сохранения и расширения дворянских привилегий. Эти традиционные установки он отстаивал в корпоративных дворянских организациях на уездном, губернском уровнях и в Совете объединенных дворянских обществ.

После Февральской революции А.Н. Наумов предстал перед чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства и 4 апреля 1917 г. давал показания. В 1918–1920 гг. семья Наумовых, кроме младшей дочери Параскевы, которая оставалась в Москве на лечении, жила в Крыму, вероятно в имении в Форосе. В 1920 г. семья Наумовых эмигрировала во Францию. Александр Николаевич купил усадьбу с домом в районе Ниццы в области Кот-д'Азюр, переделал ее и назвал "Волгой".

Он и Анна Константиновна Наумовы участвовали в работе русских культурных организаций. А.К. Наумова была членом Союза ревнителей памяти императора Николая II в Париже. А.Н. Наумов возглавил Общество помощи русским учащимся и школам. Как председатель этого общества, он в 1925 г. организовал преподавание русского языка и литературы во французских лицеях Ниццы. В восьми французских школах к 1937 г. русский язык изучало около 100 детей.

3 октября 1925 года открылась школа "Александринно" в Ницце, находившаяся под покровительством Великого князя Андрея Владимировича. Большой вклад в ее создание внес банкир-меценат М. П. Рябушинский. Учи-

лись здесь в основном отпрыски знатных родов, которые остались сиротами или чьи родители испытывали материальные затруднения. В 1988 году в Ницце вышла книга Эллис Леруа "Русские в Морских Альпах", где подробно рассказано об истории школы, принципах ее финансирования, учебном процессе, преподавательском составе. Школа "Александрини" существовала в основном за счет пожертвований. Так, 19 июня 1925 года М. П. Рябушинский пишет директору: "Школа будет существовать в том размере, в каком это позволяют собираемые средства. При сем препровождаю Вам чек в сумме 100 фунтов стерлингов, каковые 100 франков за один фунт составляют эквивалент 10000 франков". Из письма А. Н. Яхонтова: "А. Н. Наумовым внесено 1200 франков на выдачу частичной стипендии, для которой он избрал Александра Апухтина 7-ми лет. У Апухтиных в настоящее время положение исключительно тяжелое. Семья состоит из отца, к труду полуспособного (отрезана рука по плечу), из матери очень слабого здоровья и 4-х детей, младшему 8 месяцев. Конечно, Александра можно было послать в коммунальную школу, но это мальчик слабенький, впечатлительный, нервный и болезненный, так что родители не могли решиться отдать его в такую школу, где ему не были обеспечены необходимые заботы, ласка и здоровый стол" [14].

Когда в 1937 г. отмечалось столетие со дня гибели А.С.Пушкина, Александр Николаевич принял активное участие в подготовке и проведении торжеств, посвященных этой дате в среде русской эмиграции. Начиная с середины 1920-х гг. А.Н. Наумов начинает писать воспоминания. В 1938 г. семья Наумовых перебирается в Нью-Йорк, где А.Н. Наумов продолжает писать свои воспоминания.

После смерти мужа в 1950 г. его жена А.К. Наумова вместе с дочерью О.А. Кусевичкой издала воспоминания своего мужа и написала к ним предисловие. Воспоминания А.Н. Наумова охватывают период с 1868 г., времени его рождения до конца 1920 гг. В напечатанном варианте "Из уцелевших воспоминаний" они доходят до 1 июля 1916 г., когда А.Н. Наумов был освобожден от должности Министра земледелия. Дневник А.Н. Наумова, который посвящен характеристике революционных потрясений 1917 г. и первым годам жизни семьи Наумовых во Франции в эмиграции опубликован не был.

Воспоминания Александра Николаевича Наумова – земского начальника, уездного, а затем Самарского губернского предводителя дворянства, почетного мирового судьи, члена Государственного Совета (1909–1916 гг.), министра земледелия высоко информативный документ. Хотя воспоминания написаны А.Н. Наумовым в эмиграции, они насыщены многочисленными подробностями, которые помогают воссоздать реалии российской жизни конца XIX – начала XX вв. Вся жизнь А.Н. Наумова прошла в служение родине, понятия патриотизма, долга и дворянской чести были для него неразрывно связаны. С ранней юности до последних лет своей жизни А.Н. Наумов

вел дневниковые записи – кратко заносил события прошедшего дня в свою тетрадку. Часть этих дневников была утеряна в годы революции и гражданской войны. В годы эмиграции А.Н.Наумов попытался возродить эти дневники. В 1937 году во Франции работа над воспоминаниями была завершена и рукопись, по совету генерала Н.Н. Головина, была сдана на хранение в библиотеку Хувера Стэнфордского университета в Калифорнии.

Тексты, написанные эмигрантами "первой волны", особенно богаты и разнообразны по содержанию, что объясняется высоким интеллектуальным уровнем диаспоры, ее многочисленностью, а также осознанием особого исторического положения, которое эволюционировало в представление о важной исторической миссии. Когда большинство эмигрантов осознало, что скорого возвращения на родину не произойдет, то, как справедливо пишет Э. Гаретто, "индивидуальная и коллективная память приобретает важнейшее значение", а "главной целью становится фиксация того сложного процесса, который привел к революционной катастрофе, и попытка понять его, объяснить себе и грядущим поколениям" [4].

Эмиграция осознает себя единственной хранительницей духа русской культуры. Фиксируя в воспоминаниях образ жизни, быт и семейную культуру императорской России, мемуаристы стремились отразить роль традиционных дворянских ценностей системе ценностных представлений социума.

Судьба детей Александра Николаевича и Анны Константиновны Наумовых сложилась следующим образом. Первая дочь Наумовых Мария в конце мая 1915 года, в возрасте 16 лет познакомилась с Николаем Поливановым. Николай (10.12(28.11).1886– 1978) был сыном троюродной сестры А.Н. Наумова – Марии Николаевны Языковой и симбирского губернского предводителя дворянства Владимира Николаевича Поливанова [3].

Н.В. Поливанов закончил императорское училище правоведения, служил в государственной канцелярии. Обладал музыкальными и поэтическими способностями. После смерти отца в 1915 году стал заниматься хозяйственными делами и приехал для осмотра своего родового имения "Грязнухи", расположенного недалеко от Голвкинского имения.

Вскоре Николай Поливанов сделал Марии предложение и через год, 28 июня 1916 г., они поженились. Александр Николаевич с разрешения императора Николая II получил отпуск и приехал на свадьбу. В 1918 году семья Поливановых эмигрировала в Ниццу. Брак их был недолгим, Мария умерла 16 апреля 1921 г. в Ницце от скарлатины.

Впоследствии В.Н. Поливанов женился на Татьяне Павловне Беляевой. К сожалению после его смерти в 1978 г. семейный архив рода Поливановых, который он хранил, был ею уничтожен [10].

3 марта 1900 г. у Александра Николаевича и Анны Константиновны в Форосе родилась вторая дочь Анна (1900–1993). Она хорошо рисовала. Вместе с родными эмигрировала во Францию в 1919 г. 29. 10.1925 года в Ницце она вышла замуж за герцога князя Сергея Георгиевича Лейхтербергского (1903, Санкт–Петербург – 1966, Калифорния) – сына кн. Георгия Максимилиановича Романовского, герцога Лейхтербергского от второго брака с черногорской княжной Анастасией Николаевной) [8]. Брак продлился до 1938 г. В семье родилось четыре дочери: Мария, Анна, Наталья и Ольга Сергеевны.

Мария Магдалина (1926–2005) в 1949 г. вышла замуж за Джозефа де Паскуале (род. 1919). В семье родилось четверо детей – Мария(1950), Элизабет(1952), Серж(1956), Чарльз (1957). Анна Сергеевна (род. 1928) в 1954 г. вышла замуж за Роберта Байярда Стаута (род. 1931). В семье родилась одна дочь. Ольга Сергеевна (род. 1931) вышла замуж за Рональда Ньюбурга (род. 1926). Наталия Сергеевна (род. 1933) вышла замуж за Малколма Бейкер Боуэрс. [2] Семьи Марии Сергеевны де Паскуале и Анны Сергеевны Стаут живут в Сан–Франциско.

2 июля 1901 г. в семье родилась третья дочь Ольга. Ольга была талантливой художницей и одаренной карикатуристой (1901(Самара)–13 января 1978(Нью–Йорк). В 1929 обосновалась в США. Работала секретарем контрабасиста и дирижера С. А. Кусевицкого (1874–1951), женой которого была ее тетя, сестра матери – художница Н. К. Кусевицкая (Ушкова).

В 1947 году она стала третьей женой Сергея Александровича Кусевицкого (1874–1951), дирижера, композитора, музыкального деятеля, руководителя Государственного симфонического оркестра в Петрограде (1917–1920). В 1920 году он эмигрировал в Париж, был соучредителем Русской консерватории (1924). В 1924 г. вместе со своей второй женой (с. 1905 г.), младшей сестрой А. К. Наумовой (Ушковой) Натальей Константиновной Ушковой (1881–1942) переехал в США, где был руководителем и главным дирижером симфонического оркестра в Бостоне (1924–1949). С 1947 года С.А. Кусевицкий вел класс дирижирования в, так называемом "Маленьком красном Доме" Тэнглвуда, который после реконструкции был передан Беркширскому Музыкальному Центру.

Зимой 1951 года С. Кусевицкий проводит концерты своего последнего Западного тура по Соединенным Штатам. В феврале 1951 года в Денвере, он заболевает лейкемией, но все–таки, продолжает тур, выступая вместе с Израильским Филармоническим Оркестром. И уже 26 февраля 1951 года в Сан–Франциско он дает свой последний в жизни концерт. В этом концерте он прощался с Родиной, дирижируя Четвертой симфонией П. Чайковского и Пятой симфонией С. Прокофьева [1].

Сергей Александрович Кусевицкий умер в ночь на 4

июня 1951 года, не дожив всего двух месяцев до своего 77–летнего дня рождения. Через несколько дней на Беркширском мемориальном кладбище состоялись похороны "великого русского, кто стал и великим американцем". Рядом с гробом, покрытым американским флагом стояли: жена Ольга, Л. Бернштейн, А. Копленд и многие другие люди, близко знавшие Сергея Александровича. С ним прощались все студенты Беркширского Музыкального Центра.

"Еще в бытность бедным студентом Санкт–Петербургского университета я часто ходил на волшебные концерты оркестра Кусевицкого, – вспоминал П.А. Сорокин. – Наталья Кусевицкая по–своему тоже была выдающейся личностью. Талантливый скульптор и одна из самых богатых дам дореволюционной России, она финансировала оркестр мужа, один из самых лучших тогда. После моего переезда в Гарвард мы дружили семьями много лет до самой смерти наших выдающихся друзей... Вместе с Ольгой Кусевицкой, на которой Сергей женился после смерти Натальи, мы наблюдали, как расстается с телом бессмертная душа маэстро. С его смертью в нашей жизни возникла пустота... Примерно раз в год мы ездим на могилу наших дорогих друзей в Леноксе, неподалеку от созданного Сергеем Кусевицким Тэнглвудского музыкального центра" [11].

Ольга Александровна многие годы делала дружеские шаржи на известных музыкантов, его друзей и знакомых. В имени Кусевицких "Серанак" хранится масса альбомов Ольги Александровны с карикатурами и шаржами на Пабло Казальса, Артуро Тосканини, Владимира Горовица, Яшу Хейфеца, Игоря Стравинского, Леонарда Бернштейна и на самого Сергея Кусевицкого.

После смерти мужа была избрана президентом Фонда Кусевицкого и президентом основанного им в 1948 под эгидой ЮНЕСКО Американского отделения Международного музыкального фонда. Работала в благотворительных организациях. Сопредседатель комитета "Музыка для Израиля". Член Американской комиссии ЮНЕСКО.

Сын Питирима Александровича, профессор Гарварда Сергей Сорокин писал: "Именно благодаря Кусевицким наши родители познакомились со многими выдающимися музыкантами того времени, в том числе и русскими – Сергеем Рахманиновым, Сергеем Прокофьевым, Федором Шаляпиным, Яшей Хейфецем и Григорием Пятигорским" [9]. Не случайно портреты Сергея Александровича и Натальи Константиновны, во многом повлиявших на формирование взглядов, вкусов и музыкальных пристрастий Питирима Сорокина, стояли на камине в его доме рядом с портретами учителей (в том числе М. Ковалевского) и сыновей – крестников Кусевицких.

"Мы до сих пор с удовольствием поддерживаем дружеские отношения с Ольгой Кусевицкой, – писал Питирим Сорокин в середине в середине 1970–х. – Помимо прочего, маэстро верил ее попечению Фонд Кусевицко–

го (действующий по сей день Serge Koussevitzky Music Foundation, Inc.) и ряд других фондов для финансовой поддержки талантливых молодых композиторов. Ольга выполняет эти обязанности добросовестно и мудро. Этой цели она посвятила всю свою нынешнюю жизнь..." [11].

Тэнглвуд хранит память о С.А. Кусевицком. Из года в год, один из главных симфонических концертов, посвящается его памяти, а 26 июня, в день рождения Сергея Александровича, хор студентов Беркширского Центра отправляется на могилу Кусевицкого и исполняет "Аллилуйю" А. Томпсона. В свое время эта вещь была написана по специальному заказу С. Кусевицкого. Этим произведением открывается и летний фестиваль в Тэнглвуде, который стал подлинной Меккой Соединенных Штатов. Беркширский Центр является подлинным нерукотворным памятником Сергею Александровичу Кусевицкому. В дар Центру Ольга Кусевицкая преподнесла их имение "Серанак" – дом, где все напоминает о Сергее Александровиче и его прежней супруге. Название "Серанак" – это "Сергей и Наталья Кусевицкие". Огромный особняк является музыкальным музеем, посвященный памяти маэстро. Он открывается только летом, и посетители внимательно рассматривают бесчисленные реликвии большой музыкальной жизни. Все в "Серанаке" сохраняется в том самом виде, как было при жизни С. Кусевицкого. В большой музыкальной комнате – его инструмент, наигранные им пластинки, его портреты. На рояле – незаконченный мраморный бюст работы его жены Н. Ушковой. Чудесный русский пейзаж И. Левитана на стене, большой портрет Кусевицкого с контрабасом, написанный В. Шухаевым примерно в середине 20-х годов и, конечно же, парный портрет двух друзей – С. Кусевицкого и А. Скрябина.

Обширный архив С.А. Кусевицкого хранится в библиотеке Конгресса США в Вашингтоне. Он содержит переписку самого дирижера, Наталии Кусевицкой и его третьей жены Ольги Наумовой–Кусевицкой, а также оригиналы около 150 произведений, заказанных Фондом Кусевицкого. На некоторых из них – посвящения авторов дирижеру и Наталии Константиновне. В архиве хранятся также сочинения самого Кусевицкого и сделанные им переложения.

После смерти С.Кусевицкого Ольга Александровна Наумова переехала в Нью-Йорк. В конце 1960-х гг. посетила СССР по туристической путевке. Умерла в 1978 году. О.А. Наумова–Кусевицкая похоронена рядом со своим знаменитым мужем и его второй женой – своей тетей – Н.К. Ушковой–Кусевицкой на кладбище в Леноксе.

7 июня 1904 г. в семье Наумовых родился долгожданный первый сын Александр, который позднее женился на Дине де Маттос–Феррац графине Сеньял. Его семья жила в Бразилии, в 1920 – е годы Александр служил в кофейной конторе.

23 февраля 1906 года родилась дочь Параскева. В 1911 году в возрасте пяти лет она тяжело переболела

скарлатиной, последствия которой обезобразили ее внешность. А.Н.Наумов тяжело переживал болезнь дочери. К ней была нанята медсестра, которая неотлучно находилась при девочке. Он лечил ее у известных врачей специалистов в Москве и за границей. В 1917 г. девочка находилась на лечении в Москве. Революционные события и отъезд семьи во Францию разлучил ее семьей до 1924 года. При содействии Магдалины Ивановны Турецкой, рабочей архангельской таможни в 1924 году она была вывезена из России во Францию [13]. В Ницце А.Н.Наумов нанял дочери гувернантку – Елену Михайловну Кирьякову, которая опекала девушку вплоть до ее смерти в 1935 году.

31 января 1911 года в семье родился второй сын – Николай. В возрасте пяти лет ему была нанята бонна – англичанка мисс Блант. Его детство прошло в условиях революционного времени и эмиграции. Он учился в нескольких школах: в Константинополе в 1920–21 гг. во французскую школу Доминиканцев, потом обучался в Ницце в школе "Массена" (1922–1924 гг.), колледже (1924–1927). В 1928 г. он поступил в Королевскую Земледельческую школу, однако по финансовым причинам ее не закончил. Работал архитектором.

Архитектурным памятником А.Н. Наумову стал его дом, построенный по проекту А.А. Щербачева, в котором в настоящее время находится Самарский дворец детского и юношеского творчества.

Обособняк А.Н.Наумова в Самаре в советское время был административным и культурным центром. В 1917–1918 гг. его занимал самарский губисполком, в мае–июне 1918 года (период борьбы с чехословаками) – революционный комитет и штаб охраны города (в здании работали В.В. Куйбышев, М.С. Кадомцев и А.И. Рыбин, в июне 1918 года приезжал нарком по военным делам и член Военного Совета Н.И. Подвойский).

С возвращением после чехословаков и Комуча в город большевиков в октябре 1918 года в доме расположились Поволжское самарское отделение РОСТА (с декабря 1918 года издававшее ежедневную рабоче–крестьянскую газету "Приволжский коммунарь"), 1-й Союз самарских журналистов. В 1920 г. здание занял Самарский губернский революционный комитет и губернское отделение управления внутренних дел. В 1920-х гг. в доме располагались Самарский городской отдел коммунального хозяйства и губернский отдел местного хозяйства [6].

В 1928–1936 гг. здание приютило совет профсоюзов. Во время ремонта 1936–1938 гг. оставили от дореволюционных интерьеров лишь детали лепнины (она была столь прочной, что ее с трудом вырубали). Снесли колонны в парадной, изменили ограждение парадной лестницы на второй этаж (первоначально в ней были фактурные, а, возможно, и резные мраморные вставки). Сохра-

нили только двери, оконные рамы и фрагменты пола. Правда, Дворец получил пристрой зимнего сада на первом этаже с фонтаном, который нарушил пространство двора. В процессе реконструкции на фасаде укрепили белую мраморную мемориальную доску: "В 1917–1918 гг. в этом здании работал революционный комитет под председательством В.В. Куйбышева".

Летом 1936 г. было принято решение о передаче Дворцу детей бывшего особняка Наумова на улице Куйбышева. Это было сделано по инициативе секретаря Куйбышевского обкома партии Павла Петровича Постышева. В особняке начался ремонт и его реконструкция под Дворец детей. По воспоминаниям строителей ко времени перестройки здания под Дворец детей от дореволюционных интерьеров оставались лишь детали лепнины. Лепнина была настолько прочной, что ее с трудом вырубали. Перестройку проводили на пожертвованные предприятиями средства – 1 млн. рублей. 4 (5) ноября 1938 г. к 21-й годовщине Великого Октября в особняке открыли Дворец детей (пионеров и школьников) [5].

Эта дата долгие годы (до 2004 г.) была официальной для Дворца пионеров. Во время Великой Отечественной войны с октября 1941 г. по август 1943 г. в бывшем особняке Наумова располагалось британское посольство, о чем свидетельствует установленная в 2002 г. На фасаде здания мемориальная доска [7].

17 апреля 2009 на фасаде здания старинного особняка Наумова были открыты Мемориальные доски. Одна из них, посвящается Почётному гражданину г. Самары,

предводителю дворянства Самарской губернии и первому владельцу особняка Александру Николаевичу Наумову (1868–1950гг.).

Другая – знаменательному событию – 70-летию открытия в особняке Наумова Дворца детей (пионеров). Мероприятие проводилось в рамках празднования Международного дня охраны памятников и исторических мест и проходит по итогам городского Интернет – проекта "Памятники истории и культуры в наследство потомкам".

В 2008 году в рамках проекта воспитанники Дворца детского и юношеского творчества создали сайт "Особняк Наумова. Волшебная нить судьбы", провели социальную акцию "Живи, Дворец!" и предложили установить на здании Дворца две мемориальные доски. Педагогический коллектив и городские власти поддержали гражданскую инициативу детей. В течение года велась серьезная работа по подготовке и утверждению необходимых документов в комиссии по увековечиванию памяти выдающихся личностей и исторических событий города Управления по вопросам культуры и организации досуга населения Администрации г.о. Самара. Результатом совместной работы стало торжественное открытие мемориальных досок, автором которых является скульптор, член Союза художников России Иван Мельников [12]. В 2009 г. на здании установлены две мемориальные доски, одна из которых посвящена Почётному гражданину г. Самары, предводителю дворянства Самарской губернии и первому владельцу особняка Александру Николаевичу Наумову.

ЛИТЕРАТУРА

1. Астров А.В. Деятель русской музыкальной культуры С.А. Кусевский. Л., 1981.
2. Белякова З. Честь и верность. Российские герцоги Лейхтербергские. СПб., 2010.
3. Александров П.А. Описание музея в с. Акшут Симбирской губернии. // Исторический вестник. 1908, сентябрь, С. 982–986.
4. Гаретто Э. Мемуары и тема памяти в литературе русского Зарубежья // Блоковский сборник. Т. 13. Тарту, 1996. С. 101.
5. ГУСО ЦГАСО. Ф.Р-2558. Оп.2. Д.38.
6. ГУСО ЦГАСО. Ф.Р-56. Оп.1. Д.895.
7. Добрусина Н. Дом с волшебными окнами: [о Дворце пионеров, бывшем особняке Наумова]// Самарские судьбы. 2007. № 10. С. 56–67.
8. Красюков Р. Г. Герцоги Лейхтенбергские //Дворянский календарь. Справочная родословная книга российского дворянства. Тетр. 5. СПб., 1998. С. 90.
9. Семейная жизнь с Питиримом Сорокиным / В сб.: Возвращение Питирима Сорокина // Под ред. Ю.В. Яковца. М., 2000.
10. Синелобов К.С. Степан Тарасович Овсянников и его потомки//Известия Русского генеалогического общества. Вып.7. СПб., 1997.
11. Сорокин П.А. Дальняя дорога: Автобиография. М., 1992.
12. Строительный комплекс и архитектура Самарской губернии: вчера, сегодня, завтра: [электрон. ресурс]. Режим доступа: http://book.zodchiy.ru/history/kam_sim.htm;
13. Поморский Мемориал: Книга Памяти жертв политических репрессий. Архангельск, 1999. Т. 1–3: А–Я Поимённые списки жертв политических репрессий.
14. Хайретдинова А.С. "Александрино". О существовавшей в 1920–1930-х годах в Ницце русской школе под таким названием// "Московский журнал" 2009. №5 (221)
15. Современный особняк: [электрон. ресурс].– Режим доступа: <http://smrbuid.ru/1,260.html>;
16. САДЮТ: сайт Самар. дворца дет. и юнош. творчества: [электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.pioner-samara.ru/main.shtml>

ЕЩЕ РАЗ О ФЕНОМЕНЕ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

ONCE ON THE PHENOMENON SOVIET HISTORIOGRAPHY

G. Ippolitov

Doctor of Historical Sciences, Samara Institute (branch) RGTEU

International scientific-practical conference "Development of national historical science in the XXI century", Moscow, December 21, 2012.

lppolitov@mail.ru

Ипполитов Георгий Михайлович
Доктор исторических наук, профессор,
Самарский институт (филиал) РГТЭУ

Материалы международной научно-практической конференции "Развитие отечественной исторической науки в XXI веке", г. Москва, 21 декабря 2012 года.

В конце 1980 – начале 1990 гг. существовал взгляд во многом имевший идеологизированную политическую цель ликвидации социалистического государства), согласно которому семьдесят лет существования советской власти рассматривались как процесс упадка российской государственности, колоссальный минус в русской истории. Это распространялось и на историографию, то есть на историю исторической науки советского периода.

Ученые стали уделять внимание феномену советской историографии. Одной из первых попыток его осмысления предпринял Ю.Н.Афанасьев. Он выделил четыре основных подхода, в рамках которых строится осмысление существования исторической науки в СССР.

Первый подход, представители которого, – И.И. Минц, М.В.Нечкина, А.И.Данилов, Ю.С. Кукушкин и др.[8] рассматривали развитие науки в СССР по восходящей, то есть общая линия движения виделась направленной линейно прогрессивно вперед, как и собственно развитие общества. Тесная взаимосвязь в рассмотрении общественных и научных процессов приводила к фиксации практически зеркального отражения зигзагов и единичных недостатков в развитии партийно–государственной системы по отношению к внутринаучным процессам. Каждый этап развития науки виделся, несмотря на отдельные недостатки, более прогрессивным, по качественным и количественным показателям на порядок более высоким, чем предыдущий.

Общая оценка периода выглядит как апологетически-восторженная, от победы – к победе, от высоты – к высоте, от достижения – к достижению. Безусловно, во многом данная линия являлась историографическим отражением

общих тенденций партийно–государственной идеологии последних двух доперестроечных десятилетий.

Второй подход (Е.И. Голубева, А.И. Зевелев, Е.В. Чистякова и др.). Для него являлся характерным дифференцированный взгляд к оценке истории исторической науки в советский период. Такой подход был более направлен на науку, факторы ее внутреннего развития. Историческая наука рассматривалась как сложное, многоуровневое явление, отдельные этажи которого находились на различных уровнях развития и, соответственно, каждый уровень требовал собственного анализа. Основной критерий оценки – насколько то или иное направление или проблематика оставались недеформированными, научными, а где происходила имитация научной деятельности, подмена цитатничеством или схематизмом.

Третий подход (А.А. Искендеров, Р.Быков и др.), обозначившийся, прежде всего, в среде профессиональных журналистов и общественных деятелей, отличался тем, что здесь весьма определенно прозвучала мысль о несоответствии советской историографии критериям научности, о значительном преобладании в деятельности историков фальсификаторских начал и в полемическом запале, ставилась проблема, была ли история при советском политическом режиме наукой?

Четвертый подход представлен самим Ю.Н. Афанасьевым. Он оценил всю советскую историографию как "особый научно–политический феномен, гармонично вписанный в систему тоталитарного государства и приспособленный к обслуживанию его идейно–политических потребностей"[1]

Причем, схема Ю.Н. Афанасьева проста. Большевики, придя к власти как правящее меньшинство в России, со–

здают модернизированную религию, на воплощение установок которой бросили всю мощь партийно-государственного аппарата. Историческая наука стала при этом рассматриваться как элемент государственной политики, и ей обеспечивалась государственная поддержка лишь в той степени и в тех границах, в которых она была способна выполнять соответствующие инструменталистские функции. Историческая наука советского периода в описании историка и представляется, прежде всего, как организм идеологически кровно связанный с партийной системой и выполняющий ее потребности, в котором очень мало научных элементов, а если они и присутствуют, то только вопреки, а не благодаря системе.

Так или иначе, но в интерпретации Ю.Н.Афанасьева представленные направления выглядят противостоящими друг другу, хотя в каждом из них выражен различный ракурс:

- ◆ *в первом* – отслеживается отражение политических процессов в историко-научной сфере;
- ◆ *во втором* – внимание уделяется внутренним факторам науки;
- ◆ *в третьем* – упор делается на ценностные начала отечественной науки;
- ◆ *в четвертом* – влияние идеологического фактора на историко-научное сообщество [2].

Примерно такую же позицию высказала Н.В. Иллерицкая, поддержав данную Ю.Н.Афанасьевым оценку. Она пришла к выводу, что "партийное руководство наукой сыграло свою пагубную роль – советская историческая наука перестала быть наукой, так и не предприняв серьезных попыток стать ею" [4].

Но подобные жесткие излишне категоричные аксиологические суждения постепенно становятся достоянием прошлого истории исторической науки. Наступает время верификационных, академически взвешенных оценок. Не случайно, в последние годы в научном сообществе все более утверждается точка зрения, согласно которой использование формулы "феномен советской историографии" сочетается с признанием ее достижений. [3]

Небезынтересно и то, что в начале XXI века появился другой срез рассмотрения феномена советской историографии. Некоторые ученые анализируют его под углом зрения взаимоотношения и взаимодействия домарксистской и марксистской школ отечественной историографии.[10]

В то же время, продолжают выходить в свет публикации, в которых особое внимание акцентируется на том, что речь идет о "социальном историко-графическом проекте", характерными чертами которого выступает классовый

подход в качестве заданной ценности. Он нацелен на "борьбу с буржуазной историографией" [6].

Имеет место и своего рода компромиссная позиция. Ученые, ее придерживающиеся, полагают то, что советская историография сформировалась как сочетание "факторов внешнего и внутреннего влияния" и поэтому отличалась "активным участием историков в политической жизни страны и постоянством борьбы с позитивизмом" [7].

Думается, что такая разнообразная палитра мнений дает основания утверждать: сегодня феномен советской историографии требует дальнейшего углубленного осмысления.

Заметим в данной связи следующее: сегодня как в свете общеполитических, так и внутринаучных изменений, уже многое видится иначе, чем даже в середине 1990-х гг. Становится ясной неисторичность подхода, при котором вычеркиваются целые страницы в истории России. Или еще парадоксальнее: начинает действовать принцип, обозначенный М.Н. Покровским, суть которого сводится к тому, что история – политика, обращенная в прошлое во всех смысловых ракурсах и, прежде всего, в отношении историко-научного сообщества [5].

Сегодня все более устойчивый характер принимает тенденция осторожного подхода к изучению истории советской исторической науки, исключающего как огульный нигилизм, так и слепую апологетику.

Одним из таких верифицированных суждений может выступать следующее: вряд ли можно ставить под сомнение фактор активного государственного вмешательства в советскую историческую науку. Однако, как представляется, в попытке нахождения общих смысловых основ феномена советской историографии исследователи упустили из виду тот факт, что существование Советского государства в XX в. прошло, в свою очередь, несколько больших этапов. И в рамках данных этапов научная политика в области общественных наук, в том числе и исторического образования, академических институтов приобрела своеобразные черты, иногда кардинально отличавшиеся друг от друга.

Нынешние тенденции историографии с ярко обозначившимся стремлением к междисциплинарности, то есть работе на стыке таких наук, как философия истории, культурология, психология науки, с одной стороны, и усилившимся интересом в среде историографов как к процессу научного творчества, так и самому историко-научному сообществу, предполагает более глубокое и разностороннее рассмотрение черт советской историографии.

Необходимо подчеркнуть то, что существование исторической науки в советский период, безусловно, носило

свои характерные черты. При этом, как представляется, прежде всего, следует выделить те особенности, которые, пусть в трансформированном виде, сохранились в исторической науке советского периода от предыдущей историографической традиции, и затем, соответственно, абсолютно оригинальные, сложившиеся под воздействием специфических условий существования в Советском государстве. К таким характерным чертам, судя по анализу литературы [11], можно отнести следующие:

1. Пусть и своеобразное, но продолжение участия советских историков в политической жизни страны, что явилось выражением усложнения общественно-политической структуры и появления надпрофессиональных элементов деятельности, конкурирующих с собственно профессиональными. После Гражданской войны от историков, при этом требовалась постоянная демонстрация лояльности, горячей приверженности идеям марксизма, советскому строю ради дальнейшего отстаивания научных взглядов. Несогласие или отклонение от марксизма и его постулатов влекло за собой подозрение в политической благонадежности относительно существующей государственной системы. Тем самым в советский период в отечественной исторической науке надпрофессиональные черты деятельности (идеологические или политические) стали зачастую определять содержание и смысл существования профессиональных.

2. Государственный контроль и планирование деятельности историко-научного сообщества. Бесспорно, что огромное значение приобрело указанное влияние идеологических установок на внутренний мир науки. Влияние идеологии распространялось по многим направлениям. Изменения коснулись практически всех сторон жизни историко-научного сообщества. Наиболее глубокими и широкомасштабными, как представляется, эти изменения наблюдались в организационных формах науки, практике историописания (точке зрения на исторический процесс, проблематике и подборе персонажей историко-научных исследований, языке историописания), а также в процессе воспроизводства исторических знаний. В организационных формах науки наиболее важным изменением стало появление нескольких направлений исторической науки. Четко обозначились два основных направления: история коммунистической партии; история СССР.

3. Доминанта историко-партийного направления по сравнению с конкретно-историческим. Историко-партийное направление начало создаваться с первых дней существования советской системы и просуществовало до ее конца. Оно приобрело явно выраженную функцию поддержания и научного обоснования партийно-идеологических доктрин, с одной стороны, а с другой – буфера между партийно-государственными органами и собственно историко-научным сообществом. Стиль, традиции взаимоотношений между государством и историко-

партийным направлением вольно или невольно переносились и на взаимоотношения со всем историко-научным сообществом.

Историко-партийная наука целиком отразила тот изначально прагматический, инструменталистский характер, который был заложен в нее создателями советской государственной системы. Данный прагматический характер заключался в создании марксистского видения истории России, подкрепляющего или, по крайней мере, не расходящегося с идеологическими постулатами.

Своеобразным отражением подобной инструменталистской функции исторической науки стало неравноценное существование историко-партийного и конкретно-исторического направлений советской исторической науки. Подчеркнем, что историко-партийное направление уже изначально поддерживалось и выделялось государством как наиболее приоритетное и важное по сравнению с конкретно-историческим. Это предопределило то, что взаимоотношения между данными направлениями являлись весьма неоднозначными. Уже изначально от первых дней существования основных историко-партийных институтов, выступлений основателя советской исторической науки М.Н. Покровского, историко-партийное направление носило агрессивный характер по отношению к конкретно-историческому, заявляя о своей первичности и приоритетности.

4. Директивность как основной способ взаимоотношений между государственными органами и исторической наукой. Она стала заключаться в том, что государственные органы путем многочисленных декретов, постановлений первоначально трансформировали то, что осталось от старых обломков организационной структуры дореволюционной исторической науки, сформировали многие новые элементы историко-научного сообщества, а затем осуществили надзирающий контроль.

При этом, безусловно, новой чертой взаимоотношений власти и историков в советский период стала опека партийно-государственных структур и лидеров правившей в стране компартии над историками, положение, при котором непрофессионалы, дилетанты считали не только возможным, но и необходимым вмешиваться в деятельность профессионалов-историков. Спектр директивных действий являлся довольно разнообразным и широким:

- ◆ декреты, постановления о создании исторических институтов, о кадровой политике, о качестве публикаций в исторических журналах, по поводу школьных учебников и т.д.[9],

- ◆ иногда партийные лидеры вовлекали свои суждения в более тонкие формы и оболочки заметок, замечаний, суждений, что не предполагало, в свою очередь,

возможность историкам–профессионалам не прислушаться к ним [12].

5. Появление нового угла зрения на исторический процесс в практике историописания, благодаря воздействию идеологических установок. Теперь в историческом прошлом наиболее ценными и привлекательными виделись преимущественно те сюжеты, которые были связаны с подтверждением основных положений марксизма, а именно: делался акцент не на рассмотрение эволюции государственных форм в истории страны, что было характерно для дореволюционной русской исторической науки, а на поиск изменений производственных отношений с соответствующими им социально–экономическими формами.

Этому сопутствовало рассмотрение исторического процесса как неуклонной единой линии освобождения от всех форм социального гнета, выделение революционных эпизодов в прошлом, накладывавшее значительные элементы телеологизма – неуклонного поступательного движения общества на пути к коммунистическому идеалу. Причем именно в советской историографии (в отличие от дореволюционной) наиболее распространенным стало обращение к ближайшим событиям, что стало следствием хронологического сжатия и усечения горизонта отечественной истории, рассматриваемого теперь сквозь призму классовой борьбы и революционного процесса.

6. Заданность и узость методологических поисков. Марксизм был признан в качестве единственно верной методологии. Дальнейшие поиски методологического плана советская власть пресекла, причем, директивным путем. Единственной методологической тенденцией, которая закладывалась на все время существования исторической науки в советский период, стала постоянная проверка на истинность, самоидентификация марксизма историков, что, в конечном счете, означало корректировку в связи с переменами в идеологии, то есть на первый план вставала проблема соответствия научных и идеологических установок.

7. Изменение и самого языка науки. В нем появились слова и выражения, несвойственные дореволюционной научной традиции, привнесенные временем и идеологическими штампами: борьба, революция, классы, партия, большевики и т.д. Появился особый пафос, которого не было до революции: постоянно присущее в трудах исто-

риков напряжение борьбы, противостояния, ощущение изначальной правоты дела рабочего класса и крестьянства, поражения в краткосрочной перспективе с залогом торжества идеалов классовой борьбы в будущем.

8. Появление новых героев и новых образов в исторических работах. Причем осуществлялся весьма любопытный процесс концентрации положительных черт у героев революционных восстаний, партийных деятелей и участников народных бунтов и обмельчание темпераментов у творцов спокойной мирной жизни или представителей господствовавших классов.

9. Изменения во внутренней структуре текста историко–научных работ. Влияние идеологии приводило к тому, что историки даже в произведениях, далеких от советской действительности, должны были использовать в качестве обязательного элемента исторических произведений цитаты из произведений и выступлений вождей, партийных лидеров, постановлений съездов. Постольку, поскольку государство накладывало на историков обязательство корректировки своих научных позиций с генеральной линией партии, в советской историографии наблюдалась тенденция постоянной борьбы между открытым цитатничеством и схематизмом и сугубо научным знанием, подкрепленным тщательным и добросовестным обращением к источникам, делающим только политесные реверансы в сторону идеологических доктрин и партийно–государственного строительства.

10. Образование глубоких линий разрыва в источниковедческой практике. Если дореволюционная историография отличалась тщательным и глубоким отношением к историческому источнику и хорошие источниковедческие знания являлись во многом критерием историко–научного профессионализма, то после революции изначально побеждает тенденция оттеснения источников и подчинения их обществоведческим схемам и установкам.

Вышеизложенные характерные черты советской историографии влияют на процесс определения этапов существования исторической науки в советский период, главным образом потому, что сила внешнего влияния была на порядок сильнее, чем тенденции внутри самого научного сообщества. Нельзя сбрасывать со счетов и того, что значительными являлись и тенденции внутреннего развития. Не принимать их вовсе – значит исказить картину развития отечественной историографии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Афанасьев Ю.Н. Феномен советской историографии // Советская историография. М., 1996. С. 37.
2. Более подробно см.: Афанасьев Ю. Феномен советской историографии // ОИ. – 1996. – № 5. – С. 146–168.
3. Бычков С.П., Свешников А.В. Проблема феномена советской историографии // Очерки истории отечественной исторической науки XX века. Омск, 2005. Безызыскательно и то, что историческая наука России XX века рассматривается многими исследователями как поступательный процесс, в котором сохранялись

- традиции предшествующих периодов. В этом отношении весьма характерна позиция петербургских историков В.С. Брачева и А.Ю. Дворниченко, которые в своей книге, посвященной деятельности кафедры русской истории Санкт-Петербургского университета, отметили взаимосвязь между советской и досоветской историографией. Подчеркнув, что, "пройдя сквозь переходное время 1920-х гг., русская историческая наука выльется в форму "феномена советской историографии" со всеми присущими этому явлению чертами", они подкрепили свои рассуждения о специфике советского периода мыслью о том, "что тысячами зримых и незримых нитей историография этого времени была связана с предшествующей, "дореволюционной" (Брачев В.С., Дворниченко А.Ю. Кафедра русской истории Санкт-Петербургского университета. 1834 – 2004. СПб., 2004. С. 5.)
4. Иллерицкая Н.В. Становление советской историографической традиции: наука, не обретшая лица // Советская историография. М., 1996. С. 187.
  5. О такой концепции М.Н. Покровского более подробно см.: Чернобаев А. А. "Профессор с пикой", или три жизни историка М. Н. Покровского – М., 1992.
  6. Образы истории / Под ред. А.П. Логунова. М., 2001. С.29.
  7. Очерки истории отечественной исторической науки XX века / Под ред. В.П. Корзун. Омск, 2005.С.29.
  8. См., напр.: Историография истории СССР: Эпоха социализма / Под ред. И.И.Минца. М., 1982; Очерки истории исторической науки в СССР / Под ред. М.В.Нечкиной и др. Т.5. М., 1985; Данилов А.И. История и общество/ А.И. Данилов, В.В. Иванов, М.П. Ким, Ю.С. Кукушкин // ВИ. 1977. №1 и др.
  9. См., напр.: О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском "Краткого курса истории ВКП (б)": постановление ЦК ВКП (б) от 14 нояб. 1938 г. // Пропаганда и агитация в решениях и документах ВКП (б). – М., 1947. – С. 368–370.
  10. См.: Марксизм без пролетариата: Георг Лукач и ранняя Франкфуртская школа 1920 – 1930-е гг. СПб., 2004.
  11. См.: Сидоров А.Л. Некоторые размышления о труде и опыте историка // История СССР. 1964. № 3. С. 118–138; Иванова Л.В. У истоков советской исторической науки: Подготовка кадров историков–марксистов в 1917 – 1929 гг. М., 1968; Она же. Формирование советской научной интеллигенции: 1917 – 1927. М., 1980; Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 4. М., 1966; Чагин Б. А., Клушин В. И. Борьба за исторический материализм в СССР. Л.: Наука, 1975; История и сталинизм: сб. ст. / сост. и авт. предисл., Н. Мерцалов. – М., 1991; Куманев В. А. 30-е годы в судьбах отечественной интеллигенции. М., 1991; Балашов В.А. Указ. соч.; Афанасьев Ю. Феномен советской историографии. // Советская историография. С.7–42. М., 1996; Алексеева Г.Д. Историческая наука в России после победы Октябрьской революции // Россия в XX веке. Судьбы ист. науки. – М., 1996; Сахаров А. Н. Дискуссия в советской историографии: убитая душа науки // Сов. историогр. – М., 1996. С. 78–161; Иллерицкая Н. В. Становление советской историографической традиции: наука, не обретшая лица // Там же. С. 162–191; Искендеров А. Историческая наука на пороге XXI века // ВИ. – 1996. – № 4. – С. 3–31; Сидорова Л.А. Оттепель в исторической науке: сов. историогр. первого послесталинского десятилетия – М., 1997; Она же. Советская историческая наука середины XX века: Синтез трех поколений историков. М., 2008; Она же. Школы в исторической науке России // ОИ. 1999. № 6. С. 200–203; Историческая наука России в XX в.: [сб. ст.] / Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории; редкол.: Г. Д. Алексеев (отв. ред.) и др.; [предисл. Г. Д. Алексеевой]. – М., 1997; Литвин А. Без права на мысль. Историк в эпоху Большого Террора: Очерки судеб. Казань, 1994; Поляков Ю.А. Корифеи отечественной исторической науки: Воспоминания. М., 1997; Проблемы источниковедения и историографии. Материалы II Научных чтений памяти акад. И.Д. Ковальченко. М., 1999; Согрин В.В. Осмысливая советский опыт: о нов. тр. по истории XX в. // ОНС. – 1999. – № 3. – С. 114–122; Пыжиков А. В. Осознание сталинизма в годы "оттепели" // Вестн. РАН. – 2003. – № 6. – С. 542–547; Ипполитов Г.М. Некоторые актуальные проблемы изучения военной истории в постсоветский период; – С. 3–20; Гречухин П. Б. Выход "Краткого курса истории ВКП (б)" и предвоенное советское общество [Электрон. ресурс] / П. Б. Гречухин, В.Н.Данилов. – Режим доступа: <http://old.sgu.ru>. – Загл. с экрана; Шикло А. Е. Указ. соч.; Шеуджен Э.А. Лекция по общим вопросам историографии [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.history.perm.ru>. – Загл. с экрана; Маслов Н.Н. Советское искусство под гнетом "метода" социалистического реализма: полит. и идеол. аспекты (30–40-е гг.) // Отеч. история. – 1994. – № 6. – С. 160–174; Быкова А.Г. Методологические вопросы изучения историографии: историогр. факт, историогр. источник, пробл. периодизации ист. науки, эволюции и революции в науке [Электронный ресурс] / А.Г. Быкова В.Г. Рыженко. – Режим доступа: <http://www.history.perm.ru>. – Загл. с экрана; Они же. Современные представления о предмете историографии отечественной истории, ее задачах. [Электронный ресурс]: – Режим доступа: <http://www.history.perm.ru/modules/smartsection/item.php?itemid=34> – Загл. с экрана; Итоги и перспективы подготовки в России документальных публикаций (1992 – 2010 гг.): докл. руководителя Федерального арх. агентства чл.–кор. РАН В.П. Козлова на Бюро отд.–ния ист.–филол. наук РАН 25 янв. 2006 г. [Электронный ресурс]: – Режим доступа: http://www.rusarchives.ru/news/doc_publ.shtml. – Загл. с экрана; Наумов И.В. Вопросы исторической науки в отечественной историографии. МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 2004. – 18 с. – Деп. в ИНИОН РАН 15.07.2004, № 58781; Артизов А.Н. Школа М.Н. Покровского и советская историческая наука конец 1920-х – 1930-е гг.: автореф. дис. ... докт. ист. наук – М., 1998; Бочаров А.В. Проблема альтернативности исторического развития: историогр. и методол. аспекты: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Томск, 2002 и др.
  12. См.: Сталин И. Замечания по поводу конспекта учебника по истории СССР / И. Сталин, С. Киров, А. Жданов // К изучению истории ВКП (б): сб. материалов. – Куйбышев, 1938. – С.18–19.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ОТРАЖЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ ЛИЧНОГО СОСТАВА КРАСНОЙ АРМИИ В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЙ НАУКЕ

ACTUAL PROBLEMS OF STUDYING
THE REFLECTION OF POLITICAL
INDOCTRINATION OF THE RED ARMY
IN THE INTERWAR PERIOD IN THE DOMESTIC
HISTORIOGRAPHICAL SCIENCE

E. Bobkova

PhD, Associate Professor, Samara Institute (branch) RGTEU

International scientific-practical conference "Development of national
historical science in the XXI century", Moscow, December 21, 2012.

vica3@yandex.ru

Бобкова Елена Юрьевна
К.п.н., доцент,
Самарский институт
(филиал) РГТЭУ

Материалы международной научно-практической конферен-
ции "Развитие отечественной исторической науки в XXI веке",
г. Москва, 21 декабря 2012 года.

Изучение процесса накопления и приращения исторических знаний по теме политического воспитания личного состава Красной армии в хронологических рамках межвоенного периода, проведенное в формате проблемно-тематической историографии, является актуальным для современного этапа развития отечественной исторической науки по следующим основаниям.

Во-первых, неординарность межвоенного периода в истории Советского государства и его Вооруженных сил. Именно тогда реализовалась большевистская концепция построения социализма в отдельно взятой стране и армия выступала в роли станового хребта Советской России и СССР. Все это, отразившись в историческом сознании социума, в последующем сказывалось на формировании определенного восприятия прошлого и современности у людей.

Во-вторых, эффективная система политического воспитания военнослужащих является одним из фундаментальных элементов обеспечения боеготовности Вооруженных Сил РФ. Трансформационные процессы, запущенные проводимой военной реформой, не могли не повлиять и на воспитательную работу в армии. И осмыслению такой ситуации способствует в полной мере обращение к историческому опыту, в том числе и на уровне историографических обобщений. Ведь человечество всегда пытается найти и находит ответы на жесткие вызовы современности в огромной и богатейшей сокровищнице исторического опыта.

В-третьих, диалектическая противоречивость историографической ситуации, сложившейся в начале XXI в.

в отечественной исторической науке. С одной стороны, методологический кризис, в который была ввергнута российская наука в 1990-е годы, преодолен. В условиях утвердившегося плюралистического многоголосия серьезные проблемы истории исследуются с новых подходов. С другой стороны, утверждение новых подходов не есть панацея от появления работ, в которых искажается историческая правда. Нужна взвешенная конструктивная научная критика.

В-четвертых, наличие большого фактографического и нарративного аспектов в материалах, имеющихся сегодня в научном обороте, в которых проблема политического воспитания личного состава РККА в межвоенный период нашла то или иное отражение. Однако по данной теме до настоящего времени отсутствуют специальные историографические исследования. Подобное предполагает проведение историографической разработки и выявление сущности и основных тенденций в истории изучения нашей темы. Следовательно, необходимо комплексно изучить и критически проанализировать имеющиеся по теме историографические факты и источники. Только на такой основе можно оценить уровень исследованности рассматриваемой темы, а также выявить тенденции познания в данной области исторических знаний, определить перспективы ее дальнейшего изучения.

Рассматриваемая проблема имеет свою историю истории изучения. В ней, если исходить из проблемно-хронологического подхода, можно выделить два крупных условных историографических периода: советский (1920-е – 1991 гг.) и постсоветский (с 1992 г. и до наст. вр.).

Советский условный историографический период (1920-е – 1991 гг.). История истории изучения проблемы политического воспитания личного состава Красной армии в межвоенный зафиксирована как в общих, так и в специальных исследованиях. Общие исследования можно разделить на две группы. Первая группа – труды, посвященные истории советской исторической науки в целом. Они позволяют представить общие тенденции ее развития, проявившиеся в изучении вопросов деятельности органов государственной власти и военного по политическому воспитанию личного состава РККА в 1920-е – июне 1941 гг. Содержащиеся в них положения характеризуют влияние социально-политической атмосферы на творчество исследователей рассматриваемой проблемы.

Во второй группе выделяются работы, в которых затрагиваются проблемы изучения преимущественно военных аспектов советской историографии, где освещаются сюжеты, имеющие отношение к мирному периоду развития Советского государства. Из них можно почерпнуть некоторые сведения, имеющие отношение к истории историографии рассматриваемой в данных историографических очерках проблемы.

Специальные исследования. Имеются в виду, в первую очередь, работы по изучению истории проблемы партийно-политической работы в ВС СССР, в содержании которых затрагиваются и аспекты анализируемой темы. Данная группа работ многочисленна, так как затрагивает такой многоаспектный феномен советской, истории, как партийно-политическая работа в ВС СССР.

Анализ показывает, что в 1920-х – первой половине 1950-х гг. история истории изучения партийно-политической работы проходила не очень активно. Она отражалась, главным образом, в небольших рецензиях или статьях в научной периодике. В них присутствовала обзорность и большая доля нарратива. Однако в конце 50-х – первой половине 60-х гг. XX века здесь произошел качественный сдвиг: история изучения проблемы партийно-политической работы в ВС СССР стала пополняться историографическими исследованиями. К тому времени накопился эмпирический материал, расширился круг источников, повысилась квалификация научных кадров, способных перейти от исторических исследований к историографическим.

С целью совершенствования познания истории партийно-политической работы в ВС СССР, в том числе и в области политического воспитания военнослужащих Красной армии, поставили вопрос о тщательном анализе опубликованной литературы и защищенных диссертаций, об их достоинствах и недостатках, о степени вовлечения в научный оборот и изученности источников, об определении путей научной разработанности исследуемой темы. В свет стали выходить публикации, на научном уровне рассматривающие, в комплексе с другими проблемами, и вопросы историографии партийно-политической работы, в том числе и по некоторым аспектам нашей темы. Главным образом и, на уровне статей, опубликованных в научной периодике.

Со второй половины 1960-х гг. на фоне продолжаю-

щих издаваться небезыntenесных статей появились возможности, позволившие ученым перейти к созданию историографических сборников и монографий, в которых определенное место было отведено истории партийно-политической работы и по исследуемой нами проблеме. Был защищено ряд диссертаций, отражавших в том или ином аспекте историю изучения рассматриваемой темы. Но она не освещалась как самостоятельная, а обязательно входила составной частью в блок проблем историографического осмысления темы воинской дисциплины и правопорядка, воинского, патриотического и интернационального воспитания военнослужащих на различных этапах истории Советского государства. Причем, были защищены диссертации собственно историографического плана, где поднимались указанные выше проблемы, а также и диссертации по тематике партийно-политической работы, в которых имелись специальные главы (разделы) или фрагменты историографического характера. Отдельно подчеркнем, что специальным работам, так же, как и общим, присущи идеологизированность и политизированность, что обусловлено, в частности, их выполнением в теоретико-методологической системе координат догматизированного марксизма-ленинизма в большевистском его измерении.

Постсоветский условный историографический период (с 1992 г. и до наст. вр.). Здесь также имеются как общие, так и специальные исследования, выполненные с позиций новых подходов, которые проходили в 1990-х гг. процесс становления и утверждения. К общим исследованиям относятся труды, посвященные истории как советской, так и постсоветской исторической науки в целом. В них, подобно тому, как и в советской историографии, содержатся положения, характеризуют влияние социально-политической атмосферы на творчество исследователей рассматриваемой проблемы. Но труды выполнялись в бесцензурных условиях и без идеологического диктата КПСС, что, конечно же, сказалось положительно на их научном качестве. Однако здесь имела место и политическая конъюнктура.

Специальные исследования. В их числе следует отметить, в первую очередь, коллективную монографию, посвященную проблемам правового воспитания личного состава силовых структур Российского государства в 1918 – 2000 гг. В ней дан обзор истории истории изучения предмета исследования, и в данном контексте затронута тема морального духа Вооруженных сил Советского государства на различных этапах его развития. Такую же оценку можно дать и докторской диссертации М.В. Хачатуряна. В некоторых работах анализируемая тема нашла определенное отражение в комплексе с основным предметом исследования. Но именно нашей теме должного внимания не уделяется.

Давая оценку имеющимся историографическим публикациям по теме анализируемой в нашей монографии теме, следует отметить, что наряду с достоинствами они имеют и слабые стороны. В некоторых из них содержится немало противоречащих друг другу характеристик и оценок одних и тех же событий и фактов, недостаточно аргументированных рекомендаций, порою, ни в коей мере не

вытекающих из проведенных исследований. Не трудно заметить, что тема на различных этапах истории Советской России, СССР, РФ не рассматривалась в качестве самостоятельной проблемы. Налицо определенная локальность значительной части историографических работ, как правило, не выходящих за рамки выяснения какого-либо одного вопроса. В крупных же обобщающих трудах по проблемам партийно-политической работы в Советских Вооруженных силах историография анализируемой темы представлена в постановочном, общем плане.

Объект исследования – отечественная историография вопросов деятельности органов государственной власти и военного управления по политическому воспитанию личного состава Красной армии в 1920–е – июне 1941 гг., которая нашла свое отражение в большом количестве опубликованных источников, литературы, защищенных диссертаций, а также и в некоторых архивных документах и материалах.

Предметом исследования – сложившаяся исследовательская историографическая традиция изучения данной проблемы, взгляды советских и современных российских историков, анализ процесса накопления и приращения исторических знаний, глубины научной разработанности в отечественной историографии вопросов деятельности органов государственной власти и военного управления по политическому воспитанию личного состава Красной армии в 1920–е – июне 1941 гг.

Цель исследования – всесторонний и комплексный анализ процессов формирования научных знаний по проблеме политического воспитания личного состава Красной армии в 1920–е – июне 1941 гг., количественного и качественного состояния отечественной историографии, ее основных тенденций и дальнейших перспектив развития.

Хронологические рамки исследования. Хронологические рамки анализируемых историографических фактов и источников ограничены периодом существования Красной армии в межвоенный период (1920–е – июнь 1941 гг.). Хронологические рамки самой монографии охватывают период с 1920–х гг. по настоящее время. Столь большой временной интервал позволяет наиболее полно проследить развитие историографии проблемы. Тем более, открывается возможность компаративного анализа советских и постсоветских историографических источников.

Методологические основы историографических очерков. Определяя их, автор исходил из плюралистического многоголосия, утвердившегося сегодня в отечественной исторической науке.

Применялись следующие методологические подходы: диалектический и диалектико-материалистический; развитый системный; компаративистский; формационный и цивилизационный. Автор монографии руководствовался такими методологическими принципами, как объективность и историзм в изучении явлений, процессов, связей и отношений; принцип всестороннего подхода к изучаемым явлениям и фактам; принцип различия между прошлым и настоящим; принцип исторического

контекста; принцип понимания истории как процесса; принцип здравого смысла; принцип корректности и деликатности в оценке фактов. Использовались следующие методы исследования. Общенаучные методы: исторический и логический, классификационный, контент-анализ и др. Специально-исторические: системный и сопоставительный, синхронный и диахронный; метод экстраполяции, периодизации и др. Историографические и источниковедческие методы исследования: проблемно-хронологический; периодизации; историко-сравнительный; логического и конкретного анализа; актуализации и др.

Основные источники, использованные при выполнении данных историографических очерков, можно разделить на три части:

1) историографические источники, представленные широким кругом общих и специальных исследований, а также научно-справочных изданий, характеризующих указанную проблему;

2) исторические источники – комплекс документов, отражающих межвоенный период в истории Советского государства

3) дополнительные источники неисторического и неисториографического характера.

История изучения проблемы политического воспитания личного состава Красной армии в 1920–е – июне 1941 гг. прошла сложный, противоречивый путь. Это был закономерный поступательный процесс познания ряда, но далеко не всех, аспектов в столь сложной сфере, как советское военное строительство, крупной составной частью которого являлась партийно-политическая работа в армии и на флоте, а в ее рамках – политическое воспитание личного состава. Поэтому выглядит закономерным, что историографическое осмысление рассматриваемой проблемы проходило, главным образом, в рамках исследования историографических и исторических источников, имеющих отношение к проблемам партийно-политической работы, проводившейся властными структурами в РККА в хронологических рамках, указанных выше.

Развитие историографии рассматриваемой темы обуславливалось непосредственной конкретно-исторической обстановкой. Историографические и исторические источники, в которых она нашла отражение, обширны и разнообразны. Они стали принадлежностью советской историографии, когда та развивалась в едином научном пространстве Советского Союза (1923 – 1991 гг.) и в научном пространстве России постсоветской (1992 – до наст. вр.).

Однако в данной связи следует обязательно подчеркнуть принципиально важное обстоятельство: к большому сожалению, научная проблема политического воспитания личного состава Красной армии научная проблема пока что не стала предметом отдельного комплексного историографического исследования в отечественной исторической науке.

Имеются здесь и узкие места. Так, историографические и исторические источники, отражающие состояние деятельности властных структур по политическому вос-

питанию личного состава РККА в межвоенный период недостаточно исследованы. Если о роли и месте сталинских репрессий, их негативном влиянии на морально-психологическое состояние личного состава РККА, о падении уровня воинской дисциплины и правопорядка написано немало исторических трудов и защищено диссертаций, то тема, например, адаптации содержания форм и методов повышения качества политического воспитания военнослужащих РККА, практикуемых в мирное время к условиям участия Красной армии в локальных войнах и вооруженных конфликтах, практически не исследована (на уровне хотя бы обобщающей комплексной научной статьи).

Советская историография нашей темы – самая многочисленная в количественном отношении. Она прошла в своем развитии сложный и неоднозначный путь. Общий итог: научная разработка проблемы политического воспитания личного состава Красной армии в межвоенный период состоялась.

Однако данный процесс не смог выйти из системы координат догматизированного марксизма–ленинизма в большевистском его измерении, который был навязан идеологами правившей в стране компартии в качестве единственно верной, безальтернативной теоретико-методологической основы исторических исследований. Отсюда – односторонность, шаблонность, помноженные на чрезмерную идеологизацию и политизацию, в выводах, обобщениях и оценках. Кроме того, и это принципиально подчеркнуть, проблема, указанная выше, так и не стала предметом самостоятельного комплексного исследования как в собственно историческом, так и в историографическом плане.

Но изложенное выше ни в коем случае не может стать поводом к недооценке наработок предшественников в разработке рассматриваемой проблемы в советской историографии. Их критический анализ, а также осмысление и переосмысление с новых исторических подходов, которые утвердились сегодня в отечественной исторической науке, даст современным исследователям небезынтересный материал.

Современная историография проблемы пережила сложное время зарождения, становления и утверждения новых подходов в отечественной исторической науке. Она развивается динамично, хотя, конечно же, еще молодая. Здесь отсутствуют комплексные целевые исследования как собственно исторического, так и историографического плана, посвященные теме политического воспитания личного состава Красной армии в межвоенный период. Однако имеющиеся научные наработки по проблеме, указанной выше, хотя и раскрывают ее только опосредованно (в комплексе с основными темами научных работ), они, тем не менее, могут расцениваться как первые и удачные попытки осмысления и переосмысления неординарной темы в отечественной истории, которой посвящены настоящие историографические очерки. А это не может не внушать осторожный здоровый оптимизм в плане дальнейшей научной разработки проблемы

политического воспитания личного состава Красной армии в межвоенный период.

Историографический анализ проблемы политического воспитания личного состава Красной армии в межвоенный период позволяет сделать такое обобщение: историография нашей темы прошла детерминированный конкретно–исторической обстановкой путь своего становления, совершенствования и дальнейшего развития. Несмотря на все сложности, принцип преемственности идей в развитии был, в конечном итоге, соблюден. На базе обширного материала исследован широкий круг проблем в сфере политического воспитания личного состава Красной армии в межвоенный период, роли и места здесь органов государственной власти и военного управления, сделаны важные теоретические выводы, сыгравшие свою роль на различных этапах истории изучения проблемы. Отдельные из них не потеряли актуальности и сейчас.

Необходимо подчеркнуть и то, что аналитическое осмысление и переосмысление опубликованной литературы и защищенных диссертаций, а также и комплекса документальных источников и источников личного происхождения, отражающих тему политического воспитания личного состава РККА в межвоенный период позволяет заключить следующее: они являются именно теми историографическими и историческими источниками, которые определяют и будут определять основные направления развития и накопления исторических знаний в данной области.

Думается, что основные тенденции, выведенные из аналитического материала настоящих историографических очерков для каждого условного историографического этапа, имеют глубинную внутреннюю сущность, которую в обобщенном виде можно выразить следующими тезисами:

- ◆ постоянное количественно–качественное приращение историографии данной темы;
- ◆ расширение источниковой базы исследований по проблеме;
- ◆ трансформация подходов отечественных историков к анализу объекта и предмета нашей монографии.

Видимо, имеются основания и для того, чтобы извлечь такой урок из историографического осмысления нашей темы: историческая наука должна быть свободной от диктата власти и не имеет права слепо следовать за политикой. На развитие исторической науки, особенно на ее оценочные положения, отрицательно влияет субъективизм политического руководства. Необходим правдивый, а не конъюнктурный анализ, где главный критерий – истинность исторических знаний.

Таким образом, историографический анализ проблемы политического воспитания личного состава Красной армии в межвоенный период позволяет утверждать следующее: серьезная проблема отечественной истории, несмотря на некоторые достижения, не нашла еще пока что достаточной научной разработки. Думается, ученых здесь ждет много интересных открытий.

ЛИТЕРАТУРА

1. 25 лет исторической науки в СССР / под ред. В. П. Волгина, Е. В. Тарле, А. М. Панкратовой. – М., 1942.
2. Алексеева Г. Д. Историческая наука в России. Идеология. Политика (60 – 80-е годы XX века) / Г. Д. Алексеева. – М., 2003
3. Волков И. О некоторых вопросах истории начального периода строительства Вооруженных Сил / И. Волков // ВИЖ. – 1959. – № 10. – С. 79–84
4. Греков Б. Д. Основные итоги и Великой Октябрьской социалистической революции. – М., 1948. – С. 3–24
5. Гречко А. Военная история и современность / А. Гречко // ВИЖ. – 1961. – № 2. – С. 3–12.
6. Гуревич А. О. О кризисе современной исторической науки // Вопр. истории. – 1991. – № 2–3. – С. 21–36
7. Данилов В. Л. Современная российская историография: в чем выход из кризиса // Нов. и новейшая история. – 1993. – № 6. – С. 95–101
8. Деркачев О. И. Деятельность Коммунистической партии по дальнейшему развитию и укреплению Красной Армии и Флота в 1921 – 1928 гг.: историогр. исслед. 1921 – 1980 гг.: дис... канд. ист. наук / О. И. Деркачев. – М., 1981.
9. Зарождение и развитие советской военной историографии. 1917 – 1941 / отв. ред. П. А. Жилин. – М., 1985
10. Изучение отечественной истории за 50 лет Советской власти // Вопр. истории. – 1967. – № 11. – С. 2–24.
11. Имшинецкий Н. П. Советская историография деятельности Коммунистической партии по строительству Вооруженных Сил СССР в годы предвоенных пятилеток (1929 – 1941 гг.): дис... канд. ист. наук / Н. П. Имшинецкий. – М., 1978
12. Ипполитов Г. М. О новых подходах к освещению советского периода российской истории (на примере Гражданской войны в России) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2011. Т.13 №3(41). С.222–228.
13. Искандеров А. Два взгляда на историю // Вопр. истории. – 2005. – №4. – С. 3–32
14. Конюховский В. И. Борьба Коммунистической партии за укрепление Красной Армии в годы мирного социалистического строительства (1921 – 1941 гг.): дис... докт. ист. наук / В. И. Конюховский. – М., 1961.
15. Корнеев В. В. Кризис исторической науки в России // Кентавр. – 1994. – № 4.
16. Меликов В. Задачи военно-исторического исследования в Красной Армии / В. Меликов // Воен. кн. после мировой войны: воен.-библиограф. справ. Сб. 1. – М., 1925. – С. 7–12
17. Национальная политика КПСС: очерк историогр. – М., 1981
18. Нессен Г. Д. Деятельность Коммунистической партии по укреплению Советских Вооруженных Сил в предвоенные годы (1939 – 1941 гг.): дис... докт. ист. наук / Г. Д. Нессен. – М., 1965
19. Об изучении истории исторической науки // Вопр. истории. – 1956. – № 1. – С. 3–15
20. Очерки советской военной историографии. – М., 1974
21. Партийно-политическая работа в Вооруженных Силах СССР 1918 – 1973 гг.: ист. очерк. – М., 1974
22. Поляков Ю. А. Историческая наука: люди и современность. – М., 1999; Исторические исследования в России: тенденции последних лет. – М., 1996;
23. Правовое воспитание личного состава силовых структур Российского государства: более 80 лет истории изучения (1918 – 2000 гг.): моногр.: в 2 т. / А. В. Горожанин, Г. М. Ипполитов, В. В. Рыбников, М. В. Хачатурян. – Самара, 2003.
24. Рабинович Е. С. За изучение истории политработы (вместо рецензии на книги тт. Петухова и Савко) / Е. С. Рабинович // Война и революция. – 1929. – Кн. 1. – С.124–136
25. Развитие советской исторической науки 1970 – 1974. – М., 1975;
26. Россия в XX веке. Судьбы исторической науки. – М., 1996
27. Ростунов И. Н. Советская историография в межвоенный период / И. Н. Ростунов // ВИЖ. – 1967. – № 11. – С. 86–93
28. Ростунов И. Н. У истоков советской военной историографии // ВИЖ. – 1967. – № 8. – С. 67–72
29. Рыбников В. В. Деятельность КПСС по интернациональному воспитанию советских воинов: историогр. исслед. / В. В. Рыбников. – М.: ВПА, 1986
30. Рыбников В. В. Деятельность КПСС по интернациональному воспитанию советских воинов. 1918 – 1986 гг.: историогр. исслед.: дис. докт. ист. наук. – М., 1987.
31. Сахаров А. Н. О новых подходах к истории России // Вопр. истории. – 2002. – № 8. – С. 3–20
32. Сахаров Е. За дальнейшее развитие советской военно-исторической науки / Е. Сахаров // ВИЖ. – 1967. – № 11. – С. 3–8.
33. Сидорова Л. А. Оттепель в исторической науке: сов. историогр. первого послесталинского десятилетия / Л. А. Сидорова Л. А. – М., 1997.
34. Скоробогаткин К. Полувековой путь советской военной науки / К. Скоробогаткин // ВИЖ. – 1968. – № 2.
35. Советская историография / под общ. ред. Ю. Н. Афанасьева. – М., 1996
36. Согрин В. В. Осмысливая советский опыт. О новейших трудах по истории XX века / В. В. Согрин // ОНС. – 1999. – № 3. – С. 114–122 и др.
37. Хачатурян М. В. Деятельность государственных органов по правовому воспитанию военнослужащих России (1918 – 2000 гг.): историогр. исслед.: дис... докт. ист. наук / М. В. Хачатурян. – М., 2002.
38. Хвесин Т. О первом томе книги А. Свечина "Эволюция военного искусства" / Т. Хвесин // Воен. вестн. – 1928. – № 1. – С. 57–63.

И.С. ОРЛАЙ

И РАСПРОСТРАНЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ В РОССИИ В НАЧАЛЕ XIX в.

I.S. ORLAY AND EXTENSION
OF HISTORICAL KNOWLEDGE
IN RUSSIA IN THE EARLY XIX CENTURY

A. Samoilenko

Ph.D., associate professor,
Nizhyn State University. Gogol, Nezhyn

International scientific-practical conference "Development of national
historical science in the XXI century", Moscow, December 21, 2012.

sam_alex17@mail.ru

Самойленко Александр Григорьевич
К.и.н., доцент,
Нежинский государственный
университет им. Н. Гоголя, г. Нежин

Материалы международной научно-практической конференции "Развитие отечественной исторической науки в XXI веке", г. Москва, 21 декабря 2012 года.

Вторая половина XVIII – начало XIX в. стали временем возрастающего интереса общества к отечественной истории. Деятельность Академии наук, активизация университетской жизни, организация ряда исторических архивов, рукописных отделов и музеев, открытие нескольких исторических обществ, способствовали распространению в интеллектуальной среде потребности к осмыслению истории государства и исторических традиций своего народа. На это время приходится деятельность Н. Бантыш-Каменского, К. Калайдовича, Н. Карамзина, П. Строева, А. Мусина-Пушкина, Н. Устрялова, А. Шлецера, И. Эверса и ряда других блестящих ученых прошлого, заложивших научную основу к изучению истории России. Рядом с профессиональными историками в историографическом процессе активно участвовали и ученые-энциклопедисты, писатели, общественные деятели, краеведы-любители и т.п. К числу таких энтузиастов-исследователей на ниве исторической науки принадлежит выдающийся медик, литератор, педагог и просветитель Иван Семенович Орлай.

Безусловно, такая яркая, многогранная личность как И. Орлай не могла оставаться вне поля зрения исследователей. На протяжении XIX – начала XXI века появилось несколько статей о жизни Ивана Семеновича в энциклопедических и биографических словарях [4], в обобщающих работах по истории развития образования в Российской империи [19; 22; 23] и по истории функционирования отдельных учебных заведений, в которых работал в разное время ученый [9; 10; 20]. Следует особенно отметить исторические и историко-педагогические исследования Т. Байцур [1; 2], К. Васильева [3], Д. Данилюка [5; 6], И. Доброскок [7], М. Евтуха [17], Н. Пашаевой [16], А.

Подражанского [18], Я. Радиша [20], И. Свенцицкого [12], в которых раскрывается научно-педагогическую деятельность И. Орлая на рубеже XVIII – XIX вв.

Если вклад ученого в развитие педагогической и медицинской науки нашел достаточно полное отражение в специальной литературе, то его деятельность на ниве исторической науки на сегодня остается мало изученной. Поэтому главная задача, которая ставится перед данным исследованием, состоит в раскрытии основных взглядов И. Орлая на исторический процесс и определении его места в распространении исторических знаний в России в начале XIX в.

Не углубляясь в детали жизни ученого, которая, благодаря перечисленным выше трудам, стала достаточно известной для широкого круга специалистов, остановимся лишь на тех ее моментах, которые, по нашему мнению, сыграли определенную роль в формировании мировоззрения и исследовательских приоритетов ученого.

Иван Семенович Орлай родился в 1770 г. в дворянской семье в Закарпатье, на территории Австрийской империи. Начальное и среднее образование получил в Мукачевской годичной и Ужгородской трехклассной школе, Ужгородской и Надь-Карольской гимназии, Варадской академии, а высшую – на философском факультете Львовского университета и Генеральной Йозефинской семинарии (богословский факультет Пештского университета). В феврале 1790 г. Орлая удостоили звания профессора низших классов Велико-Карловской гимназии высших наук, в которой он преподавал древние языки, географию и историю, однако был вынужден оставить службу. Как указал И. Кулжинский в "Воспоминани-

ях учителя": "Карпаторосс по рождению, Орлай воспитывался в австрийских училищах, а по окончании там курса наук был определен учителем в низшие классы оной гимназии. Через несколько времени потом открылась вакансия учителя в высших классах, и открыт был конкурс на то место. Из трёх явившихся конкурентов Орлай лучше всех выдержал установленный экзамен; но когда дошло до окончательного решения, иезуит-ректор не дал место Орлаю за то, что "он русин, а не немец". Это чрезвычайно оскорбило молодого учителя. "Ну, когда я русин, так поеду в Русь", – сказал он и приехал в Россию" [11, с. 3]. В 1791 г., двадцатилетним юношей, Иван Семенович эмигрировал в Россию, изменив фамилию Орлай, сначала, на Орлов, а затем, на Орлай [1, с. 17].

Несмотря на определенные сложности, которые пережил молодой ученый в период своего становления, бесспорным является то, что Иван Семенович получил прекрасное разноплановое образование в европейских учебных заведениях, освоил ряд современных (русский, немецкий, венгерский) и древних (латынь, еврейский, халдейский, греческий) языков, и, возможно, главное, в молодом человеке окончательно укрепилось убеждение в собственной самоидентификации, о принадлежности к русинам, связанных корнями с восточнославянскими народами.

В Петербурге молодой ученый быстро сделал блестящую карьеру. Окончив Медико-Хирургическое училище и получив звание доктора медицины, И. Орлай работал в Генеральном Сухопутном госпитале, помощником учёного секретаря Медицинской коллегии, а с 9 марта 1800 г. гоф-хирургом императора Павла I. Научный авторитет ученого возрос с присвоением ему ученой степени мастера словесных наук и доктора философии Кенигсбергским (1806 г.) и доктора медицины Дерптским университетом (1807 г.), а также избранием членом Российской Академии наук (1817 г.) и ряда зарубежных и российских научных обществ.

В 1820-х гг. в жизни И. Орлая произошли кардинальные изменения. Обстоятельства вынудили ученого оставить Петербург и перебраться на Украину, где он сосредоточился на педагогической деятельности в качестве директора двух высших учебных заведений – Гимназии высших наук в Нежине (1821–1826) и Ришельевского лицея в Одессе (1826–1829). Именно здесь раскрылись в полной мере организаторский талант, научная эрудиция и педагогическое мастерство Ивана Семёновича.

Среди разноплановых научных интересов ученого – медицина, ботаника, орнитология, минералогия, особое место занимала история, увлечение которое появилось еще в юношеские годы.

Еще в Петербурге в журнале "Северный вестник" И. Орлай напечатал свое первое историческое исследова-

ние "История о карпато-россах..." [14]. Уже в Нежине для "Общества истории и древностей российских" была подготовлена вторая статья – "О Юго-Западной Руси" [15], в которой отстаивалась идея общего происхождения славян по обе стороны Карпатских гор. Ученый, первым в России, обратил внимание на то, что в Карпатской Руси живет восточнославянское население, по языку, культуре и религии близкое к славянским народам Российской империи. Иван Семёнович был хорошо знаком с византийскими и венгерскими источниками, трудами историков (Г. Миллер, А. Шлецер, Д. Бантыш-Каменский и др.), но не всегда разделял их взгляды. Так, прочитав "Путешествие в Молдавию, Валахию и Сербию" (М., 1810), он отмечал, что "весьма странно, что даже из новейших великороссийских писателей в издаваемых ими географиях, статистиках и путешествиях по Южной России, как-вые читать я любопытствовал, весьма многие ошибаются, наполняя Русь сию более поляками, нежели природными ее жителями – русскими" [13, с. 244]. Галицко-русские земли, на взгляд исследователя, были упущены из виду русскими учеными и они нередко описывали ее под названием Польши. В понятие "Юго-Западной Руси" Орлай включал обширную территорию, которая простиралась до Вислы и Дуная, до Черного моря, Молдавии и Валахии. В ее состав, по мнению ученого, входили Галицко-Волынское княжество и Карпатская Русь. Иван Семёнович утверждал, что вся эта территория была заселена

Иван Семенович ОРЛАЙ

(Orlay de Carva) — действительный статский советник, доктор медицины; гоф-медик; директор Нежинского Лицея кн. Безбородко, а затем Одесского Ришельевского Лицея; писатель. Воспитал целую плеяду знаменитых россиян. Был наставником Николая Гоголя и Нестора Кукольника. Профессию учителя Орлай считал самой важной, метод его воспитания был прост — любовь и уважение к ученику

русскими и что само ее название, сохранившееся в течение столетий, лучше всего свидетельствует о сопротивлении польской и венгерской экспансии. Он отмечал, что Галицкая Русь "и под польским владением удерживала имя Руси" и что в Карпатских горах по соседству с ней "... обитает 700 тысяч русских, известных под именем карпато-россами жителей, которые, несмотря на древность своего переселения, удержали доселе имя русских, или русинов – древнейшее название русского народа ..." [13, с. 245].

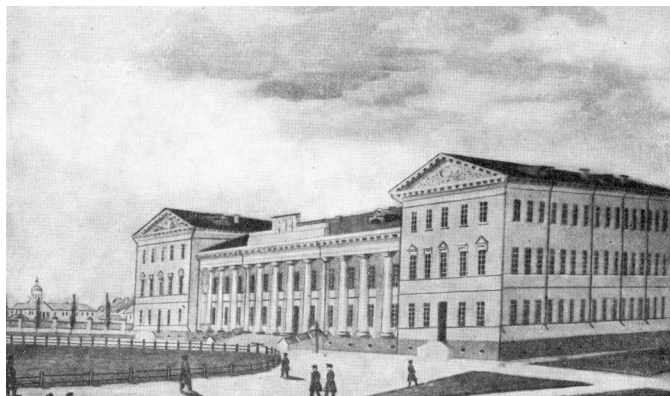
Достаточно подробно автором освещен вопрос, как русины оказались на территории Карпат. Их переселение в эти земли он связывал с продвижением угрских племен из района Урала, в западном направлении. Ученый ошибочно полагал, что славянское население Карпат впервые появилось здесь вместе с венграми во времена Арпадов. Современной наукой доказано, что часть славянских племён пришла на эти земли вместе с венграми, а часть славян заселились здесь раньше. В XI в. Карпатская Русь попала под власть венгров, но более развитый общественный строй славян повлиял на процесс их перехода к оседлости и земледелию. Анализируя этническое происхождение населения юго-западной Руси, Орлай пришел к заключению, что вся эта территория была заселена русскими. О населении Галицкой Руси он писал: "В столичном городе Галиции – Львове – имеет резиденцию митрополит Галицкий и всея Руси... Простой народ говорит по всей Галиции русским киевским наречием, а дворянство по-польски и по-немецки" [13, с. 245].

В своих сочинениях ученый оставался сторонником триединого русского народа, говорящего на разных диалектах одного языка, и желал видеть свою родину (Закарпатье – А.С.) в составе России как правопреемнице Руси. Для Орлая украинец был синонимом русского, а Украина – частью России. В целом его исследования поднесли историческую науку на новый уровень. В отличие от российских историков ученый начал использовать термин Украина, а не Малороссия. М. Карамзин пользовался "Историей о Карпато-россах..." при написании своей "Истории государства Российского". Более того, он про-

сил общего знакомого: "Скажите от меня приветливое слово г. Орлаю. Желая узнать его лично как достойного человека" [5, с. 75]. Во всех исторических сочинениях чувствуется любовь И. Орлая к своей малой родине и ее жителям.

Являясь членом ряда научных обществ, в том числе Московского общества истории и древностей российских и Казанского общества любителей словесности, Орлай вынашивал идею создания подобного общества в Нежине. В конце 1821 г., совместно с попечителем Гимназии высших наук графом А. Кешелевым-Безбородко, директор обратился к министру народного просвещения с просьбой открыть "ученое общество", "которое бы собственно занималось историческими исследованиями, к краю относящимися..." [21, с. 24], однако, 10 февраля 1822 г. Конференция учебного заведения отклонила эту идею. После этого и министр не счел целесообразным создавать общество в Нежине. Основными причинами, которые не позволили воплотить идею в жизнь, были: недостаточное количество профессоров и учителей, которые могли бы заниматься этим делом; отсутствие в гимназии необходимого количества источников по истории края [21, с. 25]. Свои мысли по этому поводу он изложил в публикации "Мнение директора Орлая об учреждении ученого общества при Гимназии высших наук кн. Безбородко в Нежине" [13]. Не получив поддержки у коллег, Орлай, который имел огромное влияние на гимназистов, привлек их к научной работе. Он часто проводил с ними беседы на исторические темы, прививая любовь к отечественной и всемирной истории, рассказывал о рукописях и книгах, которые находились в библиотеке учебного заведения. Часть рукописей, летописи "О донских казаках", "О казаках малороссийских и восемь грамот малороссийских гетманов", "Поучение митрополита Фотия, жившего в XV в.", ученый в 1824 г. отправил в распоряжение Общества истории и древностей российских. В это время было создано студенческое историческое общество под руководством старших воспитанников П. Редкина и В. Любича-Романовича. Члены общества занимались изучением источников, которые хранились в библиотеке (грамоты Константина Острожского, уставы, летописи Г. Устюга, Г. Грабянки и т.д.), переводили с французского и немецкого исторические книги, составляли рукописную всемирную историю и т.п. Директор Орлай поддерживал и поощрял стремление гимназистов к знаниям. Поэтому не выглядит странным, что многие выпускники Гимназии этого периода пробовали себя на исторической ниве и до конца жизни пронесли увлечение историей и своим руководителем.

Среди тех, кто после окончания учебного заведения с большим или меньшим успехом профессионально занимался историей, пробовал свои силы в научной или художественной трактовке исторических событий следует выделить: гениального писателя Н. Гоголя, который некоторое время занимал должность адъюнкта по кафедре

Нежинская гимназия высших наук,
Акварель О. Визеля. 30-е г. 19 в.

истории в Петербургском университете; выдающегося педагога и ученого–правоведа, профессора Московского и ректора Петербургского университетов П. Редкина; доктора исторических наук, политической экономии и статистики, профессора по кафедре общей истории, декана историко–филологического факультета, а затем ректора Харьковского университета А. Рославского–Петровского; ученого–историка, профессора Киевского университета, одного из основателей киевской археографической комиссии В. Домбровского; писателя В. Любича–Романовича, автора серии исторических и этнографических исследований, среди которых "История бывших княжеств Теребовльского и Звенигородского" и

"Обычаи, игры, пословицы и предания литовские"; дипломата и востоковеда К. Базили, написавшего капитальный труд "Сирия и Палестина под турецким правительством"; писатель Н. Кукольник и др.

Таким образом, исторические труды И. Орлая познакомили российское общество с исторической судьбой русинов и жизнью венгерского населения Закарпатья, сопутствовали возрастанию научного интереса к истории Юго–Западной Руси, а его деятельность сопутствовала развитию у молодежи исторических знаний, стремлению к исследовательской работе, воспитанию интереса и уважения к славному прошлому своего народа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Байцура Т. Закарпатоукраинская интеллигенция в России в первой половине XIX века. – Пряшев: Відділ укр. літ.; Братислава: Словац. педвидав, 1971. – 228 с.
2. Байцура Т. Иван Семенович Орлай: Жизнь и деятельность. – Пряшев: Відділ укр. літ.; Братислава: Словац. пед. изд–во, 1977. – 238 с.
3. Васильев К.К. И.С. Орлай и его интересы в области археологии // ОДОП. – 1990. – С.26–27.
4. Видатні постаті в історії України (IX–XIX ст.): Короткі біографічні нариси. Історичні та художні портрети. [Текст]: справочное издание / В.І. Гусев [та ін.]. – Київ: Вища школа, 2002. – 359 с.: іл.
5. Данилюк Д. Д., Орлай І. (1771–1829) – засновник російської історіографії Закарпаття // Данилюк, Д. Історична думка на Закарпатті епохи національного відродження (кінець XVIII – середина XIX ст.). – Ужгород: Видавничий центр ЗІППО, 2009. – С. 72–80.
6. Данилюк Д.Д. Славетний закарпатець Іван Орлай: 17 лют. – річниця з дня смерті культурно–освіт. діяча І. Орлая (1771–1829 рр.) // Панорама. 2010. – 13 лют. – С. 3.
7. Доброскок І.І. Органіційно – наукова діяльність Івана Семеновича Орлая у сфері медицини на прикінці XVIII ст. // Педагогіка, психологія та методико – біологічні проблеми. – Харків, 2006. – № 6. – С. 29–32.
8. Задорожний В.Є. Почесний член Російської Академії наук: до 200–річчя від дня народження І.С. Орлая // Український історичний журнал. – 1970. – № 6. – С. 130–131.
9. Исторический обзор сорокалетия Ришельевского лицея с 1817 по 1857 / сост. И.Г. Михневичь. – Одесса: Типография Л. Нитче, 1857. – 200 с.
10. Кукольник Н.В. И.С. Орлай // Лицей князя Безбородко. – Киев, 1859. – С. 70–80.
11. Кулжинский И. Воспоминание учителя // Москвитянин. – 1854. – № 21. – Кн. 1. –Отд. 5. – С. 1–16.
12. Матеріали по історії відродження Карпатської Русі. В 2–х ч. / Собраль І.С. Свєнцицький. – Львовь: Печатня Ставропигійського ін–та. – 1905–1909. Ч. 1: Сношення Карпатської Русі сь Росією вь 1–ой половинь XIX вька. – 1905. – 212 с.; Ч. 2: а) Карпаторусское славянофильство б) Угросское движение периода відродження. – 1909. – 159 с.
13. Мнение директора Орлая об учреждении ученого общества при Гимназии высших наук кн. Безбородко в Нежине // Известия Историко–филологического Института кн. Безбородко. – Киев, 1879. – Т.3. – Неофиц. отд. – С. 244–246.
14. Орлай И.С. История о карпато–россах или о переселении россиян в Карпатские горы и о приключениях с ними случившихся // Северный вестник. 1804. – Ч.1.
15. Орлай И. О Юго–Западной Руси (письмо из Нежина к секретарю (общества). // Труды и записки О–ва истории и древностей Российских. – 1826. – Ч. 3. – Кн. 1. – М., 1826. – С.220–228.
16. Пашаева, Нина. Карпаторусские интеллигенты в России в 1–й половине XIX века: Орлай, Балугьянский, Лодий, Кукольник, Венелин // Русин. – 2008. – № 3–4. – С. 129–140.
17. Педагогические взгляды и педагогическая деятельность И.С. Орлая: [Учеб. пособие] / Н.Б. Евтух. – Киев, 1994. – 39 с.
18. Подражанський А., Сильвай К. Іван Семенович Орлай та його лікарська діяльність у Росії // Хроніка 2000. – 2004. – № 55–56. – С. 315–323.
19. Половцов А.А. Русский биографический словарь. – СПб., 1905. – Т. 12 Обезьянов–Очкин. Ч. 20. – 771 с. – С. 309.
20. Радиш Я., Коваль М. Іван Семенович Орлай – військовий лікар і педагог. – Лікарська справа. – 1994. – № 9–12. – С. 196–198.
21. Самойленко Г.В., Самойленко О.Г. Ніжинська вища школа: сторінки історії. – Ніжин, 2005. – С.17–83.
22. Українська педагогіка в особах – XIX століття / Під редакцією О.В. Сухомлинської / навчальний посібник для студентів вищих навчальних закладів, в 2–х книгах. – Київ: Либідь, 2005. – Кн. 1. – С. 230 – 231.
23. Ярмаченко М.Д., Калениченко Н.П. Розвиток народної освіти і педагогічної думки на Україні (X – початок XX ст.). – Київ, 1991. – 381 с.

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ МОРАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ АСПЕКТОВ ВОСПИТАНИЯ ЛИЧНОГО СОСТАВА ВС СССР: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР ОТЕЧЕСТВЕННЫХ МОНОГРАФИЧЕСКИХ И ДИССЕРТАЦИОННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ISSUES STUDY PSYCHOLOGICAL ASPECTS
INDOCTRINATION USSR SUPREME SOVIET:
HISTORIOGRAPHICAL REVIEW DOMESTIC
MONOGRAPHIC AND DOCTORAL
RESEARCH

E. Shcherbakova

Master of Samara State University of Railway Engineering

International scientific-practical conference "Development of national
historical science in the XXI century", Moscow, December 21, 2012.

shcherbakova@mail.ru

Щербакова Екатерина Яковлевна
Магистрант
Самарского государственного
университета путей сообщения

Материалы международной научно-практической конферен-
ции "Развитие отечественной исторической науки в XXI веке",
г. Москва, 21 декабря 2012 года.

Изучение морально-психологического обеспечения деятельности Вооруженных сил Советского государства имеет научную и практическую значимость в настоящее время. В частности потому, что изменения военно-политической ситуации в мире, тенденции развития сил, средств и способов вооруженной борьбы, в том числе информационного и психологического характера, возвращают нас к тем временам, когда морально-психологические факторы являются определяющими не только в военное, но и в мирное время.

Практика доказала, что, руководствуясь высшими интересами России, мы обязаны иметь в Вооруженных силах эффективные органы морально-психологического обеспечения. Обстановка требует создать для этих органов мощный кадровый, интеллектуальный, технический, научно-аналитический потенциал, поднять престиж, авторитет и значимость их деятельности. В этой области наше отставание от зарубежных армий недопустимо, а, к сожалению, данные тенденции в настоящее время отслеживаются.

Следовательно, изучение исторического опыта в данной сфере приобретает особую актуальность. Даже при том условии, что качественные отличия современной Российской армии от Советской армии не вызывают сомнений.

Анализ корпуса монографий и диссертационных работ по отечественной историографии начала XXI века,

показал, что изучение проблемы, указанной в заглавии данного историографического обзора, пока что не отличается высокими количественными характеристиками. Так, из диссертационных исследований по истории исторической науки, защищенных на территории РФ в изучаемый период, менее десятка посвящены различным аспектам воспитательной работы в Вооруженных силах СССР (по данным каталога РГБ и контекстного поиска на 21.12.2012), а более чем в ста работах накопленный исторический опыт по изучению морально-психологических аспектов воспитательной работы военнослужащих рассматривается опосредованно [8].

Одной из первых крупных научных работ начала XXI века, охватывающих весь период функционирования ВС СССР, является коллективная монография по проблемам правового воспитания личного состава силовых структур Российского государства в 1918 – 2000 гг., содержащая комплексный историографический анализ предмета исследования, в контексте которого затронута тема морально-психологического воспитания военнослужащих [23]. Характерно, что один из авторов этого двухтомника, В.Я. Ефремов, в дальнейшем опубликовал еще три монографии, в которых изучение аспектов морально-психологического воспитания личного состава рассматриваются в контексте проблем деятельности властных структур по укреплению морального духа Вооруженных сил Советского государства [11, 12, 13].

Особенно следует подчеркнуть то, что все моногра-

фии, указанные выше, выполнены с позиций новых методологических подходов к изучению проблемно-тематической историографии и отражают авторское видение исторической ситуации. Видимо не случайно, например, монографии В.Я. Ефремова получили положительные рецензии в научных изданиях [24, 18].

В тоже время, в первом десятилетии нового века появились исследования, непосредственно рассматривающие проблему политического и морально-психологического воспитания личного состава ВС СССР, что подчеркивает появление научного интереса к столь актуальной в наши дни проблеме – это показано в монографии О.Н. Посвятенко.

В монографии О.Н. Посвятенко "Политическое воспитание военнослужащих Красной армии (1918–1923 гг.): исторический опыт, уроки" [22] проведен системный комплексный анализ деятельности органов государственной власти и военного управления Советского государства по политическому воспитанию военнослужащих в 1918 – 1923 гг. – в годы Гражданской войны и в период реорганизации РККА – ее перевода на мирное положение. Это историческое исследование. Но в нем имеется специальный раздел, посвященный истории изучения рассматриваемой проблемы.

Проблемы морально-психологических аспектов воспитания личного состава, рассматриваемые как составной элемент системы воспитания личного состава или ее отдельных компонентов (воинского, нравственного, правового, патриотического, интернационального, культурно-просветительного и др.) на различных этапах развития вооруженных сил Союза ССР (Гражданская война, межвоенный период, Великая отечественная война и т.д.) отражены в монографиях В.И. Голдина, Л.Н. Антипина, Г.М. Ипполитова, С.А. Филипенко, В.В. Рыбникова, А.В. Горожанина, Е.Б. Калашниковой, О.А. Бровко, А.О. Вербового, О.Н. Поповой и др. [9, 2,3,15, 25, 10, 16,17, 4,5,6, 21] Отдельные из них получили положительную оценку в ведущих рецензируемых журналах [7]. Все работы основаны на изучении широкого круга исторических и историографических источников, написаны на основе современных методологических подходов и имеют иных множество научных достоинств, но объединяет их одно – проблема изучения исторического опыта морально-психологического воспитания военнослужащих Вооруженных сил Советского государства в них рассмотрена локализовано, в рамках собственных исследовательских задач.

Характерно и то, что многие из монографий, упомянутых выше, базируются на основе одноименных диссертационных исследований, защищенных в начале XXI века, что, несомненно, является положительным явлением, позволяющим ознакомить общественность с научными результатами, полученными диссертантами [16].

Ясно, что историческая наука априори не свободна от политической конъюнктуры. Но исследования, включенные в настоящий историографический обзор, в сравнении с аналогичными работами XX века, можно считать относительно абстрагированными от политической и идеологической обстановки в стране.

Из докторских диссертационных исследований, рассматривающих проблемы воспитательной работы Вооруженных сил Советского государства на длительных исторических отрезках, необходимо отметить работы М.В. Хачатуряна, В.Я. Ефремова и Азаровой А.В.. Первый автор [26], через призму историографического осмысления проблем правового воспитания военнослужащих Советской России и СССР, затрагивает и морально-нравственные аспекты воспитания личного состава Красной Армии. Историк пытается раскрыть здесь глубокую сопряженность диалектически взаимосвязанных процессов. Однако цель исследования лишь частично коррелирует с проблемой, которой посвящен данный историографический обзор. Поэтому неудивительно, что историография морально-психологических аспектов воспитания военнослужащих в диссертации носит фрагментарный характер.

Гораздо ближе к проблеме изучения морально-психологических аспектов воспитания военнослужащих подошел второй автор. В.Я. Ефремов анализирует историю изучения проблемы морального духа Вооруженных сил Советского государства в 1918 – 1991 гг. И он в отличие от М.В. Хачатуряна раскрывает концептуальное видение темы морального духа партийно-государственным руководством Советской России и СССР. Именно здесь он затрагивает и значимость воспитания военнослужащих в контексте укрепления их морального духа [12].

Докторская диссертация А.В. Азаровой [1] посвящена проблемам изучения исторического опыта патриотического воспитания военнослужащих в СССР. Необходимо отметить, что проблемы морально-психологических аспектов воспитания рассмотрены в данной работе фрагментарно, что обусловлено выбранным автором предметом и объектом исследования.

В то же время, нельзя не заметить такого обстоятельства: подавляющая часть работ, посвященных многоаспектным проблемам историографии рассматриваемой проблемы написаны на материалах Красной (Советской) армии. Однако практически не рассматривается история вопроса на материалах Военно-морского флота.

Таким образом, историографический обзор по рассматриваемой теме дает основания для следующего заключения: несмотря на зарождение в начале XXI века тенденции повышенного научного интереса к проблемам партийно-политической работы в Вооруженных силах Советского государства (практически свернутой в пери-

од трансформационных процессов в исторической науке в 90-х гг. XX века), проблема морально-психологических аспектов воспитания военнослужащих в 1937–1941 гг.

– то научно-исследовательское поле, работа на котором только начинается, как в форме исторических, так и историографических исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азарова А.В. Патриотическое воспитание советских военнослужащих в 1918 – 1991 гг. историографическое исследование : автореферат дис. ... доктора исторических наук : 07.00.09 / Азарова Анастасия Витальевна; [Место защиты: С.–Петерб. гос. ун–т]. – Санкт–Петербург, 2011. – 40 с.
2. Антипин Л.Н. Воспитание воинов Красной Армии в межвоенный период. (1921–1941 гг.): опыт, традиции, уроки. М., 2000
3. Антипин Л.Н. Деятельность государственных органов и общественных организаций по воспитанию личного состава Красной Армии в межвоенный период (1921 – июнь 1941 гг.): опыт, тенденции, уроки: дис... докт.ист. наук. М., 2001
4. Бровко О. А. Патриотическое и интернациональное воспитание бойцов и командиров Красной армии в Гражданской войне на Юге России (февраль 1918 – ноябрь 1920): исторический опыт, уроки: Дисс. ... канд. ист. наук. – Самара, 2005
5. Бровко О.А. Патриотическое и интернациональное воспитание в годы Гражданской войны: уроки истории. М.:Ин-т экономики и антикризисного упр. 2008.
6. Вербовой А.О. Истоки победы моряков Днепровской и Дунайской военных флотилий на завершающем этапе Великой Отечественной войны: СПб., 2008.
7. Воронов В.Н., Махров А.М. "Красные орлы" против "рыцарей белой мечты": удачный компаративный анализ сложного духовного образования. Заметки на полях монографии Г.М. Ипполитова [Ипполитов Г.М. "Красные орлы" против "рыцарей белой мечты": духовная сеча. Моральный дух комбатантов в российской Гражданской войне (ноябрь 1917 – 1920 гг.): опыт компаративного анализа. Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2005. 418с.] // Известия Самарского научного центра Рос. акад. наук. Самара, 2008. Т. 10.№4. окт–дек. С. 1290–1294.
8. Галдобина С.В. Военно-патриотическое воспитание населения СССР в 1946–1991 гг. историограф. исслед: дис. ... д-ра ист. наук: СПб., 2008.
9. Голдин В. И. Россия в гражданской войне: очерки нов. историогр. (вторая половина 80–х – 90–е гг.). Архангельск, 2000.
10. Горожанин А.В., Леонов А.И. Правовое воспитание военнослужащих Красной армии в годы гражданской войны на Юге России (ноябрь 1917 – ноябрь 1920 г.): исторический опыт, уроки. Самара. 2003
11. Ефремов В. Я. Деятельность властных структур по укреплению морального духа армии (1918 – 1920 гг.): отеч. историогр. проблемы: моногр. / В. Я. Ефремов. – Самара, 2005.
12. Ефремов В. Я.. Деятельность властных структур по укреплению морального духа Вооруженных сил Советского государства (1918 – 1991 гг.): историогр. исслед. – Самара, 2007.
13. Ефремов В. Я.. Моральный дух Красной армии и проблемы его укрепления в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – май 1945 гг.): сов. и постсов. историогр. XX века: моногр. – СПб., 2006.
14. Ипполитов Г.М. "Красные орлы" против "рыцарей белой мечты": духовная сеча. Моральный дух комбатантов в российской Гражданской войне (ноябрь 1917 – декабрь 1920 гг.): опыт компаративного анализа. Самара, 2005
15. Ипполитов Г.М., Пилипенко С.А. Взгляды военно-политических лидеров и командования противоборствующих сторон в годы гражданской войны (1917 – 1920 гг.) на проблему морального духа войск и его укрепления. Ульяновск, 2002
16. Калашникова Е.Б. Идеологическая деятельность органов советской власти в войсках действующей армии (1918 – 1920 гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 2000
17. Калашникова Е.Б. Идеологической деятельности органов советской власти в частях действующей армии в годы Гражданской войны в России (1918 – 1920 гг.). СПб: Нестор, 2007.
18. Махров А. М. Актуальное историографическое исследование / А. М. Махров // Научные изыскания: сб. науч. ст. Вып. 2. – Самара, 2006. – Рец. на кн.: Ефремов В. Я. Моральный дух Красной армии и проблемы его укрепления в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – май 1945 гг.): сов. и постсов. историогр. XX века: моногр. / В. Я. Ефремов. – СПб., 2006.
19. Пилипенко С. А. Деятельность командования красных и белых войск по укреплению морального духа (нояб. 1917 – нояб. 1920 гг.): по материалам Юга России: дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2003
20. Пилипенко С. А. Деятельность командования красных и белых войск по укреплению морального духа (нояб. 1917 – нояб. 1920 гг.): по материалам Юга России: дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2003.
21. Попова О.Н. Повышение культурного уровня красноармейцев в условиях Гражданской войны и перевода РККА на мирное положение (1918–1923 гг.): монограф. исслед.. Самара: Изд-во "АсГард", 2009.
22. Посвятенко О.Н. Политическое воспитание военнослужащих Красной армии (1918–1923 гг.): исторический опыт, уроки: монография. Самара: АсГард, 2010.
23. Правовое воспитание личного состава силовых структур Российского государства: более 80 лет истории изучения (1918 – 2000 гг.): моногр.: в 2 т. / А.В. Горожанин, Г.М. Ипполитов, В.В. Рыбников, М.В. Хачатурян. – Самара, 2003.
24. Репинецкий А. И. Неординарная попытка историографического осмысления неординарной проблемы: (заметки на полях моногр. В. Я. Ефремова в жанре науч. рец.) / А. И. Репинецкий. – Рец. на кн.: Ефремов В. Я. Деятельность властных структур по укреплению морального духа армии (1918 – 1920 гг.): отеч. историогр. проблемы: моногр. / В. Я. Ефремов. – Самара, 2005 // Научные изыскания: сб. науч. ст. Вып. 1. Самара, 2005.
25. Рыбников В.В., Н.Я. Елисеева "Мы не рабы, рабы не мы". Просветительная деятельность советской власти в Красной армии в годы Гражданской войны в России (1918 – 1920 гг.): ист. опыт, уроки: моногр. Самара, 2006
26. Хачатурян М. В. Деятельность государственных органов по правовому воспитанию военнослужащих России (1918 – 2000 гг.): историогр. исслед.: дис... докт. ист. наук / М. В. Хачатурян. – М., 2002.

К ВОПРОСУ О РОЛИ ГЕНЕРАЛА М.В. АЛЕКСЕЕВА В ФОРМИРОВАНИИ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ (ноябрь 1917 - февраль 1918)

ON THE ROLE OF GENERAL
MV ALEKSEEVA IN FORMATION
VOLUNTEER ARMY

(November 1917 - February 1918)

V. Vasetskaya

Graduate student correspondence courses PGSGA, Yaroslavl

International scientific-practical conference "Development of national historical science in the XXI century", Moscow, December 21, 2012.

Vika_vasezkaja@mail.ru

Васецкая Виктория Юрьевна
Аспирант заочной
формы обучения ПГСГА,
Ярославль

Материалы международной научно-практической конференции "Развитие отечественной исторической науки в XXI веке", г.Москва, 21 декабря 2012 года.

Михаил Васильевич Алексеев (1857 – 1918) – русский генерал времен Первой мировой войны, Гражданской войны и Революции. Во время Первой мировой войны участвовал в кампаниях Юго–Западного фронта, был главнокомандующим армиями Северо–Западного фронта и впоследствии армиями Западного фронта. Свою службу в дореволюционной России Михаил Васильевич закончил в должности начальника штаба Ставки Верховного Главнокомандования/ В революционном 1917 году являлся недолгое время Верховным главнокомандующим Русской армией, после чего приступил к главному делу своей жизни – созданию Добровольческой армии, очага Белого движения на Юге России. К сожалению, генерал Алексеев не смог завершить начатое им дело и скончался в 1918 г. Сейчас его прах покоится в Белграде, в городе, куда эмигрировала его семья.

Что мы знаем о генерале Алексееве?

Чаще всего информация в литературе о нем ограничивается биографическими данными. Работы, в которых глубоко и комплексно изучена личность и деятельность генерала М.В. Алексеева, очень немногочисленны. А ведь по значимости вклада в деятельность Белого движения Михаил Васильевич не просто стоит в одном ряду с А.И. Деникиным, П.Н. Врангелем и другими генералами, о которых написаны десятки работ, но и является основателем Белого дела.

Днем создания Добровольческой армии принято считать 2 ноября 1917 года – день прибытия в Новочер-

касск генерала М.В. Алексеева. Именно тут он приступил к своему "последнему делу на земле". 2 декабря М.В. Алексеев опубликовал обращение к офицерам, в котором призывал "спасти Родину". Была создана так называемая Алексеевская организация, которая позже будет переименована в Добровольческую армию.

Михаил Васильевич
АЛЕКСЕЕВ

(1857—1918), Российский генерал от инфантерии (1914), генерал-адъютант (1914). В 1-ю мировую войну начальник штаба Юго-Западного фронта, командующий Северо-Западного фронта, с 1915 начальник штаба Ставки, в марте — мае 1917 верховный главнокомандующий. После Октябрьской революции возглавил белую Добровольческую армию.

Михаил Васильевич считал, что "оздоровление России" должно начаться с Юго-востока. "Как от масляной капли начнет распространяться пятно желаемого содержания и качества".[1, с. 38] Этому были объективные причины. На Юго-востоке находилось сосредоточение российского казачества, которое не сделало еще окончательного выбора и занимало временный нейтралитет. Генерал надеялся, если не склонить их на "белую" сторону, то хотя бы спровоцировать на защиту своих исконных земель от "красного террора". Хотя позже ход событий показал, что Михаил Васильевич сильно переоценивал потенциал Юго-Востока. Атаман Каледин предлагал генералу выбрать место для формирования своего движения вне Донской области, потому что, по его мнению, в борьбе с большевиками более эффективным было бы объявление временной независимости Дона, чтобы поднять чувство "местного патриотизма" казаков, которые в свою очередь не слишком доверяли старым вождям. Но, тем не менее, после общего собрания было решено разрешить Добровольческой армии оставаться на Дону в неприкосновенном статусе.

Генерал М.В. Алексеев горячо взялся за дело. Одна из главных проблем, стоящих перед Белым движением – финансирование и личный состав. В Петроград в одно благотворительное общество была послана условная телеграмма об отправке в Новочеркасск офицеров. На Барачной улице Новочеркаска помещение одного из лазаретов было оборудовано под офицерское общежитие, которое и стало колыбелью Добровольческой армии. Вскоре поступило и первое пожертвование – 400 руб. [2, с.220] Но трудность не менее серьезная была организационного характера. В сформированную Алексеевым организацию приходили с разных концов страны офицеры, юнкера, кадеты, и совсем не поступало солдат. Таким образом, с самого начала Добровольческая армия стала носить характер "офицерского корпуса", ополчения патриотически настроенной интеллигентной молодежи, которая была социально оторвана от народных масс.

Уже в начале декабря в Новочеркасск приехал Л.Г. Корнилов, который и стал командующим Добровольческой армии, а генерал М.В. Алексеев принял на себя хозяйственные и финансовые вопросы. Уже тогда здоровье старого генерала начало сдавать, но тем не менее Михаил Васильевич продолжал работать как и раньше, "выбивал" жалкие гроши из всевозможных источников для поддержания жизни армии. Финансовый вопрос Добровольческой армии постоянно стоял на грани катастрофы. Михаил Васильевич пытался добыть финансирование: просил, умолял, пытался взывать к патриотизму. Финансовые документы [3 с. 350] показывают, что большая часть дотаций шла из частных капиталов, но они были настолько скудны, что хватало только на самое необходимое, да и то – не всегда. М.В.Алексеев выбивался из сил, взывал к глухим, будил спящих, писал, требовал, отдавая всю свою энергию и силы своему "последнему делу на

земле".

Еще одной проблемой стало то, что М.В. Алексеев и Л.Г. Корнилов не могли открыто обратиться к русскому офицерству с приказом придти на Дон и присоединиться к Белому движению. Конечно, юридически такой приказ не имел уже силы, но моральный долг русского офицерства заставил бы многих последовать за старыми лидерами. Вместо этого офицерство довольствовалось слухами о каком-то формировании на Дону, и конечно, поток людей был скудный, отчасти, потому что путь на Дон был опасен и тяжел. А.И. Деникин вспоминает: "Они стекались – офицеры, юнкера, кадеты и очень немного старых солдат – сначала одиночно, потом целыми группами. Уходили из советских тюрем, из развалившихся войсковых частей, от большевистской "свободы" и самостийной непереносимости. Одним удавалось прорываться легко и благополучно через большевистские заградительные кордоны, другие попадали в тюрьмы, заложниками в красноармейские части, иногда... в могилу. Шли все они просто на Дон, не имея никакого представления о том, что их ожидает, – ощупью, во тьме через сплошное большевистское море – туда, где ярким маяком служили вековые традиции казачьей вольницы и имена вождей, которых народная молва упорно связывала с Доном. Приходили измученные, оборванные, голодные, но не павшие духом. Прибыл небольшой кадр Георгиевского полка из Киева, а в конце декабря и Славянский ударный полк, восстановивший здесь свое прежнее имя "Корниловский".[4, с.188]

Развитие организации затрудняло и нараставшее недовольство казаков. Только древний лозунг "С Дона выдачи нет!" до поры до времени позволял добровольцам ютиться в казачьих владениях.[1. с. 67]

Более того, Добровольческая армия была полезна казачьему правительству Дона. Так командующий Донской армией генерал-лейтенант С.В. Денисов [5. С. 87] отмечает, что Добровольческая армия оказала неоценимую боевую помощь своим пребыванием на Дону, а так же что на протяжении этого периода Белой борьбы интересы добровольцев и донского правительства полностью совпадали, а донской атаман генерал А.М. Каледин относился честно к этой организации, понимая её истинный смысл и значение для России. И генерал М.В. Алексеев искренне ценил преданность генерала А.М. Каледина. Хотя трудно представить иное отношение, учитывая, что от того, на чью сторону встанут казаки, зависела судьба новорожденной Добровольческой армии. Примечательно, что генерал-лейтенант С.В. Денисов в своём труде, перечисляя вождей Белого движения, на первое место ставит именно М.В. Алексеева и называет его "Верховным руководителем", а Л.Г. Корнилова – Командующим Армией.[5, с. 108]

В эти дни генерал Алексеев писал своим родным:

"Горсточка наших людей, не поддержанная совершенно казаками, брошенная всеми, лишенная артиллерийских снарядов, истомленная длительными боями, непогодю, морозами, по-видимому, исчерпала до конца свои силы и возможность борьбы. Если сегодня, завтра не заговорит казачья совесть, если хозяева Дона не станут на защиту своего достоинства, то мы будем разбавлены численностью хотя бы и ничтожного нравственно врага". [6, с.44] Вскоре армия решила уходить с Дона и предпринять первый серьезный поход, получивший название "ледяной".

Сохранились строки, написанные к близким, рукой вождя, генерала Алексеева, которые как будто служили ответом на мучивший многих тревожный вопрос: "... Мы уходим в степи. Можем вернуться только, если будет милость Божья. Но нужно зажечь светоч, чтобы была хоть одна светлая точка среди охватившей Россию тьмы"...[2, с.226]

В таких условиях приходилось не терять надежды, боевого духа и веры, в том числе и генералу М.В. Алексееву. Несмотря на подорванное здоровье, Михаил Васильевич всё так же пытался обеспечить армию самым необходимым, берег каждую копейку, но так же и успевал принимать участие в обсуждениях стратегических вопросов. Передвигался Михаил Васильевич на тележке и вёз с собой знаменитый "алексеевский чемодан", в котором хранилась небольшая, тощая казна Добровольческой армии (около 6 млн. руб. кредитными билетами и казначейскими обязательствами). Деньги Михаил Васильевич распределял лично. Антон Иванович Деникин вспоминает, что не раз генерал М.В. Алексеев говорил ему: "Плохо, Антон Иванович, не знаю, дотянем ли до конца похода..."[2, с. 226]

Генерал-лейтенант Африкан Петрович Богаевский, будущий атаман Всевеликого Войска Донского, в своих мемуарах отмечает, что на плечи Михаила Васильевича легли не только финансовые заботы: "Высший руководитель нашей крошечной армии, министр иностранных дел, главный казначей наших жалких средств, он пользовался общим глубоким уважением, и мы, старшие, с грустью видели, что в штабе Корнилова к нему относятся не так, как он того заслуживал... Но, как всегда скромный, он ни на что не жаловался и везде уступал Корнилову первое место".[7, с.224]

Стоит сказать, что Михаил Васильевич, несмотря на огромный военный опыт, очень тяжело переносил людские потери среди добровольцев. Многие очевидцы отмечали, что Михаил Васильевич периодически посещал обоз с ранеными и справлялся о здоровье того или иного офицера или солдата. Так же вспоминается фраза, которую сказал Михаил Васильевич на отпевании мальчиков-добровольцев, погибших в первом походе: "Я бы поставил им памятник – разоренное гнездо, в нем трупы птенцов и на нем написал "Орлята умерли, защищая родное гнездо, где же в это время были Донские орлы?" [8, с.305]

Таким образом, можно с полным правом сказать, что генерал Алексеев является крупнейшей фигурой в истории Гражданской войны. Вопрос о роли генерала в событиях данного периода заслуживает особого внимания и детального изучения, но неоспоримым является тот факт, что генерал Михаил Васильевич Алексеев стал отцом Белого дела на Юге России и принимал непосредственное участие в организации деятельности Добровольческой армии до ноября 1918 года.

ЛИТЕРАТУРА

1. Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917–1918г в 12 кн. США, 1937. Кн.2.
2. Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 3. Берлин, 1924.
3. Архив русской революции. В 22 т. Т. 5. Берлин, 1922
4. Деникин А.И. Очерки русской смуты Т. 2. Париж, 1922
5. Белая Россия. Альбом №1 составлен ген.штаба, ген-лейт. Денисовым С.В. Нью-Йорк, 1937.
6. Львов Н.Н. Белое движение. Белград, 1924.
7. Богаевский А.П. Ледяной поход. Воспоминания 1918 г. М., 1993.
8. В память 1–го Кубанского похода. Сб. под. Ред. Б.И. Казановича. Белград, 1926.

ЛИКВИДАЦИЯ БЕЗГРАМОТНОСТИ КАК ОСНОВОПОЛАГАЮЩИЙ ФАКТОР УКРЕПЛЕНИЯ ВОИНСКОЙ ДИСЦИПЛИНЫ В РЯДАХ КРАСНОЙ АРМИИ В 1920-х гг.

ERADICATION OF ILLITERACY
AS A FUNDAMENTAL FACTOR
OF STRENGTHENING MILITARY DISCIPLINE
IN THE RED ARMY IN 1920

N. Kostin

Graduate student in the department of national history and
archeology Volga State Social Humanitarian Academy

International scientific-practical conference "Development of national
historical science in the XXI century", Moscow, December 21, 2012.

foldenberg2@gmail.com

Костин Никита Владимирович

*Аспирант кафедры отечественной истории
и археологии Поволжской государственной
социально-гуманитарной академии*

Материалы международной научно-практической конферен-
ции "Развитие отечественной исторической науки в XXI веке",
г.Москва, 21 декабря 2012 года.

Одной из основных проблем, с которой в ходе укрепления воинской дисциплины столкнулось руководство страны и армии – это тотальная неграмотность и малограмотность рекрутируемого в армию личного состава. Данная проблема особенно актуализировалась с окончанием фронтовой фазы Гражданской войны. Во время боевых действий политико-моральную и дисциплинарную атмосферу в армии непосредственно определяют перманентная угроза жизни и здоровью бойца, осознание им необходимости защиты собственной страны, дома, семьи от внешней опасности. Во время ведения непосредственных боевых действий в армии также усиливается репрессивный аппарат, сводя к самым минимальным срокам разбирательство и наказание по дисциплинарным проступкам. Совсем иная ситуация складывается в мирное время. На первое место в воспитательной и дисциплинарной работе с военнослужащими выходит необходимость разъяснения им сути военной службы, точности исполнения приказов и обязательности соблюдения правил и ритуалов, сложившихся в армии. Массовая безграмотность призывников является основным барьером в осуществлении этих мероприятий.

В целом ликвидация безграмотности в масштабе всей страны началась еще в 1918 г. [36] К моменту окончания Гражданской войны, по сути, в стране уже начала складываться комплексная образовательная система. Согласно опубликованным данным, в 1920 г., в целом по стране, было обучено грамоте 3 млн. человек, за это же время подготовлено 200 тыс. учителей-ликвидаторов

неграмотности, напечатано до 10 млн. экземпляров букварей на разных языках народов РСФСР, разрезных азбук, учебников математики – до 1500 тыс. и примерно столько же книг для формирования политической грамотности [9].

Отметим, что основные формы и методы повышения культурного и общеобразовательного уровня гражданского населения, разработанные большевистским руководством страны, нашли применение и среди личного состава Красной армии, но, естественно, надлежащим образом откорректированные в соответствии с военными Уставами. Неграмотного призывника вначале направляли учиться грамоте, и только потом он включался в повседневную армейскую жизнь. Для намеченной цели в Красной армии были организованы курсы по повышению грамотности и школы для ликвидации безграмотности.

В 1920-х гг. подавляющую часть армейского пополнения составляли крестьяне. В монографии Н.В. Тарховой, указано, что на протяжении всех 1920-х гг. Красная армия по своему социальному составу была в основном укомплектована выходцами из крестьянской среды.[38] Многие из призванных крестьян, попав под мобилизацию Первой мировой и Гражданской войн, не смогли получить даже элементарного образования на уровне начальной школы. К этому фактору присовокуплялись патриархальность и замкнутость крестьянского быта, не позволяющая полноценно обучаться и развивать полученные на-

выки. Поэтому оказавшись в армии, новобранец из деревни не имел возможности участвовать в жизни армии, впитывать необходимые как для мирного, так и для военного времени знания.

В документах того периода отмечается, что еще в середине 1920-х гг. в стране наблюдалась "ужасающая безграмотность среди новых слоев молодежи"[8], потенциальных призывников в ряды Красной армии. При обследовании одной из воинских частей выяснилось, что 90 % опрошенных призывников из крестьян до армии не читали ни одной книги или газеты.[1] В 1923–1925 гг. агитпропотдел ПУРа проводил сравнительное исследование уровня повседневной (разговорной) речи красноармейца, политрука и речи периодической печати. В результате был выявлен большой процент слов, употребляемых политруком, а зачастую и непосредственно командиром, которые в силу своей малообразованности или необразованности красноармеец – новобранец понимает либо неверно, либо не понимает совсем. Многие новобранцы не знали, не только значения словосочетаний "Февральская революция", "Октябрьская революция", но и не понимали значения этих явлений в жизни страны, имели смутное представление о партии и комсомоле как организациях в целом [39] и т.д.

Таким образом, проведение политики по ликвидации безграмотности можно назвать инфраструктурной составляющей организации военной системы в условиях пополнения армии солдатами срочной службы. Поскольку неграмотный боец не только не осваивает необходимый минимум специфический боевых знаний, но и не может полноценно усвоить базовые уставы несения боевой службы, определяющие правовую атмосферу в армии, являющейся фундаментом прочной дисциплины.

Созданная в 1918 г. Рабоче-крестьянская Красная армия декларировалась как армия нового типа. Как писал в своих воспоминаниях Л.Д. Троцкий: "У нас дело шло о том, чтобы смести начисто остатки старой армии и на ее месте строить под огнем новую, схемы которой нельзя было пока еще найти ни в одной книге"[10]. Официально в РККА использовался принципиально иной подход к формированию морально-нравственной атмосферы в армии, нежели в дореволюционной армии. Как показывает анализ источников, основная ставка в мотивации бойца к несению воинской службы и выполнению непосредственных приказаний делалась на воспитательную и пропагандистскую работу с личным составом.

Очевидно, что в 1920-х гг. под руководством государственных политорганов, армейских партийных организаций был взят курс на формирование систематической культурно-просветительской работы среди красноармейцев, являвшихся одним из основных методов укрепления дисциплины в рядах Красной армии. Налаживание культурно-просветительской работы также предпо-

лагало повышение культурного уровня красноармейца и оказывало положительное влияние на организацию досуга красноармейца, что в свою очередь, безусловно, помогало формированию дисциплинарной политики в армии. В целях интенсификации этой работы партия взяла ориентацию на организацию особой схемы действий, используя все имеющиеся в армии возможности.

Так, например, в начале 1920-х гг. использовалась сложившаяся еще в 1918 г. схема организации культурно-просветительского дела в красноармейских частях, находящихся на фронте, состоящая из культурно-просветительских комиссий, красноармейских клубов, библиотек, читален [7, 35, 41].

По сути, культурно-просветительские комиссии ротного, полкового, батальонного уровня являлись во время Гражданской войны исполнительными органами по осуществлению культурно-просветительской работы. С окончанием активной фазы Гражданской войны эта схема продолжала действовать и в армиях казарменного базирования. Так Указом РВСР № 2572 от 16 ноября 1921 г. политико-просветительские комиссии были учреждены во всех частях Красной Армии и Флота. Им было предписано: а) проведение в жизнь мероприятий по организации и усилению политпросветработы; б) ведение учета неграмотных красноармейцев, и искоренений безграмотности; в) проведение с красноармейцами лекций и бесед по актуальным политическим и житейским вопросам, организация прочтения художественной и научной литературы, приучение к систематическому чтению книг [30].

Работа данных комиссий с целью активизации и улучшения уровня грамотности личного состава постоянно обсуждалась и корректировалась: для обсуждения текущей работы два раза в месяц проводились гарнизонные совещания. На данные комиссии было также возложено открытие общеобразовательных курсов для красноармейцев и "школ повышенного типа", организация лекций для повышения общеобразовательного уровня личного состава армии и передвижных библиотек и читален, снабжение литературой, агитационными материалами, ведение работы по организации культурного досуга: создание красноармейских клубов и секций [39].

В начале 1920-х годов, помимо культурно-просветительских комиссий, организацией школ грамотности, библиотек, читален, клубов, а также распределением периодических изданий занимались также политотделы дивизий. При них же организовывались школьные секции. По данным архивных документов, на эти секции возлагался процесс "проведения в жизнь всеобщего обучения; организация школ грамотности, передвижных музеев и курсов, в том числе для подготовки учителей в красноармейские школы" [24]. Для более четкой организации работы

в рядах Красной армии в соответствии с Положением о политических отделах дивизий от 22 января 1920 г. просветительное отделение было разделено на школьно-библиотечную и клубную секции [22]. Для каждого из подразделений определялся свой объем работы и свои направления действий.

За период 1920–1923х гг. данный разнобой и дублирование функций в области политико-просветительной работы в частях ликвидируется. Культурно-просветительные комиссии, сыгравшие большую роль в политическом просвещении красноармейцев в годы Гражданской войны ликвидируются.

Безусловно, процесс ликвидации безграмотности проводился под пристальным наблюдением партийных организаций и был насыщен пропагандой коммунистических идей. Так, в резолюции I Всероссийского съезда работников по ликвидации безграмотности от 27 февраля 1922 г. особо подчеркивалось: "Ликвидация неграмотности являлась базисом политико-просветительной работы и поэтому должна протекать в теснейшей связи с деятельностью политпросветов, профессиональными организациями и быть насыщена политико-экономическим и производственно-пропагандистским содержанием" [12].

Основными направлениями общеобразовательной подготовки в Красной армии в 1920-х гг. были определены [7]:

1) поиск оптимального количества учебных заведений, необходимого для охвата обучением всех военнослужащих;

2) становление постоянного военного штата педагогических кадров;

3) становление и развитие комплексной системы обучения, включавшую в себя общеобразовательную, профессиональную, военную, моральную, дисциплинарную и политическую подготовку личного состава красноармейцев.

Организуемые в армии школы делились на две ступени: для неграмотных и обладающих начальным уровнем грамотности соответственно. Для каждой ступени создавались группы, которые в свою очередь делились на отделения с таким расчетом, чтобы в отделении было не более 10–15 обучающихся грамоте либо повышающих свой уровень грамотности. Организация обучения проводилась в каждой роте. Ротные школы соединялись в батальонные и полковые, если позволяли местные условия. Во главе школы образовывался школьный совет, состоящий из 3-х человек: по одному представителю от обучающихся, учащихся и представителя школьных секций культурно-просветительных комиссий [25]. Приложенная к

этому положению "Инструкция об учреждении школ грамоты" регламентировала программы для таких школ по русскому языку, литературе, математике, истории и географии. Например, в основу методики преподавания литературы "во главу угла должны быть положены чтение художественного текста, изучение критической литературы и художественно-идейный анализ классических произведений родной литературы, подобранных соответственно интересам трудовых слушателей" [13]. В соответствии с данными требованиями программа по литературе разбивалась на разделы: "Рабочий вопрос в литературе", "Крестьянский вопрос", "Русская интеллигенция", "Чиновничество" и т.п.[39].

В связи с масштабностью проводимой работы по ликвидации безграмотности, а также острую нехватку подготовленных специалистов Реввоенсоветом Республики был принят приказ от 12 июня 1920 г. за № 1046 об открытии при окружных Политпросветуправлениях краткосрочных курсов по подготовке преподавателей для школ грамотности в красноармейских частях [27]. Кроме того Приказом Реввоенсовета Республики от 19 мая 1921 г. в военных округах были организованы двухмесячные курсы по подготовке лекторов-методистов по ликвидации неграмотности [34]. В конце 1921 г. в штате партийно-политического аппарата полка учреждается должность учителя и вводятся правила по организации борьбы с безграмотностью в частях Красной армии [7].

В целях дальнейшего усиления руководства делом ликвидации безграмотности в Красной армии в июле 1920 г. Революционным военным советом республики при Просветительном отделе была учреждена также "Центральная комиссия по ликвидации неграмотности в Красной армии и флоте (ЦЕЛИПНЕГРАМ)" [14]. В круг основных ее обязанностей входило, в том числе, и распределение учебных пособий. В это же время Реввоенсоветом задекларировано также новое "Положение об общеобразовательных школах в Красной армии и флоте" [33]. Согласно этому положению, основными задачами общеобразовательных школ, помимо повышения общекультурного уровня красноармейцев, были определены: а) формирование у красноармейцев осознания роли и значения Красной армии в военно-политическом, хозяйственно-экономическом и культурном развитии страны; б) формирование теоретических знаний и практических навыков, жизненно необходимых для активного участия в общественной жизни и хозяйственном строительстве страны; в) привитие любви к чтению, потребности в книге, стремление к самообразованию. Благодаря принятым мерам, ход кампании по ликвидации безграмотности значительно ускорился, что помогло добиться значительных и эффективных результатов. Несмотря на это, в отчете о деятельности Политуправления Республики за 1920 г., отмечалось, что снабжение школ и курсов учебными пособиями организовано неудовлетворительно по

причине отсутствия у Центральной комиссии по ликвидации неграмотности возможности самостоятельно издавать потребные учебники. Из фонда Всероссийской чрезвычайной комиссии по ликвидации неграмотности Наркомпроса "удалось достать лишь 100 000 букварей, кои и распределены" [12].

Особое значение для армейских учебных заведений приобрело "Положение о главном начальнике военно-учебных заведений", введенное приказом РВСР от 7 октября 1921 г. Данным Положением определялся круг обязанностей данного должностного лица, куда включалась и рекомендация по наблюдению за тем, чтобы "нравственное воспитание в Военно-учебных заведениях было поставлено на соответствующую высоту" [18], а в приказе Председателя Революционного военного совета республики № 275 от 5 ноября 1922 г. "О ликвидации неграмотности" на него возлагалась также персональная ответственность за состояние грамотности в части [39].

Отметим, что если к февралю 1919 г. в Советской республике насчитывалось: 63 военно-учебных заведения (в Москве 27); то в октябре 1920 г. уже 153 военно-учебных заведения Главного управления военных учебных заведений [3], еще через два года их насчитывалось уже 217 [17]. Однако начавшаяся демобилизация и сокращение армии привели к тому, что данное количество школ и курсов стало превышать реальные потребности армии и флота. Возникла потребность в резком сокращении учебных заведений. К октябрю 1923 г. их количество составляло 78 (без военных академий) [20]. Сеть военных школ, готовивших командный состав среднего звена, насчитывала 64 военных учебных заведения [4].

Итоги демобилизации и, как следствие, сокращение общего числа школ, однако, не повлияло на функционирование школ, направленных на ликвидацию безграмотности. По сведениям, имеющимся в документах фонда Управления делами Революционного военного совета республики, в феврале 1920 г. в Красной армии функционировало около 1600 школ грамоты [19]. К концу 1920 г. в Красной армии было обучено грамоте 100 тыс. человек [11]. В апреле 1921 г. их в армии насчитывалось 2944 школы для неграмотных, с числом обучающихся 29 413 человек [37] и 433 школы для малограмотных, в которых обучалось 9783 человек [39]. Для непосредственного руководства всей политико-воспитательной работой в Красной армии приказом Реввоенсовета Республики от 11 июля 1921 г. была создана военная секция Главполитпросвета [32]. В состав секции входило Военное бюро, которое и возглавило работу по ликвидации неграмотности в армии [7]. В этом же году Военное бюро было переименовано в Школьное отделение [39], которое осуществляло следующие мероприятия: 1) проведение и учет работы по ликвидации неграмотности в Красной армии, в том числе и налаживание тесной связи с ча-

стями и соединениями и оказание им помощи в данном направлении их деятельности; 2) организация курсов для инструкторов и других работников, занимающихся ликвидацией неграмотности в Красной армии; 3) инспектирование местных органов и контроль за их деятельностью в той части их работы, которая связана с ликвидацией неграмотности в Красной армии [39].

В связи с тем, что распыленность неграмотных и малограмотных по различным армейским и флотским подразделениям тормозила общеобразовательную подготовку, Реввоенсовет потребовал всех неграмотных объединить в особые школьные роты, эскадроны, команды [7]. Срок обучения для неграмотных устанавливался в 3 месяца, для малограмотных – 6 недель. В конце срока обучения красноармейцы сдавали экзамены, результаты которых объявлялись в приказах по частям. Служащим, не выдержавшим экзамен, предоставлялся месяц на дополнительное обучение [7]. Командирами этих подразделений назначались лица, имеющие навыки в обучении красноармейцев. Такие подразделения на время обучения освобождались от всех внешних нарядов.

О выходе процесса ликвидации безграмотности на качественно новый уровень свидетельствует постепенное усложнение программы обучения в школах грамотности. Приказом Политуправления РВСР от 28 февраля 1922 г. были утверждены новые учебные планы и программы для школ грамоты Красной армии [39]. Для неграмотных военнослужащих было предписано усвоение следующих дисциплин в указанных объемах: русский или родной язык – 72 часа; математика – 24; политграмота – 12 часов. Для малограмотных: русский или родной язык – 36 часов; математика – 24; география – 18; политграмота – 18; сельскохозяйственная грамота – 12 часов.

В 1922 г. была разработана временная (переходная) программа курса красноармейской школы, рассчитанная на три месяца. Согласно этой программе для школ 1–й ступени для освоения письма и чтения отводилось 6 уроков в неделю. Практиковались постепенное знакомство с русской азбукой, последовательный переход к более трудным для чтения элементам слова. При первой же возможности рекомендовалось переходить к самостоятельным работам (написанию собственных имен, фамилий, простых по структуре сочинений), заучиваниям наизусть стихов, прозы, разбору литературных произведений Кольцова, Пушкина, Толстого и ряда других авторов-классиков. Отмечалась необходимость проведения бесед с учащимися о науке литературе и их значении. Программа содержала также планы по арифметике, природоведению, географии и истории культуры [26].

Всего за 1922 г. по этой программе было обучено 82 тыс. человек и 5 027 человек повысили свою грамотность [15].

В последующие годы борьба с безграмотностью приобрела все более систематичный, организованный и планомерный характер. Безграмотных начинают отбирать еще на призывных пунктах военкоматов, в то время как в частях продолжает готовиться необходимая база для их обучения. Так 20 ноября 1923 г. Реввоенсовет СССР издал приказ о запрещении откомандирования в части неграмотных красноармейцев до истечения трехмесячного срока пребывания их в школах грамоты [7]. Благодаря этому приказу только в 1923 г. в учебных командах ликвидировали свою неграмотность 38 495 человек и малограмотность – 15 546 человек [28].

Система работы по ликвидации безграмотности в рядах Красной Армии может быть признана довольно эффективной, однако аналогичная работа, проводимая с гражданским населением в целом по стране отставала по темпам и систематичности армейской. Данный фактор проявился в поступающем в Красную армию пополнении, которое в основном продолжало оставаться безграмотным. Так, среди призванных в армию в 1922 – 1924 гг. безграмотных было 20 % [2]. Учитывая данные обстоятельства, 8 августа 1924 г. ЦИК и СНК СССР приняли постановление "О ликвидации неграмотности среди терчастей"[39]. В постановлении, в частности, говорилось, что ликвидацию неграмотности среди допризывников и красноармейцев переменного состава терчастей необходимо проводить в ударном порядке с таким расчетом, чтобы к 1927 г. допризывники были поголовно грамотными. Ликвидация неграмотности допризывников рассматривалась как составная часть прохождения военного обучения. Контроль за ликвидацией неграмотности среди допризывников возлагался на органы Наркомпроса и военкоматы.

Темпы ликвидации неграмотности возрастали и с лета 1924 г. Красная армия в целях улучшения общеобразовательной подготовки делает установку не только на обучение неграмотных призывников, но и на повышение общеобразовательной подготовки всего личного состава. Это потребовало увеличения количества учителей, повышения качества их подготовки. Учитывая осознание партией большевиков важности политической составляющей процесса ликвидации безграмотности, как среди гражданского населения, так и в среде служащих Красной армии, к процессу обучения в армейских рядах активно привлекались политические органы Красной армии. В апреле 1924 г. Политуправление РККА утвердило "Положение о политическом аппарате полка", согласно которому политработникам вменялось в обязанность проводить общеобразовательные занятия с красноармейцами. Обучающий аппарат полка определялся в составе: заведующего общеобразовательной работой, одного старшего и одного младшего учителя (все по вольному найму) [12]. Кроме того, приказом Реввоенсовета

СССР от 30 июля 1925г [31]. командирам частей разрешалось назначать двух помощников учителей из числа грамотных красноармейцев.

Состоявшийся в ноябре–декабре 1924г. пленум РВС СССР, на котором обсуждалось положение дел в просветительной политике в связи с военной реформой, в своем постановлении указал на необходимость разработки целостного плана обучения красноармейцев на протяжении всего срока их службы [5].

Руководствуясь указаниями пленума РВС СССР от 1 декабря 1924г., Центральное военное управление работало и ввело в действие в 1925г. "Нормальный план обучения войск в кадровых и территориальных частях" [16], рассчитанный на весь срок пребывания красноармейца в части. Данный план был ориентирован как на безграмотных призывников, так и на подготовку бойцов, обладающих навыками грамотности.

Для кадровых частей, где срок обучения красноармейца составлял два года, план определял следующие основные образовательные цели: за первый год обучения красноармеец должен сформироваться окончательно как индивидуально подготовленный боец–специалист в масштабе всех специальностей своего отделения (расчета, группы) глубоко освоивший материальную техническую часть, состоящую на вооружении взвода.

К концу второго года обучения красноармеец должен быть окончательно сформирован как дисциплинированный боец–специалист функциями взаимозаменяемости в масштабе всех специальностей, входящих в состав взвода, т.е. бойца, который мог бы быть уволен в запас в качестве младшего командира (командира отделения).

Обучение в кадровых стрелковых частях осуществлялось на принципах цикличности. Первый год обучения рядового состава делился на зимний и летний периоды, которые, в свою очередь, были разделены на ступени обучения.

Первая ступень зимнего периода охватывала время с 15 ноября по 1 января. Задачей обучения на этой ступени являлась общая военная подготовка бойца.

Вторая ступень зимнего периода охватывала время с 1 января по 1 мая. Задачей обучения на этой ступени являлось воспитание бойца–специалиста в масштабе специальностей своего отделения.

Время с 1 по 15 мая отводилось подготовке и выводу личного состава в полевой лагерь, созданию и "сколочиванию" частей.

Первая ступень летнего периода первого года обучения охватывала время с 15 мая по 1 августа. Главной за-

дачей этой ступени обучения являлась подготовка частей и подразделений до стрелковой роты, частично, батальона включительно.

Вторая ступень летнего периода обучения охватывала время с 1 августа до конца учебного года – время проведения подвижных сборов и маневров. Главная задача этого периода – подготовка войсковых соединений из всех родов войск к совместным оперативным действиям.

В конце первого года обучения красноармеец, прошедший весь курс по программе всех ступеней зимнего и летнего периода обучения, переходил в категорию старослужащих.

Второй год делился также на два периода обучения: зимний и летний. Главной задачей второго года обучения было расширение профессионального кругозора обучаемых и приобретение навыков красноармейца-старослужащего.

В зимний период обучение старослужащих должно было проводиться отдельно от молодых красноармейцев (первогодков). Целью данного периода обучения старослужащих являлась подготовка из них заместителя командира отделения на принципе взаимозаменяемости в масштабе всех специальностей, входящих в состав взвода.

Летний период второго года обучения являлся для старослужащего школой командования, подготовкой к обязанностям командира отделения запаса.

Разработанный Центральным военным управлением и введенный в действие в 1925 г. "Нормальный план" и кругооборот учебной работы в территориальных частях детально предусматривал увязку во времени всех элементов обучения – допризывной подготовки, первый год обучения призывников, работы в период сборов и между сборами.

Приказом ПУ РККА № 64 от 9 января 1925г [21] неграмотные выделялись в ротах в отдельные группы, и их обучение проводилось по особому варианту двухлетней программы. Малограмотные также обучались в порядке особой образовательной системы на политзанятиях, позволяющей компенсировать их малограмотность. Дополнительные занятия с неграмотными, а также малограмотными проводились в режиме внешкольной работы, в специально организованных вечерних школах.

Не смотря на то, что в целом по стране ликвидация неграмотности имела определенные крупные успехи, некоторая часть неграмотных призывников все же продолжала поступать на службу в Красную армию. Так, среди призванных в армию в 1922–1924 гг. неграмотных было

20 %, в 1926 г. – 8,4 % [2], в 1928 г. – 6,9 % [23]. Испытывая потребность в разгрузке армии от работы среди неграмотных, ЦК ВКП (б) 6 мая 1927 г. принял постановление "О работе с допризывниками и переменным составом терчастей" [6]. Этим постановлением ответственность за обучение допризывников грамоте возлагалась на органы народного образования и политорганы Красной армии.

Принятое в сентябре 1927 г.совместное постановление Наркомпроса и Реввоенсовета СССР, "О работе по ликвидации неграмотности среди допризывников и переменного состава" [39] определяло пути решения возникшей проблемы и предписывало следующий порядок обучения грамоте переменного состава Красной армии:

1. Организация обучения новобранцев, в период сборов. Ответственность за организацию учебного процесса возлагалась на командование и политорганы территориальных войск.
2. Организация обучения между сборами переменного состава. Ответственность за обучение возлагалась на органы народного просвещения при содействии войсковых частей.

С конца 1920–х гг. начинается процесс постепенного уменьшения количества общеобразовательных занятий, с одновременным количественным увеличением занятий по боевой и политической подготовке.

С ноября 1928 г. общеобразовательная подготовка в Красной армии из обязательной превращается в добровольную. Общеобразовательное школьное обучение как обязательный фактор было выведено из системы боевой и политической подготовки, т.е. занятия стали проводиться в вечернее время. В ноябре 1928 г. стали создаваться вечерние общеобразовательные школы. Они учреждались при клубах частей и имели годичный срок обучения. С молодыми красноармейцами занятия проводились с 15 декабря по 1 мая (19 недель по два дня в неделю), с красноармейцами второго года службы с 1 октября по 1 мая (30 недель по два занятия в неделю). В дни занятий обучаемые освобождались от нарядов. Кроме школ, в подразделениях продолжали работать общеобразовательные кружки.

Однако окончательная ликвидация безграмотности в целом по стране по стране и в армии, в частности, связана с решениями XVI съезда ВКП (б), на котором было принято решение о введении всеобщего обязательного начального образования [8].

Очевидно, что Красная армия сыграла свою значительную роль в деле ликвидации безграмотности. Определив в качестве основной задачи формирование у призывников необходимого набора качеств и функциональ-

ного инструментария для освоения уставов и нормативных актов и создание базиса, необходимого для дальнейшего обучения в боевой и политической подготовке, органы Красной армии на протяжении 1920-х гг. создали комплексную систему общеобразовательной подготовки. Для наглядности приведем некоторые итоги борьбы с неграмотностью в Красной армии с 1920 по 1928 г.[40] (см.: табл. 1)

Таблица 1

Некоторые итоги борьбы с неграмотностью в Красной армии с 1920 по 1928 г.

Год	Число обученных	Год	Число обученных
1920	100 000	1925	32 000
1921	120 000	1926	36 000
1922	82 000	1927	22 000
1923	40 000	1928	34 000
1924	29 000		

Данные таблицы показывают, что борьба с неграмотностью в Красной армии имела систематический, постоянный непрерывный характер. Даже после демобилизации и десятикратного сокращения армии к 1923 г. ежегодно число обученных грамоте оставалось высоким. В итоге за период с 1920 по 1928 г. в рядах Красной армии было обучено грамоте 495 тыс. человек. Кроме того, по неполным данным, ежегодно 15–20 тыс. человек повышали уровень грамотности и до 80 тыс. человек ликвидировали свою неграмотность, находясь в территориальных частях [39].

Таким образом, можно утверждать, что на протяжении всех 1920-х гг. государственная и военная организация создали и развивали систему массового образования. Наиболее форсированной она была в рядах РККА, ввиду необходимости скорейшего создания и модернизации Красной армии в условиях мирного времени. Не смотря на все экономические и политические трудности, с которыми столкнулась армия в 1920-е гг., ликвидация неграмотности шла непрерывно на протяжении всего указанного периода.

Данный процесс осуществлялся в рамках партийно-политической работы в армии по укреплению дисциплины, являя собой тот необходимый базис, который позволял выстраивать в дальнейшем систему партийно-политического воспитания личного состава.

В течение 1920-х гг. происходила постоянная оптимизация количества образовательных учреждений, адаптации образовательных программ к текущему историческому моменту, а также поиск оптимальных форм подачи материала для лучшего его усвоения. Начавшаяся в 1924 г. Военная реформа не изменила сути образовательной системы, она приняла разные формы для кадровых и территориальных войск.

Начиная со второй половины 1920-х гг. в связи с определенными успехами в развитии общего уровня грамотности населения, происходит постепенное сокращение общеобразовательных часов и увеличение специфических армейских занятий, в том числе и занятий, направленных на улучшение дисциплинарной атмосферы в армии. Начиная с 1928 г. общеобразовательная подготовка из обязательной становится добровольной. Это говорит о том, что вновь набираемое пополнение соответствовало минимальным требованиям, позволяющим полноценно реализовывать партийно-политическую работу по укреплению дисциплины в рядах Красной армии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алякрицкий Ю. и др. Командир – политический воспитатель. М., 1925, с. 50.
2. Беджанян Р.М. Коммунистическая партия – организатор активного участия Красной армии в социалистическом строительстве (1918–1921 гг.). М., 1969, с. 51.
3. Бриттов, В.В. Рождение Красной армии / В.В. Бриттов. – М., 1961. – с. 174.
4. Ворошилов, К.Е. Оборона СССР / К.Е. Ворошилов. – М., 1927. – с. 141.
5. Всесоюзное совещание начпуков, начпуфлотов, военкоров, военкомдивов и начподивов 17–22 ноября
6. Калашников Г. Ликвидация неграмотности среди допризывников: Сб. материалов. М.; Л., 1927, с. 40–41.
7. Клочков, В.Ф. Красная армия – школа коммунистического воспитания советских воинов 1918–1941 / В.Ф. Клочков. – М., 1984. – С. 141.
8. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1971). – 8-е изд. – Т. 3. – М., 1970, с. 287.
9. Культурное строительство в РСФСР, документы и материалы / сост.: Л. И. Давыдова и др. – М.: Советская Россия, 1983. – Т.1, ч.2. – с. 105.
10. Л.Д. Троцкий. Моя жизнь. Опыт автобиографии. Глава XXX. В Москве // <http://www.magister.msk.ru> URL: <http://www.magister.msk.ru/library/trotsky/troti026.htm> (дата обращения: 17.11.2012).

11. Партийно-политическая работа в Вооруженных силах СССР (1918–1973 гг.): Ист. Очерк. – М., 1974. – С. 55.
12. Партийно-политическая работа в Красной Армии (1921–1929 гг.): Документы. М., 1981, с. 202.
13. Партийно-политическая работа в Красной армии (апрель 1918 – февраль 1919 гг.): Документы. – М., 1961. – с. 71.
14. Партийно-политическая работа в Красной армии (март 1919 – 1920 гг.). Документы. – М., 1964. – с. 106.
15. Правда. – 1923. – № 116. – 27 мая.
16. РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 174. Л. 3–29.
17. РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 32. Л. 75.
18. РГВА. Ф. 4. Оп. 15а. Д. 97. Л. 335.
19. РГВА. Ф. 4. Оп. 2. Д. 224. Л. 151.
20. РГВА. Ф. 4. Оп. 3. Д. 2286. Л. 43.
21. РГВА. Ф. 4. Оп. 3. Д. 2580, Л. 245
22. РГВА. Ф. 4. Оп. 3. Д. 61. Л. 53об–55.
23. РГВА. Ф. 9. Оп. 11. Д. 174. Л. 90.
24. РГВА. Ф. 9. Оп. 12. Д. 3. Л. 16.
25. РГВА. Ф. 9. Оп. 12. Д. 3. Л. 2.
26. РГВА. Ф. 9. Оп. 12. Д. 3. Л. 33.
27. РГВА. Ф. 9. Оп. 12. Д. 3. Л. 9.
28. РГВА. Ф. 9. Оп. 26. Д. 124. Л. 5.
29. РГВА. Ф. 9. Оп. 26. Д. 447. Л. 41.
30. РГВА. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1. Л. 385
31. Сборник приказов РВСР за 1925 г., 1925, № 791.
32. Сборник приказов РВСР за 1921 г., 1921, № 1231.
33. Сборник приказов РВСР за 1921 г., 1921, № 2915.
34. Сборник приказов РВСР за 1921., 1921, № 1076.
35. Вырвич А. Красная Армия в борьбе с неграмотностью / А. Вырвич. – М., 1925. – 77с.
36. Королев Ф.Ф. Очерки по истории советской школы и педагогики, 1917–1920. – М.: Изд-во АПН РСФСР, 1958.
37. Политработник. – 1921. – № 8/10. – с. 52.
38. Тархова Н. С. Красная армия и сталинская коллективизация. 1928–1933 гг. / Н.С. Тархова – М.: РОССПЭН; Фонд Б. Н. Ельцина, 2010
39. Сувениров, О.Ф. Коммунистическая партия – организатор политического воспитания Крас-ной Армии и Флота. 1921 – 1928 гг / О.Ф. Сувениров. – М.: Наука, 1976. – с. 203.
40. Х лет Красной Армии: Альбом диаграмм, с. 60
41. Попова, О.Н. Повышение культурного уровня красноармейцев в условиях Гражданской войны и перевода РККА на мирное положение (1918–1923 гг.): ист. исслед. / О.Н. Попова. – Самара, 2009. – 250 с.

© Н.В. Костин, (foldenberg2@gmail.com), Журнал «Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики»,

ИЗ ИСТОРИИ СТРОИТЕЛЬСТВА ПОЛИТОРГАНОВ И ОРГАНИЗАЦИЙ РКП (б) В КРАСНОЙ АРМИИ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (1918 - 1920 гг.)

HISTORY OF CONSTRUCTION POLITICAL
ORGANS AND ORGANIZATION OF THE RCP
(B) IN THE RED ARMY DURING THE CIVIL
WAR (1918 - 1920)

V. Semykin

Applicant of the national history and archeology,
Volga State Social Humanitarian Academy

International scientific-practical conference "Development of national
historical science in the XXI century", Moscow, December 21, 2012.

mar1955@mail.ru

Семькин Виктор Анатольевич

*Соискатель кафедры
отечественной истории и археологии,
Поволжской государственной
социально-гуманитарной академии*

Материалы международной научно-практической конферен-
ции "Развитие отечественной исторической науки в XXI веке",
г.Москва, 21 декабря 2012 года.

Партийно-политическая работа в Красной армии в период российской Гражданской войны как система мероприятий по реализации политики правившей в Советской России Российской коммунистической партии (большевиков) в РККА – уникальное историческое явление [1]. Оно развивалась в рамках системы, созданной усилиями властных партийных и государственных структур Советской России. Данная система являлась сложной, включавшей в себя ряд подсистем. Причем, сама она при этом одновременно входила в более крупную систему военного строительства молодого Советского государства, что убедительно доказано, в первую очередь, в советской историографии [23], а также и в современной исторической науке [24].

При этом необходимо подчеркнуть, что жизнеспособность системы партийно-политической работа в Красной армии в период российской Гражданской войны во многом стала возможной потому, что данная система имела жесткую внутреннюю структуру, ставшую ее ядром, что, в принципе и должно было случиться [25]. Но особенно этому способствовало то, что в Советском государстве достигла исключительно высокого уровня централизация властных полномочий. Особенно после того, когда в соответствии с постановлением ВЦИК от 2 сентября 1918 г., когда страна была превращена в единый военный лагерь [5]. Причем правившая в стране большевистская партия установила полнейший контроль за всеми сферами функционирования социума в рамках политики военного коммунизма. Не случайно же В.И. Ленин

охарактеризовал ЦК РКП (б) как "боевой орган партии в эпоху гражданской войны..." [8]. Нельзя здесь сбрасывать со счетов и того, что Советское государство проводило в хронологических рамках, очерченных выше, политику военного коммунизма [2].

Принципиально подчеркнем то, что жесткий партийный контроль за набиравшими мощь вооруженными силами Советского государства стал неотъемлемой чертой всего строительства РККА, что непосредственным образом отразилось и на рассматриваемой организационной структуре. ЦК РКП (б) в постановлении от 25 декабря 1918 г. "О политике военного ведомства", подчеркивая руководящую роль партии в советском военном строительстве, отметил, что политика военного ведомства, как и всех других ведомств и учреждений, ведется "на точном основании общих директив, даваемых партией в лице ее Центрального Комитета и под его непосредственным контролем" [14].

Особенно важную роль сыграл в данной связи VIII съезд РКП (б) (1919 г.). На нем В.И.Ленин, выступая по военному вопросу, заявил, что все основные вопросы военной стратегии обсуждались и решались в ЦК партии. "На каждом заседании ЦК по каждому крупному вопросу стратегии ни разу не было, чтобы мы не решали основные вопросы стратегии" [9].

В резолюции съезда по военному вопросу отмечается,

что революционный характер армии определяется, прежде всего, характером того советского режима, который эту армию создает, который ставит ей цель и превращает ее, таким образом, в свое орудие. С другой стороны, соответствие данного орудия советскому режиму достигается "классовым составом главной массы бойцов, организацией комиссаров и коммунистических ячеек, наконец, общим партийным руководством жизнью и деятельностью армии" [27].

В организационной структуре системы партийно-политической работы, судя по анализу обширного круга источников и литературы [29], можно выделить ряд главных элементов: высшие органы военного управления; члены военных советов, военные комиссары и политработники различного уровня Красной армии; политорганы и организации РКП (б) в Красной армии; командный состав РККА.

Нами будет предпринята попытка обозначить некоторые вехи из истории строительства политорганов и организаций РКП (б) в Красной армии.

Сеть политорганов создавалась в качестве руководящих органов РКП (б) в армии. Одним из первых экспериментов по созданию характеризуемой сети стало решение партийной конференции 4 армии (июль 1918 г.), согласно которому избирался "Центральный Комитет Российской Коммунистической партии 4 армии". 13 августа ЦК РКП (б) направил письмо новорожденному партийному учреждению, в котором рекомендовал решительно бороться со всеми недостатками в войсках, давал советы по организационной структуре комитета [14].

Летом 1918 г. возникает также партийный комитет в 5 армии, именованный себя, как и в 4 армии "Центральным комитетом партии коммунистов 5 армии". В выработанной им инструкции отмечалось, что Центральный комитет 5 армии является "высшей партийной инстанцией в районе 5 армии, в которую следует обращаться за всеми партийными и прочего характера заявлениями и запросами" [17]. Примерно такой же партийный комитет создан в 1 армии [36].

Но подобная раздробленность снижала эффективность партийно-политической работы в целом. 16 сентября 1918 г. утверждается Положение о высшей военной инспекции РККА, которая стала органом РВСР по инспектированию армии и всех ее учреждений [21]. Она состояла из двух отделов – военного и политического. На политический отдел возложили обследование политических и общественных сторон дела армии, агитационной и культурно-просветительной работы, нравственного и политического облика личного и командного состава и их взаимоотношений, "ведя работы свои в ближайшем контакте с работой военного отдела" [32].

31 марта 1919 г. Революционный военный совет Республики (РВСР) издал приказ, в котором объявлялось "Положение о политико-просветительных управлениях при окружных военных комиссариатах". На данное управление возлагалась политико-просветительная деятельность в войсках округа. Причем, внутри управления организовывался специальный агитационно-просветительный отдел [18]. Своеобразным связующим звеном стали здесь созданные агитационно-просветительные на узловых станциях и на местах посадки войск пункты. Их организовали в соответствии с постановлением Совета обороны от 13 мая 1919 г. [25] Они были призваны, как подчеркивал ЦК РКП (б), "посредством литературы, плакатов, граммофонных пластинок, кинематографа, живого слова и т. д. разъяснять широким массам трудового народа смысл происходящей борьбы и привлекать их к строительству новой жизни" [12].

Строительство в рассматриваемой сфере все больше отличалось жесткой централизацией. Еще 23 апреля 1918 г. приказом наркомвоена [15] к Всероссийскому бюро военно-политических [30] комиссаров присоединили агитационно-просветительный отдел Всероссийской коллегии по организации и управлению РККА [3]. Причем, тенденция к централизации постоянно укреплялась. Так, в отчете агитационно-просветительного отдела Всероссийского бюро военных комиссаров о работе за 1918 г. (составлен 31 января 1919 г.) отмечалось, что одной из первых и главных задач отдела является объединение "всей работы по агитации, пропаганде и содействию поднятия культурного уровня красноармейцев и политического воспитания" [19].

Централизация, отмечалось в архивном документе, должна оказывать влияние на успешный учет всех сил, на "равномерное распределение их среди красноармейцев" [33]. А в плане дальнейшей работы агитационно-просветительного отдела Всероссийского бюро военных комиссаров намечалось проведение "самой строгой централизации" во всех областях агитационной и культурно-просветительной работы в Красной армии [34].

Решение же о создании центрального военно-политического органа, призванного руководить всей партийно-политической работой в Красной армии было принято VIII съездом ВКП (б) в 1919. РВСР принял меры к совершенствованию организационной структуры в системе партийно-политической работы. Своим приказом за №94 от 14 октября 1918 г. он подчинил себе Всероссийское бюро военных комиссаров и возложил на него руководство деятельностью военных комиссаров. Теперь политическую деятельность военных комиссаров центральных управлений военного ведомства и полевых органов должен был объединять и направлять политический отдел Реввоенсовета Республики [27]. Открывалась новая страница в истории политорганов Красной армии.

13 ноября 1918 г. РВСР издал приказ № 202 о слиянии политотдела при Реввоенсовете Республики с Всероссийским бюро военных комиссаров [9], а 5 декабря 1918 г. утвердили Положение о политотделах РВС фронтов и армий. В нем подчеркивалось, что политотделы, как органы реввоенсоветов фронтов и армий, создаются для ведения политической (партийной) и культурно-просветительской работы как в действующей армии, так и среди населения прифронтальной и фронтальной полосы [6]. Четко определялось, что политотделы фронтов руководят работой политотделов армий.

Налицо все та же линия на ужесточение централизации. Она нашла свое выражение, например, в резолюции (как показывает ее текстологический анализ) I съезда политработников Красной армии о постановке агитации и пропаганды [38]. Но особенно рельефно линия, указанная выше, нашла отражение в приказе РВСР об учреждении единой структуры политорганов Красной армии (от 22 января 1920 г.). Им преследовалось достижение следующей цели – обеспечение единообразного ведения "политико-просветительской работы в войсках и равномерного распределения политических работников в строевых частях" [37].

Необходимо подчеркнуть, что в процессе дальнейшей централизации, развитию и качественному укреплению сети армейских политорганов стало уделяться самое пристальное внимание. Только в годы Гражданской войны правящим большевистским политическим режимом в данной связи было издано более 20 всевозможных нормативных актов [11]. Причем, иногда деятельность политорганов подвергалась нелицеприятной критике. Так, в "Резолюции 2-го Всероссийского совещания политработников Красной Армии и Флота по докладу о работе Политуправления республики" от 21 декабря 1920 г. констатировалось, что работе ПУРа присущи следующие серьезные недостатки: полное отсутствие идейно-политического руководства со стороны ПУРа местными органами; оторванность его от основных военно-организационных, боевых и политических интересов, которыми жила и живет армия; неудовлетворительная и случайная связь с местами; отсутствие руководства политработой в самой красноармейской массе как на фронте, так и в тылу [20]. Были рекомендованы конкретные меры по устранению недостатков [31].

Подобную критику иначе, как конструктивной, и не назовешь. В конечном итоге, политорганы стали задающими генераторами в организации партийно-политической работы в Красной армии [1].

Относительно организаций РКП (б) в Красной армии необходимо заметить следующее. Они с первых дней формирования Красной армии стали играть видную роль, в том числе в деле укрепления воинской дисциплины. Од-

нако на протяжении 1918 г. шел поиск организационных форм функционирования партийных ячеек в войсках.

В специальной Инструкции партийным организациям частей Красной армии на фронте, утвержденной ЦК РКП (б) [28], отмечалось, что парторганизации "не вмешиваются в действия и распоряжения комсостава". Особое внимание также акцентировалось на том, что каждый член коммунистической ячейки должен стать образцом дисциплинированности и храбрости.

Данный документ оказал плодотворное влияние на организационный аспект деятельности партийных организаций войсковых формирований. Не случайно, в отчете политотдела 1 армии отмечалось, что партийная работа в армии до издания Инструкции ЦК РКП (б) велась "крайне непланомерно". Ячейки самочинно утверждались и вели работу "под час без всякого сношения с каким-либо центральным учреждением. С политотделом меньше всего партийные ячейки считались, и только Инструкцией политотделу были предоставлены права партийного учреждения партийных ячеек" [16].

После ряда организационных мероприятий парторганизации в Красной армии работали, в конечном итоге, под руководством политорганов.

Опыт отечественной истории показал: партийные организации сыграли, в конечном итоге, свою организующую и мобилизующую роль в частях и соединениях Красной армии. Так, в политическом донесении политотдела 9 армии Южного фронта летом 1919 г. сообщалось, что 5 полк – один из лучших полков 20 дивизии, так как в нем имеется мощная партийная организация (подчеркнуто автором статьи. – В.С.), среди бойцов и командиров железная дисциплина, тесная товарищеская спайка [35]. Показательна здесь оценка политотдела Южного фронта, данная в одном из отчетных документов, представляемых в Москву. В нем отмечалось, что проведенная мобилизация коммунистов сыграла положительную роль в укреплении боеспособности войск. Она провела "колоссальный перелом в армиях Южного фронта, и они не только остановили дальнейшее наступление Деникина, но и окончательно разбили его армию"[34].

По нашему суждению, позитивное влияние партийных организаций как одного из главных субъектов анализируемой оргструктуры – историческая реальность. Она еще ждет персонального переосмысления с позиций новых исторических подходов, которые утверждаются сегодня в постсоветской исторической науке. Она еще ждет персонального научного переосмысления в системе теоретико-методологических координат, утвердившихся в современной российской исторической науке.

Таким образом, проблема строительства политорганов

и организаций РКП (б) в Красной армии нуждается в дальнейшем исследовании с новых, подходов, которые утвердились сегодня в исторической науке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Более подробно см., напр.: Краткий очерк культурно–политической работы в Красной Армии за 1918 год; Петров Ю.П. Строительство политорганов, партийных, комсомольских организаций армии и флота. 1918 – 1968 гг.; Политорганы Советских Вооруженных Сил: Историко–теорет. очерк; Кольчев В.Г. Указ. соч. и др.
2. Более см., напр.: Гимпельсон Е. Г. "Военный коммунизм": политика, практика, идеология. М., 1973; Он же. Формирование советской политической системы: 1917–1923 гг. М., 1995; Пешков Ю. С. В. И. Ленин о сущности политики "военного коммунизма". М., 1975; Булдаков В. П. "Военный коммунизм": идеология и общественное развитие / В. П. Булдаков, В. В. Кабанов // *Вопр. истории*. 1990. № 3; Бордюгов Г. А., Козлов В. А. "Военный коммунизм": ошибка или "проба почвы"? / Г.А. Бордюгов, В.А. Козлов // *История Отечества. Люди, идеи, решения*. М., 1991; Присяжный Н. С. Экономическая чума: Военный коммунизм в России. (Историко–экономический анализ 1918–1921 гг.) Ростов–н/Д., 1994; Павлюченков С.А. Военный коммунизм в России: власть и массы. М., 1997; LihL. *Bolshevik Razverstka and War Communism // Slavic Review*. V. 45. Nr. 4. 1986
3. Всероссийская коллегия по организации и управлению РККА была создана 15 (28) января 1918 г. (см.: Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 357–358).
4. ГАРФ. Ф.130. Оп.3.Д.560. Ч.2.Л.113.
5. Декреты Советской власти. М., 1964. Т. 3. С. 268.
6. Из истории гражданской войны в СССР. Сб. док. Т.1. С.168–169.
7. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 150.
8. Ленин В. И. Речь по военному вопросу на VIII съезде РКП (б), 21 марта 1919 г. // Ленин. сб. Т. XXXVII. С. 137.
9. Партийно–политическая работа в Красной Армии (апрель 1918 – февраль 1919). С.89.
10. Под партийно–политической работой в Вооруженных силах СССР понималась "идеологическая и организаторская деятельность военных советов, командиров, политорганов, партийных организаций СА и ВМФ; составная часть руководства Коммунистической партии Советского Союза Вооруженными силами. Рассматривалась в качестве теории и практики воспитания военнослужащих, организовывалась и проводилась как система мероприятий по реализации политики КПСС в СА и ВМФ" (Военно– энцикл. словарь М., 2001. Т. 2. С. 276 – 278). В рамках партийно–политической работы проводилась и воспитательная работа с военнослужащими. Причем не просто воспитательная, а политико–воспитательная работа. Тем самым подчеркивался классовый подход к организации партийно–политической работы, ее детерминированность политикой правившей в стране компартии (см.. напр.: Партийно–политическая работа в Вооруженных Силах СССР (1918 – 1973 гг.) : ист. очерк. М., 1974.).
11. Подсчет по: Партийно–политическая работа в Красной Армии (апр. 1918 – февр. 1919): док. ...; Партийно–политическая работа в Красной Армии (март 1919 – 1920 гг.): док. ...; Из истории гражданской войны в СССР: сб. док.: в 3 т. ...; Декреты Советской власти. Т. 1–3. ...; Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства. 1918 – 1919. ...; Справочник партийного работника. – М., 1924. – Вып. 4.
12. Правда. 1919. 17 дек.
13. Приведем выдержки из него: "Ввиду того, что в некоторых рядах партии распространяется мнение, будто политика военного ведомства есть продукт личных воззрений отдельных товарищей или отдельной группы, причем такого рода заявления проникают на страницы партийной печати, Центральный Комитет Российской Коммунистической партии считает необходимым в самой категорической форме подтвердить то, что для наиболее ответственных и опытных работников в партии не могло вообще стоять под сомнением, именно, что политика военного ведомства, как и всех других ведомств и учреждений, ведется на точном основании общих директив, даваемых партией в лице ее Центрального Комитета и под его непосредственным контролем. (выделено автором статьи. – В.С.). Тот факт, что ответственность за политику военного ведомства в целом несет партия, не лишает, разумеется, отдельных членов партии права подвергать эту политику принципиальной или чисто деловой критике. Но Центральный Комитет считает безусловно недопустимым как со стороны отдельных товарищей, так и со стороны органов печати вводить в заблуждение общественное мнение партии и широких общественных кругов, изображая политику военного ведомства как случайную политику отдельных лиц и групп..." (КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза. М., 1969. С. 36.)
14. РГАСПИ. Ф.17.Оп.1.Д.67.Л.554.
15. РГВА. Ф.1.Оп.1.Д.92.Л.136 об.
16. РГВА. Ф.157.Оп.2.Д.160. Л.99.
17. РГВА. Ф.185. Оп.2.Д.808. Л.194.
18. РГВА. Ф.4. Оп.3. Д.57.Л.34.
19. РГВА. Ф.8. Оп.1.Д.16.Л.74.
20. РГВА. Ф.9.Оп.8.Д.28.Л.22.
21. Российский государственный военный архив (РГВА) Ф.10. Оп.1. Д.16.Л.2–3об.
22. См., напр.: КПСС и военное строительство [Текст] / под ред. А. А. Епишева. – М., 1982; КПСС и строительство Советских Вооруженных Сил [Текст]. – М., 1967; Епишев А.А. Актуальные вопросы партийно–политической работы в армии и на флоте. М., 1984; Идеологическая работа в Вооруженных Силах СССР: ист.–теорет. очерк / [Исаков П. Ф., Ильин С. К., Артамошин Ю. Н. и др.]; под ред. А. А. Епишева. – М., 1983; Кольчев, В. Г. Партийно–политическая работа в Красной Армии в годы гражданской войны 1918 – 1920 – М., 1979. и др.
23. См., напр.: Ипполитов Г. Российские комбатанты в российском междоусобии. Моральный дух войск в годы Гражданской войны в России / Saarbrucken,

- Germany: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011; Он же. "Красные орлы" против "рыцарей белой мечты": духовная сеча. Моральный дух комбатантов в рос. Гражд. войне (нояб. 1917 – дек. 1920 гг.): опыт компаративного анализа. – Самара, 2005; Калашникова Е. Б. Идеологической деятельности органов советской власти в частях действующей армии в годы Гражданской войны в России (1918 – 1920 гг.): моногр. Самара, 2007; Посвятенко О. Н. Политическое воспитание военнослужащих Красной армии (1918 – 1923 гг.): ист. опыт, уроки : моногр. Самара, 2010 и др.
24. См.: Кривенко А.М. Военная организация государства: социально–философский анализ. М., 2001
25. См.: Декреты Советской власти. М., 1971. Т. 5. С. 184–186.
26. См.: КПСС в резолюциях и решениях... М., 1970. Т. 2. С. 67.
27. См.: Партийно–политическая работа в Красной Армии (апрель 1918 – февраль 1919). Док. С.89.
28. См.: Правда. – 1919. – 10 янв.
29. См.: Программа Российской коммунистической партии (большевиков): [резолюции и постановления VIII съезда РКП (б)] // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конф. и пленумов ЦК. – М., 1970. – Т. 2. – С. 37–59; Положения и инструкции по постановке политико–просветительной работы в Красной Армии. – М., 1919. Инструкция для комиссара полка в действующих частях. – Б.м.: Политотд. Юж. Фронта, 1919. Троцкий Л.Д. Доклад на V Всероссийском Съезде Советов Р, С, К и Кр Д 9 июля 1918 г., на другой день после подавления происходившего 6 – 8 июля мятежа левых с.–р. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.magister.msk.ru/library/trotsky/trotl696.htm> свободный. – Загл. с экрана X лет Красной Армии: альбом диаграмм. – М., 1928; Партийно–политическая работа в Красной Армии (апрель 1918 – февраль 1919): документы. – М., 1961. – 360 с. Ленин В.И. О современном положении и ближайших задачах Советской власти: доклад на соединенном заседании ВЦИК, Московского Совета рабочих и красноармейских депутатов, Всерос. совета профсоюзов и представителей фаб.–зав. ком. Москвы 4 июля 1919 г. // Полн. собр. соч. – Т.39. – С.30–43; Партийно–политическая работа в Красной Армии (март 1919 – 1920 гг.): документы. – М., 1964. – 536 с. Партия в период иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918 – 1920 годы) : док. и материалы. – М., 1962. КПСС и военное строительство / под ред. А. А. Епишева. – М., 1982; КПСС и строительство Советских Вооруженных Сил]. – М., 1967; Епишев А.А. Актуальные вопросы партийно–политической работы в армии и на флоте. М., 1984; Идеологическая работа в Вооруженных Силах СССР: ист.–теорет. очерк / [Исаков П. Ф., Ильин С. К., Артамошин Ю. Н. и др.]; под ред. А. А. Епишева. – М., 1983; Колычев, В. Г. Партийно–политическая работа в Красной Армии в годы гражданской войны 1918 – 1920 – М., 1979 и др.
30. Так в тексте. – Примеч. соискателя.
31. Там же. Л.23.
32. Там же. Л.3.
33. Там же. Л.75.
34. Там же. Л.79. Характерно, что централизация была поставлена во главу угла не только на фронтах, но и в военных округах. Данный тезис подтверждается текстологическим анализом Положения о политико–просветительных управлениях при окружных военных комиссарах, объявленного приказом РВСР №587 от 31 марта 1919 г. (Там же. Ф.4.Оп.3.Д.57.Л.34.).
35. Там же. Ф.100. Оп.2. Д.79. Л.8–9.
36. Там же. Ф.157. Оп.2. Д.346. Л.126.
37. Там же. Ф.4. Оп.3 Д.61. Л.61 и об.
38. Там же. Ф.9. Оп.11. Д.82. Л.31–32.

© В.А. Семькин, (mar1955@mail.ru), Журнал «Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики»,

21-24 МАЯ

XXI МЕЖДУНАРОДНАЯ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННАЯ ВЫСТАВКА

ГАЗ. НЕФТЬ.
ТЕХНОЛОГИИ–2013

г.УФА

БАШКИРСКАЯ ВЫСТАВОЧНАЯ КОМПАНИЯ
(347) 253 09 88, 253 11 01, 253 38 00
gasoil@bvkexpo.ru

сайт выставки: www.gntexpo.ru

ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ РАБОТА В КРАСНОЙ АРМИИ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР ЗА ПЕРИОД 1918 - СЕРЕДИНА 1950-Х ГГ.

PARTY-POLITICAL WORK IN THE RED ARMY
DURING THE CIVIL WAR IN RUSSIA:
HISTORIOGRAPHICAL REVIEW
PERIOD 1918 - mid 1950's.

O. Chizhakovsky

Competitor of the Ulyanovsk State University

International scientific-practical conference "Development of national
historical science in the XXI century", Moscow, December 21, 2012.

chia58@rambler.ru

Чижаковский Олег Иванович
Соискатель,
Ульяновский государственный
университет

Материалы международной научно-практической конферен-
ции "Развитие отечественной исторической науки в XXI веке",
г.Москва, 21 декабря 2012 года.

Партийно-политическая работа в Красной армии в период российской Гражданской войны может рассматриваться как система мероприятий по реализации политики правившей в Советской России компартии в РККА [36],[23],[40].

Приращение исторических знаний в исследуемом периоде происходило в жесткой системе координат идеологического диктата со стороны правившей в стране коммунистической партии, методологии марксизма-ленинизма, адаптированного к потребностям политического режима советской власти, и перманентно прогрессировавших цензурных ограничений. Историко-партийная проблематика являлась доминирующей. В ее рамках интенсивно исследовалась проблема партийно-политической работы в Вооруженных силах Советского государства, конституированная идеологами правившей в стране компартии, в качестве приоритетной. Здесь можно выделить три историографических этапа: первый – 1918 – 1920 гг.; второй – 1920-е – середина 1930-х гг.; третий – середина 1930-х гг. – середина 1950-х гг.;

Первый историографический этап. В условиях Гражданской войны вышли в свет первые публикации по проблеме партийно-политической работы в РККА, в которых нашли отражение, в том числе, и некоторые аспекты рассматриваемой проблемы, главным образом, в контексте внутреннего и внешнего содержания политической работы в целом, на освещении ее основных форм и методов. Ясно, что это не научные труды, но в них много тезисов инструктивного характера, которые, правда, изложены в духе революционной фразеологии и агитационных штампов [32],[28],[15], [17],[46],[13],[33],[34],[38],[1],[39],[19]. Имеется и уничижительные ярлыки

[3],[48].

В то же время, появились работы, в которых предпринимались попытки некоторых научных обобщений. Так, Ем. Ярославский, ответственный работник ЦК РКП (б), прочитал в октябре 1918 г. лекцию на курсах командного состава РККА, изданную отдельной брошюрой. Лектор обозначил задачу "полного широкого политического воспитания солдатской массы" [52]. Особенное внимание акцентировалось на теме повышения уровня революционной дисциплинированности красных бойцов и командиров. Но, в целом, материал изложен схематично, в стиле революционной фразеологии. В 1920 г. Политуправление Южного фронта издало сборник, посвященный событиям на Южном фронте с момента вступления в должность командующего М.В. Фрунзе. Авторы кратко обобщили опыт агитационно-пропагандистской работы как одной из составляющих политического обеспечения боевых действий Красной армии [43].

Общая черта для всех работ – инструктивный характер и излишняя категоричности в авторских обобщениях.

Второй историографический этап характеризовался ликвидацией относительной творческой свободы, зарождением и утверждением сталинской методологии в историографии. Публикация работ по рассматриваемой теме продолжалась. С.И. Гусев, крупный партийный функционер, обобщил опыт партийно-политической работы в годы Гражданской войны [11],[12]. Он, в частности, считал важнейшей задачей непрерывное воспитание личного состав РККА в духе преданности идеям коммунизма и любви к советской власти через целенаправленные усилия, в первую очередь, комиссаров и политорганов [14]. Примерно такие же оценки присутствуют в учебной бро-

шюре Л.Дегтярева [16]. Ф.Блументаль отмечал, что разъяснение военной политики ЦК РКП (б) – важная составляющая в партийно–политической работе в Красной армии [2]. Основные принципы партийно–политической работы в мирное и военное время, осветил, базируясь на накопленном опыте во время Гражданской войны, А.А. Геронимус [7].

Увидели свет труды, освещающие опыт работы политорганов и партийно–политического аппарата в период Гражданской войны [44],[8]. Исследуемая тема нашла некоторое отражение и в работе, посвященной борьбе с дезертирством в Красной армии в 1918 – 1920 гг., а также и ликвидации безграмотности [35],[6]. В работах А.А.Геронимуса наша тема поднимается в контексте анализа политики ВКП (б) в военном строительстве. Освещаются под критическим углом зрения, в том числе и отдельные аспекты партийно–политической работы в годы Гражданской войны, особенно в действующей армии [9],[10]. Небезынтересно и то, что в публикациях газеты "Красная звезда" в 1924 – 1925 гг., посвященных военной реформе в СССР, как показывает их контент–анализ [20], в 22, 4% площади печатного текста имеются речевые конструкции – ссылки на опыт партийно–политической работы в действующей армии в 1918 – 1920 гг. Н. Какурин в фундаментальном обобщающем труде "Как сражалась революция" обозначил то, что РВС всех уровней, политорганы фронтов и армий постоянно держали в поле зрения вопросы политического влияния на бойцов и командиров. Однако конкретного содержания партполитработы ученый не показал [24].

Д.А.Фурманов дал историографический обзор книг и брошюр, вышедших в местных издательствах и посвященных показу борьбы с белогвардейцами и интервентами в различных районах страны. Автор, в частности, подчеркивает необходимость создания трудов, более полно раскрывающих партийно–политическую работу в РККА [50].

Однако серьезным недостатком всех работ является слабая опора на архивные документы, а также колоритная идеологическая окраска, существенно девальвирующая их научную значимость.

Третий историографический этап характеризуется безраздельным доминированием сталинской парадигмы в историографии. Анализируемая тема освещается в специальных публикациях по истории органов, ответственных за партийно–политическую работу в период Гражданской войны [30],[31]. Так, Н.Игнатьев, гипертрофированно преувеличивая роль Сталина в укреплении

политорганов и партийных организаций в РККА, описывает деятельность партийно–политического аппарата в сфере политико–воспитательной работы. Но это краткий исторический очерк, в котором нет глубоких научных заключений [22]. В монографии Ю.П. Петрова освещается история строительства партийно–политического аппарата в Вооруженных силах Советского государства, в том числе и в период Гражданской войны. Здесь, по сравнению с работой Н.Игнатьева, более четкие научные обобщения с обязательными ссылками на авторитет Сталина [37].

Обобщенно и схематично рассматриваемая тема затронута в работах, посвященным различным аспектам борьбы красных против белых Юге России [26],[29],[49]. Выходят и работы, в которых умалчивается о негативных аспектах морального облика РККА в период ее боевых действий на Юге России. Так, В.И. Сидоров уделяет повышенное внимание описанию агитационно–пропагандистской работы в Первой конной армии Буденного и использованием некоторых архивных материалов (в то время доступ к архивам был чрезвычайно затруднен). Но он умалчивает о моральном разложении отдельных кавалерийских частей в ходе боевых действий против ВСЮР [45].

После Великой Отечественной войны появились диссертационные исследования, имеющие отношение к рассматриваемой теме [51],[26],[47],

[41],[21]. Так, в кандидатской диссертации В.С. Владимирцева анализируется деятельность РВС Южного фронта и армий, входивших в его состав, военных комиссаров всех рангов, политорганов, партийных организаций в сфере партийно–политической работы, особенно в войсках первого эшелона [4].

Меду тем, на все работы наложили негативный отпечаток деформации перманентно прогрессирующего в стране культа личности Сталина, серьезно снижавшие достоверность научных результатов исследований.

Меду тем, на все работы наложили негативный отпечаток деформации перманентно прогрессирующего в стране культа личности Сталина, серьезно снижавшие достоверность научных результатов исследований.

Таким образом, есть основания полагать, что в советской историографии в обозреваемом периоде состоялась научная разработка темы партийно–политической работы в РККА. Однако уровень ее идеологизации и политизации являлся чрезмерно высоким. Однако при новом прочтении данные работы, безусловно, могут стать полезными современным исследователям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабин Е. Как организовать ротную ячейку. Киев, 1919;
2. Блументаль Ф. Партийно–политическая работа в Гражданскую войну 1918 – 1921 гг. // Гражданская война 1918 – 1921 гг. М., 1928. Т. 2. С. 129 – 140.
3. Быстрянский В.А. Рабоче–Крестьянская революция в оценке буржуазной 4. публицистики. М., 1919;
4. Владимирцев В. С. Партийно–политическая работа на Южном фронте в период разгрома Деникина (октябрь 1919 – январь 1920 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. М., 1952.

5. Военные комиссары в годы Гражданской войны // Парт.–полит. работа в РККА. – 1939. – № 1. – С. 32–45;
6. Вырвич А. Красная армия в борьбе с неграмотностью. М., 1925.
7. Геронимус А. Основные принципы партийно–политической работы в РККА в мирное и военное время / А. Геронимус В. Красильников С. Стерлин. Л., 1930.
8. Геронимус А. Основные моменты развития партийно–политического аппарата в Красной армии в 1918 – 1920 гг. // Гражданская война 1918 – 1921 гг. – М., 1928. – Т. 2. – С. 110–127.
9. Геронимус А. Партия и Красная армия: ист. очерк. – М.; Л., 1928.
10. Геронимус А. Политика ВКП (б) в строительстве Вооруженных Сил пролетарского государства. – М., 1929;
11. Гусев С. И. Гражданская война и Красная Армия : сб. воен.–теорет. и воен.–полит. ст. (1918 – 1924). М., 1925.
12. Гусев С. И. К пятилетнему юбилею ПУРа // Изв. 1924. 18 апр.;
13. Гусев С. И. Партийная работа на фронте // Воен. мысль – 1919. – № 1. – С. 3–11; Горин Вл. (Галкин).
14. Гусев С. И. Уроки Гражданской войны. М., 1921. С. 6, 10, 26.
15. Дегтярев Л. Как устроить чтение лекций в красноармейских частях, при волостных и уездных военных комиссариатах. – Пенза, 1919;
16. Дегтярев Л. Политработа в Красной армии. М.; Л., 1925.
17. Дегтярев Л.. Краткий очерк по политическому воспитанию в Красной Армии. – М., 1920;
18. Докшин С. В. Назначение политических органов и особенности партийного строительства в Вооруженных Силах Союза ССР. М., 1948 и др.
19. Егоров И. Пролетариат должен овладеть школой. – Смоленск, 1920 и др.
20. За единицу подсчета брался один абзац газетной публикации по тематике. Вырвич А. Красная армия в борьбе с неграмотностью. М., 1925.
21. Зубарев В. В. Формы и методы партийно–политической работы в массах в период иностранной интервенции и гражданской войны : дис. ... канд. ист. наук. Л., 1955.
22. Игнатьев Н. История партполитаппарата Вооруженных Сил Союза ССР: краткий очерк. М., 1947
23. Идеологическая работа в Вооруженных Силах СССР : историко–теорет. очерк. М., 1983;
24. Какурин, Н. Как сражалась революция : в 2 т. М., 1925 – 1926.
25. Камаев А. И. Вопросы политического воспитания советских воинов в произведениях В.И. Ленина и И. В.Сталина : дис. ... канд. ист. наук. Л., 1951;
26. Коротков И.С. Разгром Врангеля. – М., 1939;
27. Котин А. Партийные организации Красной Армии // Большевик. 1940. № 13, 22;
28. Краткий очерк культурно–политической работы в Красной армии за 1918 год. – М.: Агитпросветотд; Всерос. бюро воен. комиссаров, 1919;
29. Кузнецов Ф. Начало разгрома Деникина //Воен. вестн. – 1939. – №11;
30. Кузьмин П. Партийные организации Красной армии в годы Гражданской войны // Там же. №5;
31. Кузьмин П. Политорганы Красной армии в период гражданской войны // Там же. №5;
32. Линдов Г. Д. О политической работе и политических работниках – Самара, 1918;
33. Наши задачи по политическому воспитанию Красной армии. – М., 1919;
34. О новых формах агитации и пропаганды: сб. ст. / под ред. Д. Фурманова. – Б.м., 1919
35. Оликов С. Дезертирство в Красной армии и борьба с ним. М., 1926;
36. Партийно–политическая работа в Вооруженных Силах СССР. 1918–1973 гг.: ист. очерк. М., 1974;
37. Петров Ю. П. Строительство партийно–политического аппарата Советской Армии (1921 – 1940 гг.). М., 1954.
38. Познер В.М. Красная армия и просвещение. М., 1919;
39. Политическая работа в Красной армии Юго–Западного фронта. – Б. м.: Политотдел Украинской трудовой Армии, 1920;
40. Политорганы Советских Вооруженных Сил : историко–теорет. очерк. М., 1984 и др.
41. Прусанов И.П. Коммунисты Южного фронта в борьбе за разгром Деникина: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1953;
42. Разгром армии Деникина. – М., 1939;
43. Разгром Врангеля. – Харьков, 1920.
44. Рябичев Н. Политотдел в Гражданской войне// Революционная армия. – 1921. – № 1. – С. 68–73.
45. Сидоров В. И. Партийно–политическая работа в Первой конной армии. М., 1941.
46. Смилга И. Политическая работа в Красной армии // Год Красной армии. – Самара, 1919;
47. Титкин И.Ф. Партия большевиков – вдохновитель и организатор разгрома Деникина: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1951;
48. Толоконников Т. Французская буржуазия и Иуда Врангель. М., 1920 и др.
49. Филиппов В.Т. Борьба за Каховку /В.Т. Филиппов. – М., 1938 и др.
50. Фурманов Д. Краткий обзор литературы (непериодической) о гражданской войне // ПР. 1923. № 5 (17). С. 321–341.
51. Шокано М.Б. Комсомол України в боротьбі проти інтервентів та внутрішньо контрреволюції в 1918 – 1920 рр.: Дис. ... канд. ист. наук. К., 1950;
52. Ярославский Е. Культурно–просветительная работа в Красной армии – М., 1919. – С.6.

Требования к оформлению рукописей статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно–практического журнала "Современная наука: актуальные проблемы теории и практики" принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе "Антиплагиат".

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно–практический журнал "Современная наука: актуальные проблемы теории и практики" проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением ".doc", или ".rtf", шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускается.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Список литературы составляется в соответствии с ГОСТ 7.1–2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0–11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные – 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф–редактору научно–практического журнала "Современная наука: актуальные проблемы теории и практики" (e–mail: redaktor@nauteh-journal.ru).